

Джон Элдер Робисон

Смотри мне в глаза
Жизнь с синдромом Аспергера

Перевод: М. Чубарова

*Посвящается моему брату, благодаря которому я взялся за эту книгу, и
в особенности – Второму Звену и Медвежонку*

Содержание

От автора.....	4
Предисловие.....	5
Пролог.....	8
Глава 1. Маленький изгой.....	11
Глава 2. Товарищ по играм.....	18
Глава 3. Эмпатия.....	23
Глава 4. Мастер розыгрышей.....	26
Глава 5. Я нашел «Порше».....	31
Глава 6. Кошмарные годы.....	35
Глава 7. Требуется сборка.....	40
Глава 8. Собаки меня боятся.....	46
Глава 9. Я бросаю школу.....	55
Глава 10. Мусорщик.....	61
Глава 11. Пылающая ванна.....	65
Глава 12. В тюрьме вместе с группой.....	71
Глава 13. Большой успех.....	78
Глава 14. Первая дымовая гитара.....	82
Глава 15. Паром до Детройта.....	88
Глава 16. Стать частью машины.....	93
Глава 17. Рок-н-ролл всю ночь.....	96
Глава 18. Настоящая работа.....	105
Глава 19. Визит начальства.....	111
Глава 20. Логика и светские беседы.....	116
Глава 21. Молодые руководители.....	120
Глава 22. Путь к нормальности.....	127
Глава 23. У меня появился Медвежонок.....	133
Глава 24. Диагноз к сорока годам.....	142
Глава 25. Монтегюнцы.....	147
Глава 26. Алгоритм знакомства.....	151
Глава 27. Семейная жизнь.....	154
Глава 28. Возвращение с победой.....	157
Глава 29. Моя жизнь как поезд.....	160
Эпилог.....	165

От автора

В этой книге я постарался как можно точнее выразить свои мысли и чувства – насколько это вообще возможно. Столь же тщательно я подошел и к описанию людей, мест и событий, хотя это временами было труднее. Конечно, рассказывая о своем раннем детстве, я не мог воспроизвести все разговоры дословно. Но за свою жизнь я хорошо изучил манеру речи и поведение своих родителей, а также то, как я говорю сам и как веду себя с другими людьми. С помощью этих знаний я реконструировал сцены и разговоры, которые достоверно описывают мои мысли, чувства и поступки в важные моменты жизни.

Память несовершенна даже у людей с синдромом Аспергера, поэтому не исключено, что в некоторых эпизодах я перепутал действующих лиц или хронологию. Но в моей истории не так уж важна хронологическая точность. В большинстве случаев я упоминаю подлинные имена, но там, где я не хотел поставить кого-то в неловкое положение или просто забыл чье-то имя, я использовал вымышленное. Что касается тех людей, что появлялись в книге моего брата Огюстена Берроуза «Бегом с ножницами», я называю их теми же вымышленными именами, что и он.

Я надеюсь, что все, кто упомянут в моей книге, останутся довольны. Возможно, некоторым что-то не понравится, но, надеюсь, они хотя бы оценят мою честность. Я тщательно продумывал каждый портрет и старался описывать наиболее тяжелые сцены с тактичностью и пониманием.

Но, прежде всего, я надеюсь, что эта книга покажет раз и навсегда: даже если мы, аспергианцы, кажемся похожими на роботов, мы действительно способны глубоко чувствовать и переживать.

Предисловие

от Огюстена Берроуза

Меня и моего старшего брата, по сути, воспитали разные родители. Его отец и мать были оптимистичны и молоды – обоим слегка за двадцать, они только поженились и начали строить совместную жизнь. Он был молодым профессором, она – домохозяйкой с художественными наклонностями. Мой брат называл их «папочкой» и «мамочкой».

Я родился восемь лет спустя – случайность на исходе рассыпающегося брака. К тому времени душевная болезнь матери зашла уже далеко, а отец стал беспробудным пьяницей, опасным для окружающих. Родители брата были полны надежд и строили планы совместного будущего. Мои родители не выносили друг друга и были глубоко несчастны.

Но у меня был брат – а у него был я.

Он с ранних лет оказывал на меня сильное влияние. Сначала он научил меня ходить. Потом он гонялся за мной с палками и дохлыми змеями – и я научился бегать.

Я любил его и ненавидел в равной мере.

Когда мне было восемь лет, брат меня бросил. В свои шестнадцать он был юным гением, необузданным, неуправляемым – и вот он вырвался на свободу. Родители не пытались его остановить. Они знали, что не могут дать ему то, в чем он нуждался. Но я был раздавлен отчаянием.

Джон не бывал дома неделями, а потом внезапно возвращался. Он не просто заходил постирать грязную одежду – он рассказывал истории о своей жизни в большом мире. Истории настолько шокирующие и немыслимые, полные опасностей и невероятных событий, что они просто были обязаны быть правдой. К тому же, у брата имелись шрамы, сломанный нос и туго набитый бумажник в качестве доказательств.

Когда брат возвращался из своих походов, напряжение в доме словно испарялось. Мы вдруг начинали хохотать. Нам хотелось поскорее узнать, что было дальше. И он целыми днями развлекал нас рассказами о своей фантастической жизни. А потом снова исчезал в огромном мире – и я ненавидел, когда он уходил.

Брат обладал прирожденным талантом рассказчика. Но, повзрослев, он стал бизнесменом, а не писателем, и это всегда мне казалось каким-то неправильным. Он добился успеха в своем деле, но никто из его сотрудников или клиентов не знал, да и не поверил бы, какие он умел рассказывать истории.

В своей автобиографии «Бегом с ножницами» я посвятил брату всего одну главу, поскольку в те годы, о которых речь идет в книге, я виделся с ним даже реже, чем прежде. В главе «Он вырос без диагноза» я описал некоторые его поразительные поступки и черты – черты человека, которому позже поставят диагноз синдром Аспергера, легкую форму аутизма. К моему изумлению, на первой же презентации книги ко мне стали подходить и представляться люди с синдромом Аспергера. В книге описывались самые разные непотребства: сумасшедшая мать; психиатр, который одевался в костюм Санты;

чтения на унитазе; женщина, которую я принял за волка; рождественская ель, которую никто не хотел убирать. И при этом на каждой встрече с читателями ко мне неизменно подходил кто-нибудь и говорил: «У меня синдром Аспергера, как у вашего брата. Спасибо, что написали об этом». Иногда родители задавали мне вопросы о своих детях с тем же диагнозом. У меня было искушение дать им совет по медицинской части, раз уж я завладел их вниманием, но я воздерживался.

«Неужели нет каких-нибудь настоящих книг об этих людях?» – думал я. К своему удивлению, я выяснил, что литературы на эту тему действительно не так уж много. Было несколько научных трудов, были книги попроще, но тоже медицинского характера, и большинство из них сводилось к одному: лучшее, что могут сделать родители для таких детей – купить им мощный компьютер и забыть о попытках обучить этикету. Но ни одна из этих книг даже в малой степени не объясняла поведение моего брата.

Я снова написал о нем в одном из своих очерков, вошедших в сборник «Волшебное мышление». И снова ко мне стали приходиться люди. Я начал думать, не написать ли о нем целую книгу. Это был бы увлекательный процесс – брату бы точно понравилось. Нужно было только разговорить его и начать быстро-быстро печатать. Я мог даже оставить то же название, что было у очерка: «Аспергер-Шмаспергер», и добавить подзаголовок: «Воспоминания о моем брате». Я даже начал придумывать оформление обложки, но написать эту книгу мне так и не пришлось.

В 2005 году наш отец оказался смертельно болен. Мой брат был растерян, подавлен и стал совершенно похож на человека. Впервые в жизни я видел, как он, не скрываясь, плачет – сидя у больничной койки и глядя отца по голове.

Со стороны это могло показаться нормальной ситуацией – трогательный момент между отцом и сыном. Но я никогда раньше не видел, чтобы брат так себя вел. Люди с синдромом Аспергера не умеют и не любят проявлять чувств – во всяком случае, в такой мере. Никогда прежде я не видел такой лавины ничем не сдерживаемых эмоций.

Я не знал, как к этому отнестись. С одной стороны, для брата это было достижение. С другой стороны, история нашей семьи богата психическими расстройствами, и это еще мягко сказано, поэтому я опасался, что это будет не достижение, а падение в пропасть.

После смерти отца мой брат, такой энергичный и бодрый, был печален и опустошен. Он начал беспокоиться о своем здоровье и, возможно, впервые задумался, что тоже смертен.

Не зная, что еще предпринять, я отправил ему письмо, где посоветовал написать о смерти отца. «Что мне писать?» – спросил он в ответ. Я объяснил, что если изложить свои переживания, это хотя бы отчасти поможет освободиться от тяжелых чувств, и дал ему самый давний писательский совет: показывай, а не рассказывай.

Через несколько дней брат прислал мне очерк о нашем отце – о том, как навещал его в больнице, о его последних днях, и о воспоминаниях, большей частью, мрачных, которые всплывали из

прошлого. Текст был написан поразительно искренне и при этом несомненно талантливо.

«Я знал, что Джону есть о чем рассказать», – подумал я, – «но откуда у него такой дар?»

Я разместил очерк на своем сайте, и он быстро стал самой посещаемой страницей. В адрес брата стало приходиться не меньше писем, чем в мой – меня это одновременно и радовало, и заставляло задуматься. Посыпались вопросы: «Вы опубликуете еще что-то из его творчества?» «Он написал еще что-нибудь?» «Чем ваш брат занимается сейчас?»

Поэтому в марте 2006 года я ему сказал: «Тебе нужно написать автобиографию. О синдроме Аспергера, о том, как ты рос, не зная своего диагноза. Вспомни все свои истории. Расскажи обо всем.»

Минут через пять мне на почту пришел ответ с первой главой. «Вроде того?» – значилось в теме письма.

Да. Вроде того.

Мой гениальный брат снова нашел выход своей неукротимой энергии и таланту, которыми отличаются обладатели синдрома Аспергера. Когда однажды Джон решил изучить историю нашей семьи и составить генеалогическое древо, у него получился документ в две тысячи страниц. Поэтому, стоило ему ухватиться за идею мемуаров, он взялся за дело с таким усердием, что другой человек на его месте угодил бы в психушку от нервного истощения.

Он закончил рукопись в рекордно короткое время. Надо ли говорить, что меня распирало от гордости. Конечно, книга вышла потрясающая – ведь ее написал мой старший брат. Но даже если бы ее создал не мой грубый, неповоротливый, неотесанный, вечно небритый братец – это прекрасно написанные воспоминания, трогательные, грустные, смешные, правдивые и искренние, какими только и могут быть мемуары. Без капли фальши и попытки кому-либо угодить.

После тридцати лет молчания мой брат вновь стал рассказчиком.

Пролог

- Смотри мне в глаза, юноша!

Сколько раз я слышал эту фразу, сказанную резким тоном, от которого звенело в ушах. Все началось еще с тех пор, как я пошел в первый класс. Я слышал эту фразу от родителей, родственников, учителей, директора школы и прочих самых разных людей. Я слышал ее так часто, что начал предугадывать, когда она прозвучит.

Иногда слова сопровождалась тычком линейки или указки с резиновым наконечником, какими пользовались учителя в то время. Они говорили: «Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!» Я ежился, мялся и продолжал глядеть в пол, что злило их еще больше. Я поднимал глаза на их враждебные лица, и мне становилось еще неуютнее. Я не мог выдать из себя ни слова и вновь отводил взгляд.

Отец говорил:

- Смотри на меня! Что ты скрываешь?

- Ничего.

Если отец был пьян, он мог принять такой ответ за дерзость и наброситься на меня. К тому времени, как я пошел в школу, отец покупал вино галлоновыми бутылками и каждый вечер успевал изрядно приложиться к емкости еще до того, как я ложился спать. Ночью он тоже продолжал пить.

Он говорил: «Смотри на меня», а я разглядывал нагромождения пустых бутылок за креслом и под столом. Я смотрел куда угодно, только не на него. Когда я был меньше, я убегал и прятался, а он гнался за мной, размахивая ремнем. Иногда мать приходила мне на помощь. Иногда нет. Когда я подрос и собрал внушительную коллекцию ножей (мне тогда было лет двенадцать), он понял, что я могу дать отпор, и от греха подальше перестал приставать.

Всем казалось, что они видят меня насквозь. По их мнению, все было просто - я был пропащим человеком. «Люди не станут доверять тому, кто не смотрит им в глаза». «Ты похож на уголовника». «Ты что-то замышляешь. Я же вижу!»

В большинстве случаев, я ничего не замышлял и не мог понять, почему они так злятся. Я вообще не понимал, что такого важного в том, чтобы смотреть в глаза. И все же я чувствовал себя виноватым - люди ждали от меня того, что я никак не мог сделать. Что со мной было не так?

«Социопат» и «псих» - таковы были самые популярные диагнозы, которые я получал за свой внешний вид и выражение лица. Я регулярно слышал: «Я читал о таких, как ты. Их лица ничего не выражают, потому что у них нет чувств. Самые страшные из убийц в истории были социопатами».

Я начинал верить в то, что обо мне говорят - ведь многие говорили одно и то же. Сознать свою ущербность было больно. Я становился более замкнутым, более отстраненным. Я начал читать книги о психических отклонениях и задумываться, что будет, если однажды я «сорвусь». Что, если я вырасту убийцей? Я читал, что убийцы подозрительно выглядят и не смотрят людям в глаза.

Эти мысли постоянно меня тревожили. Я не нападал на людей. Не устраивал пожары. Не мучил животных. Я не испытывал желания кого-то убить. Пока. Но вдруг это случится позже? Я долгое время размышлял, не окажусь ли я в тюрьме. Я читал о разных тюрьмах и решил, что федеральные лучше. Если когда-нибудь попаду за решетку, думал я, пусть это будет обычная федеральная тюрьма, а не какое-нибудь жуткое заведение вроде «Аттики».¹ Только уже будучи подростком, я наконец пришел к выводу, что я не убийца и не маньяк. Я уже знал, что ничего не скрываю и не хитрю, когда отвожу взгляд. Я начал задумываться, почему столь многие люди считали такое поведение подозрительным. К тому времени мне уже довелось столкнуться с подозрительными и нечистыми на руку людьми, которые как раз смотрели мне прямо в глаза. Это наводило на мысль, что те, кто на меня жаловался, были попросту лицемерами.

По сей день любая зрительная информация отвлекает меня от разговора. В детстве, когда я замечал что-нибудь интересное, то сразу же обращал взгляд туда и замолкал. Сейчас я не прекращаю разговор, но все равно делаю паузу, если что-то привлекло мое внимание. Поэтому во время беседы я стараюсь смотреть на что-то нейтральное — вдаль или себе под ноги. Мне сложно было научиться вести машину и одновременно разговаривать, но все-таки я справился и с этим.

Теперь я знаю, что для такого человека, как я, совершенно естественно не смотреть на собеседника. Людям с синдромом Аспергера просто неудобно это делать. На самом деле, я до сих пор не понимаю, почему пялиться на чьи-то глазные яблоки считается нормой.

Для меня было огромным облегчением понять, почему я не смотрю людям в глаза. Если бы я знал это, когда был младше, это избавило бы меня от немалой боли.

Шестьдесят лет назад австрийский психиатр Ганс Аспергер описал поведение детей, которые обладали высоким интеллектом и хорошим словарным запасом, но при этом демонстрировали некоторые признаки, свойственные людям с аутизмом – например, явный дефицит социальных и коммуникативных навыков. В 1981 году это нарушение было названо синдромом Аспергера. В 1984-м его включили в «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств», которым пользуются специалисты в США.

Люди с синдромом Аспергера всегда были среди нас, но до недавнего времени их особенности ускользали от внимания врачей. Когда я был ребенком, психиатры ошибочно принимали признаки синдрома Аспергера за депрессию, шизофрению или иные расстройства.

Синдром Аспергера не так уж плох. Он может сопровождаться редкими талантами. Некоторые аспергианцы обладают поистине выдающимися способностями, которые помогают им решать сложнейшие задачи. Ребенок-аспергианец может вырасти блестящим инженером или ученым. Или прекрасным музыкантом с идеальным слухом. У многих таких детей настолько развиты вербальные навыки,

¹ «Аттика» – тюрьма штата Нью-Йорк категории максимальной /супермаксимальной безопасности. Печально известна бунтом заключенных, произошедшим в 1971 году. – *здесь и далее прим. пер.*

что наш синдром порой называют «синдромом маленького профессора». Но не стоит заблуждаться – большинство детей-аспергианцев не становятся профессорами, а процесс взросления может оказаться очень тяжелым.

Синдром Аспергера может проявляться с разной силой. У некоторых людей симптомы настолько сильны, что им крайне сложно функционировать в обществе. У других, как у меня, признаки выражены слабее, и они могут приспособиться к жизни. Некоторые аспергианцы достигли больших успехов за счет того, что нашли работу, которая задействует их уникальные способности.

Этот диагноз оказался удивительно распространен: на 2007 год, по данным Федерального комитета по контролю и профилактике заболеваний, один человек из 150 имеет синдром Аспергера или иное расстройство аутистического спектра. Это означает, только в США живет два миллиона аутистов.

Синдром Аспергера – это врожденное, а не приобретенное состояние. У меня он был ярко выражен с детских лет, но, к сожалению, никто не знал, на что нужно обратить внимание. Мои родители понимали одно: я отличался от других детей. Даже в раннем детстве со стороны можно было заметить, что со мной что-то не так. Я ходил механической походкой, как робот. Я неуклюже двигался. Я редко улыбался, у меня была бедная мимика. Часто я вообще не реагировал на окружающих и вел себя так, будто их нет. Большую часть времени я проводил один, в стороне от сверстников, погрузившись в свой собственный мир. Я мог часами заниматься своими игрушками и не обращать внимание на то, что происходит вокруг. Если я все же общался с другими детьми, обычно это выходило неудачно. И я редко смотрел кому-то в глаза.

Кроме того, я никогда не сидел на месте. Я вертелся, раскачивался и подпрыгивал на месте. Но при всей непоседливости, я не мог даже поймать брошенный мяч и вообще заниматься каким-либо видом спорта. Мой дед был бегуном, спортивной звездой колледжа, он едва не попал в олимпийскую сборную США. Но мне до него далеко.

Будь я ребенком сегодня, возможно, какой-нибудь наблюдательный взрослый заметил бы мои странности и направил меня к врачу, избавив от худших из испытаний, описанных в этой книге. Но, как сказал мой брат, я вырос без диагноза.

Вырос в одиночестве и в муках.

Синдром Аспергера – не болезнь. Это состояние. От него нет лекарства, да оно и не нужно. Что действительно нужно, так это понимать особенности детей-аспергианцев и помогать им, их родителям и друзьям приспособиться к жизни и друг к другу. Я надеюсь, что читатели – особенно те, кому приходится взрослеть и жить с синдромом Аспергера – извлекут что-то ценное из моей истории и увидят, что все хитросплетения моей судьбы и все мои нестандартные решения все-таки привели меня к достойной жизни.

Мне понадобилось много времени, чтобы достичь того, что у меня есть сейчас. Чтобы понять, кто я есть. Но я больше не прячусь в темном углу. Я горжусь тем, что я аспергианец.

Глава 1

Маленький изгой

Для меня существовал только один способ игры в кубики – я и не представлял, что может быть иначе. Однако, Дуг считал по-другому. Он ничего не мог сделать как надо. И поэтому я его ударил. Ладонями по обоим ушам, как видел в кино. В три года пора бы научиться играть правильно.

К примеру, я брал на кухне большую ложку и выкапывал в песке канаву. А затем аккуратно укладывал в нее ряд синих кубиков. Я никогда не смешивал еду – и никогда не смешивал кубики. Синие – к синим, красные – к красным. А Дуг брал и ставил красный кубик поверх синих.

Разве он не видел, что это неправильно?

Стукнув его, я сел обратно и продолжил играть. Как положено.

Иногда, когда я ссорился с Дугом, ко мне подходила мама и начинала ругать меня. Вряд ли она видела, что делал он. Она только видела, как я его ударил. Обычно я не обращал на нее внимания, но если с ней приходил и отец, он мог по-настоящему разозлиться. Он поднимал меня в воздух и встряхивал – тогда я начинал плакать.

Большую часть времени Дуг мне нравился. Он был моим первым другом. Но иногда он был просто невыносим. Например, я аккуратно ставил свой грузовик возле бревна – а он вдруг насыпал на него песок. Наши мамы давали нам кубики, а он сваливал их в одну кучу и радостно хихикал. Это сводило меня с ума.

Следующей весной нашим играм внезапно пришел конец. Отец Дуга закончил учебу в медицинском колледже, и они уехали в далекую индейскую резервацию в Биллингсе, штат Монтана. Я не понимал, как он мог уехать, если я этого не хотел. Хоть он и не умел правильно играть в кубики, он был моим единственным товарищем. Я был расстроен.

Я спрашивал маму о нем каждый раз, когда мы ходили в парк, где я теперь играл один. «Наверняка он пришлет тебе открытку», – отвечала мать, но лицо у нее было какое-то странное, и я не знал, что это значит. Мне было как-то не по себе.

Я слышал, как другие матери шепчутся между собой, но не мог понять, что они имеют в виду.

«...упал в оросительную канаву...»

«...воды было всего дюймов шесть...»

«...наверное, лежал лицом вниз...»

«...мать не видела его, а потом вышла из дома и обнаружила...»

«Что такое оросительная канава?» – думал я. Я догадывался лишь о том, что речь не обо мне. Только несколько лет спустя я понял, что Дуг погиб.

Оглядываясь назад, я понимаю, что уже в первой моей дружбе имелись признаки грядущих проблем. Но, по крайней мере, я перестал

бить других детей. Каким-то образом я все-таки догадался, что битье не способствует крепкой дружбе.

Той осенью мать записала меня в подготовительную школу Малберри в Филадельфии, где мы жили. Это было маленькое здание – внутри стены были увешаны детскими рисунками, а снаружи перед школой находилась пыльная игровая площадка, огороженная цепью. Там я впервые оказался рядом с незнакомыми детьми. Ничего хорошего из этого не вышло.

Поначалу я был полон энтузиазма. Как только я увидел других детей, мне захотелось с ними познакомиться. Я хотел, чтобы они общались со мной – но они не стали. Я не мог понять, почему. Особенно я хотел подружиться с девочкой по имени Чакки. Ей нравились грузовики и поезда, как и мне. Я знал, что у нас много общего.

На перемене я подошел к Чакки и погладил ее по голове. Мама показывала мне, как надо гладить пуделя, чтобы подружиться с ним. Иногда она и сама гладила меня по голове, особенно когда я не мог заснуть. Из всего этого я сделал вывод, что гладить кого-то – это хорошо. Все собаки, которых мама разрешала мне потрогать, виляли хвостами. Им это нравилось. Я решил, что Чакки это тоже понравится.

Бац! Она меня ударила!

Испугавшись, я убежал. «Странно», – подумал я. – «Может быть, надо было погладить ее подольше. Или потрогать ее веточкой, чтобы она меня не стукнула». Но вмешалась учительница.

– Джон, оставь Чакки в покое. Нельзя бить людей ветками.

– Я не бил. Я хотел ее погладить.

– Люди не собаки. Их нельзя гладить. И нельзя тыкать ветками.

Чакки опасно смотрела на меня. Весь день она держалась в стороне. Но я не сдавался. «Может быть, она сама не знает, что я ей нравлюсь», – подумал я. Мама часто говорила, что мне что-то понравится, хотя я сначала думал, что нет. Иногда она оказывалась права.

На следующий день я увидел, как Чакки играет в песочнице с деревянным грузовиком. Я много знал о грузовиках. И я видел, что она играет с ним неправильно. Я покажу ей, как нужно. «Она обрадуется, и мы будем друзьями», – подумал я. Я подошел, взял ее грузовик и сел рядом.

– Мисс Лэрд! Джон отнял мой грузовик!

Ничего себе.

– Я не отнимал! Я хотел показать, как нужно с ним играть. Она играла неправильно!

Но мисс Лэрд поверила Чакки, а не мне. Она отвела меня в сторону и дала другую машину. Чакки ко мне не подходила. Но завтра будет другой день. Завтра у меня получится завести друзей.

Назавтра у меня был готов новый план. Я поговорю с Чакки. Я расскажу ей про динозавров. Я много знал о динозаврах, потому что отец водил меня в музей. Иногда мне снились страшные сны о них, но, в целом, динозавры были самой интересной вещью на свете.

Я подошел к Чакки и сел рядом.

– Я люблю динозавров. Особенно бронтозавр мне нравится. Он огромный.

Чакки не отвечала.

- Он очень большой, но ест только растения. Он ест траву и деревья.

- У него длинная шея и длинный хвост.

Тишина.

- Он большой, как автобус.

- Но аллозавр может его съесть.

Чакки по-прежнему молчала. Она внимательно разглядывала землю и что-то чертила на песке.

- Я ходил с папой смотреть на динозавров в музее.

- Там и маленькие динозавры были тоже.

- Мне очень нравятся динозавры. Они классные!

Чакки поднялась и ушла с площадки. Она совершенно меня игнорировала!

Я посмотрел на землю. «Что она там нашла интересного?» На земле ничего особенного не было.

Все мои попытки завести друзей провалились. У меня потекли слезы. Сидя один в углу площадки, я рыдал и лупил игрушечным грузовиком о землю, пока у меня не заболела рука.

К концу перемены я все еще продолжал там сидеть, уставившись в землю. Мне было слишком стыдно смотреть на других детей. «Почему я им не нравлюсь? Что со мной не так?» Потом меня нашла мисс Лэрд.

- Нам пора на урок, - она взяла меня за руку и повела к школе. А мне хотелось сжаться в комок и исчезнуть.

Недавно один из моих друзей прочел написанное выше и сказал: «Черт, Джон, ты и сейчас такой же». И он прав. Я не изменился. Единственная разница в том, что теперь я выучил, чего люди ожидают от меня в большинстве ситуаций. Поэтому я могу вести себя более естественно, и меньше вероятность, что я кого-то обижу. Но разница между мной и остальными все равно есть и будет всегда.

Людам с синдромом Аспергера или аутизмом часто не хватает эмпатии, которой руководствуется большинство людей при общении. Именно поэтому мне не пришло в голову, что Чакки иначе отреагирует на поглаживание, чем собака. Я не видел особой разницы между маленьким человеком и большой собакой. И я не понимал, что с грузовиком можно играть по-разному, поэтому не знал, из-за чего она обиделась.

Что хуже всего, мои учителя и большинство других людей считали, что я веду себя так назло - хотя я просто пытался проявить дружелюбие. Я подошел к Чакки с добрыми намерениями, и оттого было еще больнее, когда она меня отвергла. Я видел, как родители разговаривают с другими взрослыми, и решил заговорить с ней. Но я упустил одну важную вещь: для успешного разговора нужно участие обоих людей. Тогда мне даже в голову это не пришло. Абсолютно.

С Чакки я больше никогда не разговаривал.

Я также оставил попытки общаться и с другими детьми. Чем больше меня отталкивали, тем больнее мне было, и тем сильнее я замыкался.

Со взрослыми мне везло больше. Мои нескладные реплики не заставляли их обрывать разговор. К тому же, к ним я больше прислушивался, чем к детям, так как полагал, что они больше знают.

Взрослые люди вели себя, как и положено взрослым. Они не играли в игрушки, поэтому мне не приходилось учить их играть. Если я пытался потрогать взрослого палкой, он просто отбирал ее. Он не унижал меня криком и не бежал жаловаться учителю. Взрослые объясняли мне многие вещи, и я учился у них. От детей в этом плане было меньше проку.

Большую часть времени я играл в одиночестве со своими игрушками. Мне нравились игрушки, состоящие из разных деталей, особенно кубики и конструкторы "Lincoln Logs". Я до сих пор помню их на вкус. Если я не жевал их, то строил крепости, дома и заборы. Когда я стал немного старше, мне подарили большой металлический конструктор. Я им очень гордился. Из него я строил свои первые машины.

Машины не причиняли мне боли. Они ставили передо мной задачу – разобраться в их устройстве. Они не обманывали меня и не издевались. С машинами я был главным, и мне это нравилось. С ними я чувствовал себя спокойно. С животными мне тоже было спокойно, в большинстве случаев. Я гладил чужих собак, когда мы гуляли в парке. Когда мне подарили пуделя, я с ним подружился.

– Джон Элдер, смотри, кого дедушка Джек тебе прислал! (Родители называли меня Джон Элдер в честь моего прадеда Джона Гленна Элдера, который умер еще до моего рождения.)

Отец принес в дом лохматого пса с дурным характером и, вероятно, каким-то генетическим дефектом – скорее всего, от него отказались в каком-нибудь питомнике. Но тогда меня это не волновало. Я был в восторге. Когда отец опустил его на пол, пес зарычал на меня и напустил лужу.

Я не боялся, потому что он был гораздо меньше меня. Я еще не знал, что острые зубы бывают и у маленьких собак.

– Пудели – очень умные собаки, – сказал отец.

Может быть, он и был умным, но не очень-то ласковым. Я назвал его Пудель, начав тем самым свою традицию – давать животным функциональные имена. Я толком не знал, что делать с собакой, поэтому хватал его, тискал и иногда дергал за хвост. Когда я дергал слишком сильно, он кусался. Иногда он кусал меня до крови, и я начинал плакать. Годы спустя я рассказал об этом своей матери, и она сказала: «Джон Элдер, Пудель никогда не кусал тебя до крови! Иначе мы бы не оставили его в доме». На это я лишь ответил: «Для маленького ребенка даже маленькие укусы кажутся серьезными». По крайней мере, так мне тогда казалось.

Однажды я запер его в своей комнате, но он выбрался. Он прогрыз в двери дыру размером с себя. Когда мы нашли его, он грелся на солнышке позади дома.

Поглядев на это, я решил сам погрызть дверь. Мои зубы едва поцарапали краску. Я не смог откусить даже крошечной щепки! Тогда я понял, что у Пуделя очень острые зубы. Я научился прятать игрушки перед тем, как лечь спать. Если я забывал это сделать, он и их разгрызал на кусочки.

Мои родители не любили Пуделя за то, что он портил мебель. Несмотря на это, мы с ним постепенно подружились. Хотя я всегда

относился к нему немного с опаской, потому что не знал, чего от него ожидать.

Наша семья была не слишком счастливой. Пес грыз мои игрушки и кусался, а родители вечно ссорились между собой. Однажды ночью я проснулся от того, что они кричали друг на друга в соседней комнате. Они часто ссорились по ночам, когда думали, что я сплю. Мне всегда становилось страшно и тревожно, но в этот раз было кое-что еще. Мама плакала. Обычно она просто ругалась на отца.

- Мама! - громко позвал я, чтобы она меня услышала.

- Все в порядке, Джон Элдер, спи.

Она зашла в комнату, потрепала меня по голове, но сразу вышла обратно.

Мне это совсем не понравилось. Обычно она сидела со мной, гладила по волосам и пела, пока я не засыпал. «Куда она пошла? Что происходит?»

Громкие ссоры меня пугали - я боялся, что родители ссорятся из-за меня, и думал, что если я им надоем, они просто отвезут меня куда-нибудь и оставят. Я думал: «Мне нужно хорошо себя вести, чтобы они не захотели от меня избавиться».

Поэтому я старался лежать очень тихо и делал вид, что сплю. Наверное, именно этого они хотели.

- Он заснет, - тихо сказала мать. Услышав это, я открыл глаза, и мне стало еще страшнее.

- Не заснет! - кричал отец. - Он будет помнить эту ночь и в сорок лет.

А потом он тоже начал плакать. Если плакали они оба, значит, точно случилось что-то очень-очень плохое.

- Папа! Не обижай маму! - не выдержал я. Мне хотелось спрятаться под кроватью, но я знал, что они найдут меня. Я был до смерти перепуган.

Мама вернулась и стала тихонько петь мне, но голос у нее был странный. И все же через несколько минут я провалился в тревожный сон.

Намного позже я узнал, что у отца был роман с секретаршей с немецкого отделения в университете, где он учился. Мать сказала, что внешне она была очень похожа на нее. Видимо, в ту ночь измена раскрылась, и брак моих родителей стал еще больше трещать по швам. Именно тогда поведение отца стало меняться.

Когда я проснулся следующим утром, отец был еще в кровати. В университет он не пошел.

- Папа устал, - сказала мать. - Ему нужно отдохнуть.

Я подошел к нему. Он выглядел как обычно и храпел. Я не стал его трогать, а мама отвела меня в школу, как делала всегда.

Когда я вернулся домой, отца не было. И вечером он тоже не пришел.

- Где папа?

- Твой папа в больнице, - сказала мать натянутым голосом.

- Как тогда, когда он сломал руку? - с надеждой спросил я.

В прошлом году отец поскользнулся и упал на обледеневшей дорожке перед домом. К счастью для нас, больница была всего в паре кварталов от дома. Мне не нравилось, как там пахло, и я уже тогда с

подозрением относился к врачам, потому что они делали уколы. Плохо, что он там оказался.

- Да, как тогда. Мы навестим его завтра. Он очень устал от учебы, и ему нужно отдохнуть.

Мне стало тревожно. Я часто уставал от учебы и ложился поспать днем. Что, если я проснусь в больнице? Спать днем мне расхотелось. И той ночью лечь в кровать тоже было страшно.

Когда мы пришли к нему, в палату нас впустила медсестра с ключом. Я и не знал, что в больницах могли запирают людей. Я решил, что мне нужно быть еще осторожнее, если мама когда-нибудь поведет меня к врачу. Мне было не по себе, потому что от отца странно пахло, и он странно себя вел.

Впрочем, увидев меня, он улыбнулся. Он сказал: «Эй, сынок, иди сюда!» Он подхватил меня и поднял - это меня испугало. Отец прижал меня к себе, царапая щетиной. «Все будет в порядке. Я скоро вернусь домой», - сказал он. Он опустил меня на пол, и я отошел в сторону.

В итоге, отец «отдыхал» целый месяц. Но когда он вернулся домой, он все равно выглядел уставшим.

Вскоре после возвращения отца мама повезла меня в гости к своим родителям в Джорджию. Мне там не очень понравилось. В доме пахло старыми спичками, а у воды был странный привкус.

«Это из-за серы», - говорили мне, но я не мог добиться ответа, зачем в воду добавляли серу.

Когда мы вернулись домой из Джорджии, Пудель исчез.

- Где Пудель? - спросил я, встревожившись.

- Он убежал, - сказал отец. Но голос у него был какой-то странный. Я подумал, что что-то случилось.

- Ты что-то сделал с ним? - спросил я.

- Нет! - взорвался он. - Убежал твой пес!

Его внезапный крик напугал меня.

Мне стало ясно, что отец сделал с собакой что-то плохое, но я не решался спросить, что. С тех пор я стал гораздо больше опасаться отца, чем раньше. Этот страх длился до тех пор, пока я не стал подростком - тогда я уже мог постоять за себя.

Мои родители все сильнее ссорились, а отец становился все злее. Особенно вечерами. Вечерами было хуже всего, потому что он начинал пить. Если он злился на меня, то бил ремнем. Очень сильно. Или поднимал меня в воздух и тряс. Я боялся, что у меня отвалится голова.

После того как отец закончил университет, ему предстояло найти работу.

Место нашлось на другом конце страны - в Сиэтле, штат Вашингтон. Добралась мы туда только через месяц. Мы отправились в дорогу на нашем черном «Фольксвагене-жуке». Мне очень нравился наш автомобиль. У меня до сих пор осталась фотография, где я стою у переднего бампера. Я любил забираться в узкое пространство за задним сиденьем и прятаться там. Я смотрел на небо через заднее стекло и представлял, что лечу в космосе.

Прошло много лет с тех пор, как я мог там поместиться.

Когда я был маленьким, мне нравилось сжиматься в тугий комок и прятаться туда, где меня никто не видел. Я до сих пор люблю лежать

под чем-нибудь тяжелым и ощущать на себе давление. Сейчас я обкладываю себя подушками, когда сплю – это приятнее, чем лежать под одеялом. Я слышал, аутичные люди часто так делают. Там, в «Фольксвагене», свернувшись на шершавой серой обивке, я был просто счастлив.

Это было замечательное время. Вокруг не было других детей, которые могли меня обидеть. Мама и папа разговаривали со мной целый день. И, что еще лучше, никто не ссорился по ночам. Мы все время ехали по незнакомым интересным местам – например, мимо горы Рашмор. Меня восхитили лица президентов, высеченные на ее склоне, но еще больше я воодушевился, когда узнал, что у подножия горы находилась индейская резервация.

– Мы можем повидать Дуга? – спросил я.

– Это не та резервация, куда уехали его родители, – сказала мама с печальным видом. – Они уехали в Монтану, а это Южная Дакота. Они очень далеко отсюда.

Приехав в Сиэтл, мы поселились в многоквартирном доме. Там было много детей – я никогда столько раньше не видел. Мне захотелось присоединиться к ним и влиться в их компанию. Но из этого ничего не вышло.

Их заводилой был шестилетний Ронни Ронсон. Он был почти на два года старше меня и казался мне здоровым парнем. Ронни и его товарищи играли в ковбоев и индейцев. Они бегали туда-сюда по внутреннему двору и кричали: «Вперед, вперед, ковбои Ронсона!» Они крутили лассо и размахивали игрушечными пистолетами. Выглядело все это очень весело, и мне захотелось тоже вступить в игру.

Я начал бегать вместе с ними взад-вперед.

– Ты что тут делаешь? Ты не ковбой! – заявил кто-то из мальчишек.

«Как это?» Я оглядел его, а потом себя. «Почему это он ковбой, а я нет?»

– Я тоже ковбой! – сказал я.

– Нет, не ковбой! Ты мартышка! – крикнул он и убежал. Я остался стоять, а ковбои Ронни носились из стороны в сторону и кричали «Мартышка!» каждый раз, когда пробегали мимо меня.

Ковбоем мне побыть не удалось. Я был зол, расстроен и унижен. Меня нигде никогда не примут. Зачем я вообще родился? В слезах я кинулся обратно в нашу квартиру. Мама подняла меня на руки и усадила к себе на колени.

– Что случилось?

– Я не знаю, как с ними дружить, – рыдал я. – Со мной никто дружить не хочет.

Мама не знала, что ответить, но погладила меня по голове, и я успокоился. Я еще раз посмотрел в окно на ковбоев Ронсона, а затем сел собирать свой трактор, который называл Силачом. По крайней мере, Силач никогда меня не обижал. Я всегда ладил с машинами. Даже в детстве.

Хотя мне не удавалось найти друзей, время, проведенное в Сиэтле, было, наверное, лучшей порой моего детства. Почти каждые выходные мы с отцом ходили в поход. Он учил меня, как вести себя в лесу. Мы вместе читали книги, особенно «Руководство бойскаута». Я до

сих пор помню картинки, где показывалось, как сделать ловушку для зверя и как правильно перелезть через упавшее дерево.

Я мечтал о том, чтобы ловить в капканы волков и медведей, хотя самой крупной моей добычей оставались лягушки и ужи. Но я и сейчас не забыл правила хождения по лесу, которые выучил в пять лет.

Я был счастлив, когда обнаружил, что за нашим домом в Сиэтле есть лес. Мне нравилось там. Когда мне было грустно, я уходил туда, чтобы подумать, а еще рубил что-нибудь или вырезал. От этого мне всегда становилось легче.

Лес казался мне бескрайним, хотя, на самом деле, он был не шире пары сотен футов. Я знал, что родители не считали его большим, потому что всегда предупреждали, чтобы я не ходил через лес на другую сторону – к автомагистрали. Они говорили, что она идет до самой Аляски.

– Только не ходи к дороге. А то тебя кто-нибудь украдет!

Я не хотел, чтобы меня украли, и поэтому держался от магистрали подальше.

Там были и другие дети, которые не входили в компанию Ронни, и постепенно я с ними познакомился. Мы все были, в каком-то смысле, изгоями. Одним из них – в основном, из-за своего возраста – был Джефф Крейн, на полтора года младше меня. Мать Джеффа стала подругой моей матери, и мы часто ходили к ним в гости. У Джеффа были старшие братья и сестра, но они не обращали на нас внимания. Поэтому мы играли вместе.

Поскольку я был старше, я знал больше его. Я показывал ему разные вещи, например, лягушек и растения, и учил строить крепости – все, что знает пятилетний ребенок, и чему трехлетний хочет научиться. Иногда мы ловили мелких змей и сажали их в стеклянные банки. Старший брат Джеффа выходил и помогал нам. Мы делали дырки в металлических крышках, чтобы им было чем дышать.

Игры с Джеффом дали мне понять, что малыши смотрят на меня как на учителя. Мне это было приятно. Конечно, дети всегда уверены, что всё знают. Но в моем случае, я действительно многое знал. Даже в пять лет в мире вещей я разбирался лучше, чем в мире людей.

Когда на следующий год мы уезжали из Сиэтла в Питтсбург, я подарил Силача Джеффу. Трактор был первой дорогой мне вещью и первой, которую я кому-то подарил, но это казалось правильным, потому что Джефф был моим первым настоящим другом. Он был младше меня, но он был умным и брал с меня пример, и не смеялся надо мной, как старшие дети. К тому же, я уже слишком вырос, чтобы играть с Силачом, и родители сказали, что купят мне велосипед, когда мы будем в Питтсбурге. Я знал – если у тебя есть велосипед, значит, ты уже большой. Может быть, теперь другие дети захотят со мной дружить.

Глава 2

Товарищ по играм

- Джон Элдер, мы возвращаемся в Пенсильванию, - однажды сообщил отец, вернувшись с работы. Меня же в тот момент больше интересовала горсть серебряных долларов, которую я только обнаружил в ящике его стола. Монеты были тяжелыми и старыми, некоторые даже 1880-х годов. Но отцу приспичило поговорить о переезде. Он забрал серебряный доллар, который я крутил в руках, и повторил:

- Джон Элдер, мы переезжаем!

Когда он отнял монету, я наконец обратил на него внимание. Вспоминая такие моменты, я понимаю, что родители были со мной не особенно ласковы. Может быть, они вообще не хотели ребенка? Мне этого уже не узнать.

Теперь, когда я все-таки переключился на отца, я спросил:

- Мы возвращаемся туда, где жили раньше?

- Нет, на этот раз мы едем в Питтсбург, - сказал он.

Отец полагал, что нашел постоянную работу. В первый класс мне предстояло пойти в Питтсбурге, а значит, опять знакомиться с новыми детьми. Было жаль расставаться с Джеффом, но в целом, в Сиэтле мне не очень нравилось, поэтому я не возражал.

Я кое-что усвоил в результате всех унижений, полученных от Ронни Ронсона, Чакки и прочих детей, с которыми я безуспешно пытался подружиться. Я начал понимать, что отличался от них. Но я не падал духом. Даже если я дефективный, я так просто не сдамся.

В Питтсбурге я наконец-то стал учиться заводить друзей. Теперь я знал, что дети и собаки - это разные вещи. Я больше не пытался погладить кого-нибудь или потыкать веточкой. А к девяти годам на меня снизошло озарение.

Я понял, как нужно разговаривать с другими детьми.

Я сообразил, что когда кто-нибудь говорит: «Смотри, какой у меня грузовик», он ожидает ответа, который как-то связан с этой информацией. Вот что я отвечал раньше:

а) «У меня есть вертолет».

б) «Я хочу печенья».

в) «Мама сегодня сердится на меня».

г) «Я был на ярмарке и катался на лошади».

Я настолько привык жить в собственном мире, что говорил то, о чем думал в данный момент. Если я вспоминал, как катался на лошади, мне было не важно, говорят ли мне: «Смотри, какой у меня грузовик» или «Моя мама в больнице». Я все равно отвечал: «Я катался на лошади». Чужие слова не влияли на мои мысли, я как будто не слышал их. Хотя, в какой-то мере, все-таки слышал - я ведь отвечал. Но ответ не имел никакого смысла для собеседника.

Мое открытие все переменяло. Внезапно я понял, что нужно ответить:

«Классный грузовик! Можно его подержать?»

Более того, я понял, что ответы «а», «б», «в» и «г» не только не подходят – они разозлят собеседника. Теперь мне стало ясно, почему ковбои Ронни не хотели со мной разговаривать. Может быть, поэтому и Чакки меня игнорировала. (А может, она тоже была дефективной, как я. В конце концов, ей тоже нравились грузовики, и она смотрела в землю, когда я с ней разговаривал.)

С тех пор мои ответы перестали быть бессвязными – в большинстве случаев. Я не готов был стать душой компании, но мог поддержать разговор так, чтобы в воздухе не повисла звенящая тишина. Дела пошли на лад.

В каком-то смысле, взрослые помешали мне сделать это открытие раньше. Взрослые – в основном, члены семьи или друзья родителей – сами подходили ко мне и начинали беседу. Если я отвечал невпопад, они не заостряли на этом внимания, а просто подыгрывали мне. Я не научился вести разговор, потому что они подстраивались под меня. А ровесники злились или обижались.

Как этому учатся обычные дети? Они учатся, видя и слыша, как другие дети реагируют на их слова – а мой мозг был к этому не приспособлен. Позже я узнал, что дети с синдромом Аспергера не воспринимают многие невербальные сигналы. Они плохо распознают жесты или выражения лица. Вот и я этого не умел. Я различал только крайние проявления эмоций, а когда дело доходило до крайностей, разговаривать, как правило, было уже поздно.

Вооружившись своими новообретенными способностями, я тут же начал заводить друзей. Я познакомился с сестрами Мейерс, жившими через дорогу – Кристиной и Лайзой. Я подружился с Ленни Персичетти, который жил через пять домов от нас. У нас сложилась команда – мы играли в прятки и строили крепости в лесу. Мы собирались в гараже за нашим домом, где парни постарше играли музыку. Вместе мы облазили все окрестности, впервые оказавшись без присмотра родителей. Ленни и я нашли в дебрях парка развалины здания с какими-то древними механизмами. Вокруг было полно всего интересного.

Тем летом мы почувствовали себя большими. Мы были свободны. За нами никто не приглядывал. Я был рад – внезапно оказалось, что я больше не одинок. И оказалось, что меня ждал еще один сюрприз.

– Джон Элдер, у меня будет малыш! – сообщила мама.

Я даже не знал, что ответить. Интересно, кто это будет – девочка? Я надеялся, что нет. Какой толк от младшей сестры? Лучше брат. Да. Младший брат! Мой собственный! Тогда у меня всегда будет товарищ по играм.

Мамин живот становился все больше, и я мог послушать, как в нем шевелится ребенок. Это было здорово.

В день, когда он родился, пришел мамин брат Мерсер – он сидел со мной, пока родители были в больнице. Мне не терпелось увидеть брата. Наконец, дядя отвез меня в больницу, чтобы я на него посмотрел. Ему было всего несколько часов от роду.

– Кристофер Рихтер Робисон. Какой замечательный малыш!

– Хочешь поддержать его? – мама прижимала его к себе. Он был крошечный, гораздо меньше, чем я себе представлял.

– А он вырастет? – спросил я.

Вдруг он был карликом.

- Ты был таким же, когда родился, - сказала мама. Верилось с трудом, но если я был такой мелюзгой, может быть, и он вырастет тоже.

Младенец был красный и почти не открывал глаза. Мама передала его мне. Я думал, он будет вырываться, как собака или кошка, когда их берешь на руки, но он ничего такого не делал. Я почти не чувствовал его, замотанного в одеяло. Совсем не похоже на то, когда держишь собаку. Мой собственный младший брат. Я был в полном восторге, но старался этого не показывать, чтобы его у меня не забрали.

Брата принесли домой завернутым в желтое одеяло, и мама положила его в детскую кроватку, стоящую в комнате напротив моей. Я зашел и стал смотреть на него, но он ничего не делал. Иногда он тоже смотрел на меня, но чаще всего просто спал. Он был забавный.

- Осторожно. Нужно придерживать ему головку, - объясняла мама, когда я брал его на руки.

Я крепко прижал брата к себе, чтобы не выронить. Я всегда боялся, что у него переломится шея, как предупреждала мама. Но ничего не случилось.

Я заглянул ему в лицо.

- Скажешь что-нибудь?

Брат засопел.

- И это все?

Я нажал ему пальцем на нос - потому что видел, как родители так делали. Брат завопил. Я скорее стал его укачивать. Он затих и снова начал сопеть.

- Я буду звать тебя Сопелка, - сказал я. Вот теперь у него было имя.

Я построил из конструктора высокий кран и стал поднимать кубики с пола и переносить в кроватку. Я рассчитывал, что брат будет с ними играть, но он только смотрел на них.

- Гляди, Сопелка, это кубики для тебя.

Он наблюдал, как они поднимаются и падают.

- Мама, смотри, я сделал кран для Сопелки! - мне было завидно, что она все время проводила с ним. Раньше она никогда меня не игнорировала.

- Это замечательно, Джон Элдер.

Мать подошла к кроватке и похвалила мой кран. Я даже показал ей, как поднимаю кубики, и она меня сфотографировала. Но ей не нравилось, как я называю брата.

- Он не Сопелка. Его зовут Кристофер. Или Крис.

Она еще не поняла, что я никогда не буду называть его Кристофером или Крисом. Тогда я и сам этого не знал. Но почему-то у меня всегда были проблемы с именами, если только я не придумал их сам.

Я позвал своих друзей посмотреть на брата.

- Это мой младший брат. Его зовут Сопелка.

Друзья были в восторге - ни у кого из них не было новорожденного брата. Я пока не мог добиться, чтобы он что-то делал, но я знал, что он вырастет и многому научится. Я им гордился.

Прошел год, и Сопелка действительно стал кое-что уметь. Чему-то я его научил, а что-то он освоил сам. В год от него было немного толку, но я видел в нем потенциал. Тем временем, наши родители продолжали ссориться еще сильнее и снова говорили о переезде. Мне хотелось, чтобы брат скорее вырос и с ним можно было поговорить.

- Твой папа ищет постоянную работу, - сказала мать. - Есть два университета, один в Остине, штат Техас, другой в Амхерсте, Массачусетс.

Отец искал постоянное место уже несколько лет. Разговоры об этом все чаще брала на себя мать. А он только молчал.

Кроме того, отец становился еще более жестоким. Теперь он пил шерри. Я однажды попробовал, но тут же выплюнул - не представляю, как можно было хлестать эту гадость стакан за стаканом. Отец сидел за кухонным столом и пил в одиночку, с наступлением вечера становясь все злее. Я усвоил, что вечером нужно держаться от него подальше.

Я никогда не был ни Амхерсте, ни в Остине. Но я читал, что в Остине водились ядовитые змеи и не менее ядовитые ящерицы. Там было жарко и сухо.

- Давайте поедem в Амхерст, - сказал я. Родители не возражали.

Мы снова переехали. На этот раз мы оказались в Хэдли, фермерском поселении милях в шести от Массачусетского университета и Амхерста. Родители оба выросли в сельской местности, но всю мою жизнь мы провели в городах. И вот теперь оказались на ферме. Я был в восторге. Мы поселились в старом фермерском доме.

- Его построили в 1743 году. Один из старейших домов в этом городе, Джон Элдер, - похоже, мать гордилась этим фактом.

Перед домом паслись коровы, а позади было поле, засеянное зерновыми. Мама познакомила меня с хозяевами, мистером и миссис Барстоу. Они показались мне приятными людьми. Мистеру Барстоу принадлежали все поля вокруг. Но самое главное, у его брата, владевшего соседней фермой, было четверо детей, с которыми я мог играть. Благодаря своим улучшенным навыкам общения, в Хэдли я сразу начал заводить друзей. К тому времени, как начались занятия в школе, у меня даже появились приятели, с которыми я сидел рядом в автобусе. Я никогда раньше не ездил на автобусе, но им я об этом не сказал. Я уже научился не рассказывать того, что могло бы подвергнуть меня новым насмешкам.

За нашим домом возвышалась гора, а через дорогу сквозь деревья виднелась река Коннектикут. Мы никогда еще не жили в таком живописном месте. После школы я вместе с детьми Барстоу лазал по склонам горы и искал аметисты. «Они как рубины, только фиолетовые. Это драгоценные камни», - говорил Дэйв Барстоу.

Брат, тем временем, рос. Он научился сидеть, а еще он ползал за мной по дому. У него был манеж с резиновыми решетками. Когда он плакал, я вынимал его оттуда, а если он слишком надоедал - сажал обратно. Иногда я переворачивал его манеж вверх тормашками, и Сопелка оказывался в клетке под крышей. Ему это не нравилось.

Я решил научить его ходить. Рядом с домом было тыквенное поле - вскопанная земля была мягкой, и он не ушибется, если упадет. К тому же он маленький, так что падать ему будет невысоко. Я держал его крошечную ручонку, и мы ходили по меже до конца поля. Потом

разворачивались и шли обратно. Поначалу мне приходилось брать его за обе руки и волочить ногами по земле, чтобы он понял, как надо ходить. У него получалось не сразу, но вскоре я уже мог опускать его руки, и он стоял сам. Это был прогресс, что не могло не радовать. Потом я и вовсе перестал его держать.

– Давай, Сопелка. Иди!

Когда я в первый раз отпустил его, он закричал и с размаху уселся на землю. Я подтолкнул его носком ботинка и потянул за руку. Он явно предпочитал ползать.

– Нет уж, давай иди! – Сопелка снова попытался сесть, но я продолжал его тянуть. Наконец, мне удалось добиться того, чтобы он шагнул, держась за меня. Казалось, он гордится своими успехами, хотя трудно было сказать наверняка, ведь он по-прежнему не разговаривал – только лепетал. Я не знал, чего от него стоит ждать, и временами думал, что он родился недоразвитым. Он не проявлял ни малейшего интереса к чтению, хотя я показывал ему свои книги и даже читал рассказы вслух.

Вскоре Сопелка начал ходить самостоятельно. Он все еще любил, чтобы его брали на руки, и время от времени норовил опуститься на четвереньки, но постепенно привыкал использовать для передвижения только ноги. Как только я видел, что он опять ползает, я прижимал его ногой к полу. Или поддевал его носком ботинка и опрокидывал, как черепаху. Он орал, но со временем понял, что нужно идти ногами. «Задний привод», – говорил я ему. – «Задний, а не полный.» Теперь, когда я был уже большим, я читал автомобильные журналы и был уверен, что аналогия для него очевидна.

К зиме брат уже топал по всему дому. Он по-прежнему почти не говорил, но мама уверяла, что он скоро научится. Я сомневался. К этому возрасту я ожидал от него гораздо большего.

– Никакой он не дефективный! – говорила мама. – Он просто маленький. Через пару лет он будет разговаривать не хуже тебя.

Она продолжала защищать его, даже когда я предъявлял ей факты, и меня раздражало ее упрямство. Ведь Сопелка до сих пор не говорил и не читал.

Я показывал ему разные предметы, но он не хотел их изучать. Все, что я ему давал, он тут же засовывал в рот. Он норовил съесть что угодно. Однажды я дал ему попробовать соус «табаско», и он разревелся. Младший брат помогал мне лучше понимать других людей. А он, в свою очередь, учился не тянуть в рот что попало.

Тем не менее, что бы я с ним ни делал, Сопелка меня боготворил. Я был старше и больше знал. Мне нравилось, что у меня есть младший брат. С ним я чувствовал себя взрослее. «Приглядывай за братом», – говорила мать, когда мы уходили играть на улицу. Я шел впереди, а он семенил за мной, как собачка. Мне нравилось чувствовать ответственность и заботиться о нем. И я хорошо о нем заботился. В отличие от некоторых старших братьев, я никогда не пытался поджечь его, порезать или утопить в ванной. И мои усилия приносили плоды. С каждым месяцем он подрастал и продолжал следовать за мной по пятам.

Со временем он перестал сопеть и пускать слюни. Зато он начал без спроса брать мои игрушки и играть с ними. От него было все больше неприятностей. Пришла пора выбрать ему новое имя.

- Сопелка, иди сюда. Ты подрос, поэтому я решил дать тебе новое имя. С этого дня я буду звать тебя Прохвост. Понял?

- Про-хвост?

Он повторил слово несколько раз и побежал сообщать эту новость матери.

Чувство удушающего одиночества, которое мучило меня, когда мне было пять, почти исчезло. Теперь я ощущал себя одиноким лишь иногда, когда что-то напоминало мне о моей ущербности. В мой день рождения родители пекли торт, вручали мне подарки, и все суетились вокруг с радостным видом. Но время от времени меня приглашали на дни рождения других детей - туда приходило по десять, а то и двадцать гостей, и все они смеялись и веселились. Вот это настоящий праздник, думал я. А у меня - одно название.

Я редко смеялся, редко радовался и никогда не был окружен компанией сверстников. Я не вполне понимал, почему так получается, но видел, что другим детям живется лучше, и мне было больно от того, что у меня ничего этого нет.

По мере того как я рос и переходил из класса в класс в качестве очередного «трудного ребенка», отец и учителя начали предсказывать мне будущее. Они говорили, что я никогда ничего добьюсь. Что меня ждет карьера автозаправщика, или тюрьма, или армия - если меня туда возьмут. По их мнению, я был не таким как все, и ни на что не годился.

Но я им еще покажу.

Глава 3

Эмпатия

К тому времени как мне исполнилось двенадцать, обо мне уже не говорили: «если так пойдет и дальше, его ждет психушка». Теперь говорили просто: «какой-то он с прибабахом». Однако, хотя мои навыки общения развивались семимильными шагами, ожидания взрослых тоже росли. У меня начались проблемы с тем, что психотерапевты называют «неуместными выражениями лица».

Однажды мать пригласила в гости свою подругу Бетси. Я зашел в комнату, когда они разговаривали и курили, сидя на диване. Бетси сказала:

- Ты слышала о сыне Элеоноры Паркер? В прошлую субботу его сбил поезд. Он играл прямо на рельсах.

Услышав это, я улыбнулся. Бетси повернулась ко мне с потрясенным видом.

- По-твоему, это смешно?!

Я смутился и ощутил себя немного униженным.

- Да нет, наверное, - пробормотал я и торопливо ретировался.

Я не знал, что сказать. По мнению взрослых, мне не следовало улыбаться в тот момент, но я не знал, почему это сделал - просто не смог сдержаться. Никакой радости или счастья я не испытывал. Тогда, будучи подростком, я вообще с трудом понимал, что чувствую. Но я ощущал бессилие от того, что не способен реагировать иначе.

Уходя, я слышал, как Бетси говорила матери: «Да что ж с твоим сыном такое?» Мать водила меня к психотерапевтам, но все они обращали внимание не на то, что нужно. Чаще всего, они делали только хуже, твердя о моих «дурных» и «социопатических» наклонностях. Они ни черта не смыслили в том, что со мной происходит. От визитов к ним не было пользы - только вред. Никто из врачей не знал, почему я улыбнулся, когда услышал, что сына Элеоноры сбил поезд.

Но теперь я сам знаю, в чем дело. Я сумел в этом разобраться.

Я не знал Элеонору лично и никогда не видел ее сына. У меня не было причин радоваться или огорчаться тому, что с ним случилось. Вот каким был ход моих мыслей в тот летний день:

«Кого-то сбил поезд.

Черт! Хорошо, что не меня.

Хорошо, что не Прохвоста и не родителей.

Хорошо, что мои друзья тоже живы.

Должно быть, он совсем был дурак, если играл прямо на рельсах.

Я бы никогда не попал под поезд по глупости.

Я рад, что у меня все в порядке.»

В итоге, я улыбался от облегчения. То, что погубило того мальчишку, мне не грозило. Я даже не знал его. А значит, для меня все хорошо. Сегодня в подобной ситуации я испытал бы то же самое. Разница лишь в том, что теперь я лучше научился владеть лицом.

С точки зрения эволюции, в людях заложено стремление заботиться о самих себе и о ближайшем круге – это факт. Нас от природы не волнуют те, кого мы не знаем. Если я услышу, что в Бразилии погибло десять человек в автобусной аварии, я ничего не почувствую. Умом я понимаю, что это печально, но не испытываю скорби. Люди же раздувают из этого трагедию, и меня это озадачивает и беспокоит, потому что сам я реагирую иначе. Большую часть жизни мне давали понять: быть другим означает быть плохим. Хотя сам я никогда о себе так не думал.

«Это же ужасно! Ох, какой кошмар!» – сокрушаются некоторые, а потом идут дальше по своим делам. А я думаю: «Они действительно так переживают или просто играют на публику?» Мне очень трудно это понять. Каждую минуту в мире кто-нибудь умирает. Если мы будем оплакивать каждую смерть, у нас просто сердце разорвется.

С возрастом я научился вести себя «нормально». Я могу успешно притворяться перед человеком в течение целого вечера, а то и дольше. Но вся эта игра рассыпается, если я слышу нечто, что вызывает у меня сильную эмоциональную реакцию, не совпадающую с ожиданиями других людей. И в тот же миг я вновь превращаюсь для них в убийцу-социопата, каким меня считали сорок лет назад.

Десять лет назад я получил звонок из полиции: «Ваш отец попал в автомобильную аварию. Его доставили в больницу Гринфилда».

– Боже, какой кошмар, – сказал я.

На меня мгновенно нахлынула сильнейшая тревога, доходящая почти до тошноты. Я был сам не свой. Я метался в панике. Вдруг он умрет? Я бросил все дела и помчался в больницу.

Отец не умер. И он, и моя мачеха, которая была с ним в машине, выжили и поправились. Но тошнотворное чувство тревоги не покидало меня, пока я не приехал в больницу, не увидел их, не поговорил с врачами и не убедился, что опасности нет.

Я сравниваю это со случаем, когда я услышал, что где-то в Узбекистане разбился самолет. Погибло 56 человек.

– Боже, какой кошмар, – сказал я.

Со стороны кажется, что на оба события я отреагировал одинаково. Но для меня это – небо и земля. Беспокойство, настоящее или мнимое, о посторонних людях – это приобретенное поведение. Полагаю, это один из видов эмпатии. По отношению к своей семье и близким друзьям я ощущаю настоящее сочувствие. Если я узнаю, что с кем-то из них что-то случилось, я ощущаю тревогу, беспокойство, панику. У меня сводит мышцы шеи. Я дергаюсь от каждого звука. Для меня это подлинная эмпатия.

Если случается что-то плохое, но не несущее непосредственной угрозы, я не реагирую на новость физически, но все равно откликаюсь. Моя первая мысль: «Что я могу сделать, чтобы это исправить?»

Однажды, когда мне было четырнадцать, мать вбежала в дом с криком:

– Джон Элдер, машина горит!

Я бросился вниз по лестнице и побежал к машине. Салон был заполнен дымом. «Я должен исправить это ради нее», – подумал я. – «Нужно успеть, пока не вернулся отец».

Я открыл двери и отсоединил аккумулятор. Когда дым рассеялся, я залез под приборную панель и обнаружил провод прикуривателя, который оплавился и все еще горел. Я обрезал его и починил, а также убрал монету, которую мать уронила в гнездо прикуривателя. Я все это сделал, не обращая внимания на то, что машина насквозь провоняла дымом и была усыпана окурками и горелыми картонными спичками – самым отвратительным для меня мусором. Я сделал это ради матери.

Это еще один вид эмпатии. Я не был обязан чинить машину. Я мог бы прикинуться, что ничего не смыслю в ремонте, и мать не сказала бы ни слова. Я не стал бы это делать для кого-то кроме нее. Но я чувствовал необходимость помочь, потому что дело касалось близкого человека.

По отношению к незнакомым людям я испытываю то, что можно назвать «логической эмпатией». К примеру, я понимаю, что, когда разбивается самолет и гибнут люди, это плохо. Я понимаю, что у них есть близкие, и у них горе. Но я не ощущаю никакой физической реакции на эти новости. И не должен ощущать. Я не знаю этих людей, и эти события никак не влияют на мою жизнь. Да, это печально, но в тот же самый день тысячи других людей погибли в результате убийств, несчастных случаев, болезней, природных катастроф и других самых разных причин. Я отодвигаю такие вещи на дальний план и берегу свои нервы для того, что мне действительно важно.

Будучи логиком и опираясь на факты, я не могу удержаться от мысли, что многие из тех, кто демонстрирует бурную реакцию на такие известия, просто лицемерят. Мне это непонятно. Они слышат о трагических событиях, произошедших где-то в мире, и обливаются слезами, словно их собственных детей сбил автобус. Для меня они не сильно отличаются от актеров – те тоже могут рыдать на заказ, но разве их слезы чего-нибудь стоят?

Часто те же самые люди говорят мне: «Что с тобой такое? Почему ты не реагируешь? Тебя не волнует, что погибло столько людей? У них же были семьи!»

По мере взросления у меня часто случались проблемы из-за того, что я говорил правду, которую люди не хотели слышать. Я не понимал, что такое такт. Со временем я научился не говорить вслух то, что думаю. Но думал-то я по-прежнему так же. Просто перестал так часто это высказывать.

Глава 4

Мастер розыгрышей

Примерно в это же время я нашел способ извлечь выгоду из своих отличий от людского общества. В школе я стал шутком нашего класса. Вне уроков – я превратился в мастера розыгрышей. В те годы я не раз побывал в кабинете директора, но это того стоило.

У меня хорошо получалось выдумывать всяческие проделки. И когда я претворял их в жизнь, одноклассники смеялись не надо мной, а вместе со мной. Мы потешались над учителями и вообще всеми, кто становился объектом моих розыгрышей. И пока мои шутки сменялись одна другой, я был популярен. Это было замечательное чувство – я всем нравился, мной восхищались.

Мне не приходилось просить других детей присоединиться, они сами хотели поучаствовать в игре. Но даже те, кто не участвовали, по крайней мере, не насмехались надо мной.

Конечно, как только я это понял, я стал придумывать новые и новые затеи. И со временем у меня стало получаться все лучше.

Я постоянно читал и узнавал что-то новое. Возле моей кровати всегда лежали самые интересные тома «Энциклопедии Британники». Я старался узнать все что можно о том, что увлекало меня в данный момент, будь то трактора, динозавры, корабли, астрономия или минералы.

Люди начали прислушиваться ко мне и считать меня вундеркиндом. Особенно родственники, мои новые друзья и близкие друзья родителей. Они были отличной публикой, и, похоже, всегда хорошо ко мне относились, даже когда другие – нет. Они видели, как тщательно я изучаю любую тему. Они не раз убеждались в моей правоте, и слышали, как уверенно я рассуждаю. Похоже, работал принцип «как скажешь, так и сбудется».

Мне пришла в голову мысль: возможно, я смогу создать собственную реальность. Мои первые эксперименты были достаточно просты. Когда я показывал звезды и созвездия в ночном небе своим дедушке и бабушке, я добавлял что-то от себя.

– Это Большая Медведица, – говорил я. – Видите, вон там? А это Орион.

– Ты прямо все звезды знаешь, Джон Элдер! – восхищалась бабушка.

– Вот та яркая – это Сириус, собачья звезда. А это – Бовиниус, коровья звезда.

– Коровья? Ты, наверное, шутишь. Никогда не слышал о коровьей звезде, – скептически сказал дед.

– Я прочел о ней в книге по мифологии, которую вы мне подарили. Коровы – священные животные в Индии, в их честь и назвали звезду. Хотите, дам почитать?

– Нет, сынок, мы тебе верим.

В этом и был фокус – добавить в рассказ достаточно правды, чтобы он звучал убедительно. Я показывал им знакомые звезды и

созвездия, а потом добавлял что-то от себя. Все части моего объяснения были вполне правдоподобны. Если есть собачья звезда, почему бы не быть коровьей?

Так над Джорджией засиял Бовиниус. Мой дед принялся распространять легенду.

- Эй, Джеб, посмотри. Видишь ту звезду? Это Коровья звезда. Мне внук рассказал о ней. Прочел в книжке.

- Коровья, говоришь?

- Да. Чертовы индийцы назвали звезду в честь коровы, - говорил дед.

- Индийцы?

- Ну да, которые в Индии.

- Коровья звезда, кто бы мог подумать.

По мере того, как я становился старше и умнее, мои розыгрыши становились более продуманными и изощренными. Порой мои истории начинали жить своей жизнью.

Поначалу я разыгрывал только семью. Когда дед выяснял, что я его провел, он веселился и хвалил меня. Отец был опасен, с ним было лучше не связываться. Зато мать и брат всегда попадались на крючок. Моим коронным стал трюк с пропавшим ребенком. За годы я придумал бесчисленное множество его вариаций.

Впервые я его опробовал, когда Прохвосту было шесть лет, а мне четырнадцать. Мы с мамой и Прохвостом пошли в зоопарк в Нортхэмптоне. Там можно было гладить и кормить животных, он находился недалеко от дома и считался безопасным местом. Мама оставила нас одних, а сама отлучилась в уборную и купить нам поесть. Ее не было минут пять, не больше. Внезапно меня посетило вдохновение.

- Быстро, прячься в тот сарай, пока мама не пришла. Мы ее разыграем.

Я указал на маленькую подсобную пристройку, где хранились разные инструменты. Прохвост заскочил туда и прикрыл дверь, оставив щель, чтобы наблюдать за происходящим.

Когда мать вернулась, я стоял у ограды и гладил оленя.

- Джон Элдер, где твой брат?

Не оборачиваясь, я сказал:

- Он пошел искать тебя.

Она направилась обратно, чтобы встретить его. Пока все шло как надо. Я посмотрел в сторону сарая и подмигнул Прохвосту.

Вскоре она вернулась.

- Джон Элдер, я его не нашла.

- Ничего, появится.

Я с беспечным видом зашагал по дорожке. Мама пошла за мной. Я продолжал демонстрировать безразличие, отчего она нервничала еще больше.

- Джон Элдер, где Крис?

- Ничего с ним не делается. И вообще, он всего лишь Прохвост.

- Не говори так о нем.

Прошло десять минут, Прохвоста нигде не было видно. Я гордился, что он столько времени тихо сидит в сарае. Он отлично

справлялся с ролью. Тем временем, мать начала переживать всерьез. Настала пора кульминации.

- Джон Элдер, я беспокоюсь за твоего брата.

Определенно пора.

- Не волнуйся, он с твоим приятелем Полом. Все в порядке.

Никакого приятеля Пола у матери не было. Она побледнела.

- Джон Элдер! Что ты такое говоришь?

- Прохвост пошел с Полом. Они хотели найти тебя, а потом покататься на поезде.

Вот теперь она попалась. Она была просто в панике.

- Я не знаю никакого Пола! Кто он такой?

- А мне откуда знать. Это же твой приятель.

Прямо в яблочко. Я отлично научился сочинять на ходу.

- О, Господи. Стой здесь.

И она убежала. Я решил, что у нас будут проблемы, если она вернется с полицией, и те начнут искать Пола. Я дал Прохвосту знак выходить. На его физиономии сияла широченная улыбка. Хоть он не делал ничего особенного, просто тихо сидел, все равно он гордился своей ролью.

- Так, Прохвост, теперь сделай серьезное лицо. Сможешь?

- Наверное, - сказал брат.

Мать вернулась с двумя полицейскими. И увидела Прохвоста. Она кинулась к нему и схватила за руки.

- Кристофер Робисон, где ты пропадал?!

Полицейские, взглянув на все это, быстро потеряли интерес и ушли. Прежде чем Прохвост успел что-то сказать, я ответил:

- Пол привел его обратно, как я и говорил.

Прохвост подхватил:

- Мы катались на поезде и ели мороженое.

Это он уже сам придумал. В тот момент я понял - когда-нибудь он сможет сочинять истории не хуже меня.

Мать смотрела на нас с подозрением, но не знала, что сказать и не хотела пугать Прохвоста без необходимости. Она не догадывалась, что все это было выдумкой, и мы действовали сообща. Поскольку Прохвост вернулся в целостности и сохранности, она не стала расспрашивать нас о таинственном Поле. Пора было сменить тему.

- Прохвост, пойдем покатаемся на лодке. Будем таранить другие лодки и топить их.

Мать так и не поняла, с кем уходил Прохвост и куда, но мы, тем временем, уже отправились по другим делам.

На достигнутом я не останавливался. Я разыгрывал соседей и учителей. В старших классах у меня был особенно вредный учитель биологии. Его представления о том, что и как я должен делать на уроках, крайне расходились с моими. Каждую неделю он измывался надо мной во время лабораторных работ, демонстрируя мою «отвратительно препарированную лягушку» на потеху остальным. Из всего класса он придирился только ко мне, задавая вопросы, на которые я заведомо не мог ответить.

- Что это? - спрашивал он, указывая на какой-то ошметок лягушки на моей парте.

«А мне откуда знать?» – думал я, но только молча кипел внутри. На его уроках я ни секунды не мог вздохнуть свободно, потому что он тут же на меня накидывался. Это утомляло и было просто унижительно. Я размышлял, как бы с ним по квитаться.

Я решил, что ему нужно побольше развлекательного чтива. Это поможет ему отвлечься от постоянных претензий ко мне.

И я направился в «Бертлс», местный магазин газет и журналов. У них имелся самый богатый выбор эротики в городе. Журналы вроде «Плейбоя» и «Пентхауса» лежали на верхних полках, но вещи посерьезнее хранились под прилавком возле кассы. Они-то и были мне нужны, но я не знал, как их заполучить. Сами журналы мне не требовались – только бланки подписки на задней обложке. Но как до них добраться?

Выход оставался один: журналы придется купить. И это требовало некоторых усилий, так как денег у меня не было.

На следующий день, в субботу, я отправился в город, вооружившись плакатом и металлической походной тарелкой. Позаимствовав два ящика из-под молока, валявшихся за бакалейным магазином, я расположился напротив гриль-бара «Меркурий». Здесь всегда много людей, и я буду у всех на виду. Плакат, который я сделал с помощью маминых художественных принадлежностей, гласил:

*Помощь нуждающимся детям и сиротам
Вместе мы можем их спасти
Важно любое пожертвование
Помогите детям!*

Все оказалось на удивление просто. Амхерст был отличным местом для попрошайничества. Через пару часов у меня уже топорщились карманы – я собрал тридцать долларов мелочью и шестнадцать купюрами. Люди просто шли мимо и на ходу бросали деньги в мою тарелку. Часто при этом они отворачивались. Удивительно, но никто не задавал мне вопросов и не заподозрил обмана. Я был рад, что не встретил никого из знакомых, а то получилось бы неловко. Впрочем, возможно, мой пример бы их вдохновил. Если бы кто-то из друзей увидел мои успехи в сборе милостыни, на следующий день они сидели бы здесь сами.

К этому времени я уже знал немало сомнительных личностей, которые ошивались в центре города. Среди них были, например, Дерюга, Культя, Жирдяй и Фредди. А еще букмекер Уилли и сутенер Чарльз. Дерюгу я обнаружил сидящим на крыльце неподалеку от пивной «Миллер».

– Эй, Дерюга, можешь сгонять в «Бертлс» и купить мне порнушки? Только настоящей, из-под прилавка. купишь пять журналов, один можешь оставить себе.

Соглашаться он не спешил.

– Ну же, я куплю тебе кварту пива.

Это сработало. Надо было сразу предложить пива за 69 центов и сэкономить целый журнал.

– Ну-ну, – Ковер хмыкнул, думая, что журналы мне нужны для удовлетворения собственных низменных потребностей.

– Иди к черту. Это не для меня, а для учителя.

- Да ладно, можешь не оправдываться, - он явно мне не поверил. Но журналы все-таки купил.

Тем же вечером я разыскал адрес биолога. Я заполнил бланк подписки на его имя, поставив галочку в строке «оплата при получении». Самим журналам я тоже нашел применение. Один я спрятал в отцовском комод, другой - в его книжном шкафу. Там мать наверняка их найдет, но на меня не подумает. Еще один я журнал подкинул в коридор у кабинета школьного психолога, где обычно ждали родители. А последний оставил на скамье в церкви.

Перед тем как разложить журналы, я пролистал их, чтобы проверить качество своих сюрпризов. На задней обложке одного из них обнаружился превосходный подарок для одинокого школьного учителя.

Надувная Урсула

Идеальная кукла для самых разных утех

Подруга, которая никогда вас не бросит

Кукла была слишком хороша, чтобы упускать такой шанс. Я отправился на почту с семнадцатью заработанными долларами и оформил заказ.

Пару недель не происходило ничего особенного. Потом вдруг биолог остановил меня в школьном коридоре и спросил:

- Скажи-ка, Джон, ты ничего не знаешь об Урсуле?

- Урсуле? Я с ней незнаком.

- Вот и я так подумал, - саркастически произнес учитель.

Я понял, что победил, и мысленно улыбнулся. За год он вклеил мне двойку, но мне было плевать. К тому времени у меня по всем предметам были двойки. Неудача меня больше не пугала. Не знаю, за что именно он поставил такую оценку - за плохие лабораторные, или за то, что я перестал ходить к нему на занятия, или он все же подозревал, что это я познакомил его с красоткой Урсулой.

Но последнее слово осталось за мной. После окончания учебного года я позвонил в строительную фирму и заказал для учителя два самосвала щебенки.

- Просто выгрузите на подъездную дорожку перед домом, - сказал я. - И положите счет в почтовый ящик. Завтра рабочие с этим разберутся.

Сто тысяч с лишним фунтов камня. Более того, фирма рассчитывала, что биолог им заплатит.

Может быть, Урсула поможет ему разгрести эту гору.

Глава 5

Я нашел «Порше»

Когда мне исполнилось одиннадцать, отец получил постоянную должность профессора в университете, и родители наконец-то купили свой собственный дом. Находился дом в городке под названием Шутсбери где-то среди лесов. Я отыскал его в атласе «Ридерс Дайджест», который мне подарил дедушка. Население: 273 человека. Крошечный городок – меньше некуда.

Наш дом выглядел очень уединенным. На улице, где мы жили, стояло в ряд пять домов, но все они были разделены деревьями, поэтому соседей даже не было видно. Мимо тянулась грунтовая дорога – а дальше не было ничего. Только леса и холмы. Даже улицы здесь назывались в честь холмов. Мы жили на улице Маркет-Хилл – «рыночный холм». Также поблизости были улицы с названиями Песчаный холм, Церковный холм, Январские холмы и даже Плоские холмы. Вскоре после того как мы здесь поселились, рядом проложили новую дорогу и назвали ее проездом Высокого холма.

Все дома на нашей улице были построены совсем недавно. Жили в них, в основном, университетские профессора, и лишь некоторые преподавали в других местах – Амхерстском колледже, колледже Смита или колледже Маунт-Холиоук. Вскоре я выяснил, что в нескольких семьях есть дети моего возраста. Наш городок был маленьким поселением, затерянным в лесах.

Переехали мы весной 1968-го. Прямо в конце учебного года родители перевели меня из большой школы Хэдли в крошечную школу Шутсбери, где было всего две классных комнаты. Я снова стал обзаводиться друзьями. У соседей слева было пятеро детей. Их сын Кен оказался моим ровесником, и мы быстро подружились. Они тоже только что переехали, поэтому мы с Кеном все лето исследовали окрестные леса.

Жизнь в Шутсбери сильно отличалась от жизни и в большом городе, и на ферме Хэдли с ее просторными полями. Всего в нескольких милях отсюда находился шумный университетский городок, где всегда происходило что-то интересное. А еще здесь во все стороны простирались леса и дороги, вдоль которых стояли ограждения и знаки с надписями:

*Город Амхерст
Зона водораздела
Проход запрещен*

Что для каждого мальчишки в округе означало: «Эксклюзивная территория для игр».

Однажды на одной из заброшенных дорог я увидел свежие следы от колес, ведущие куда-то в глушь. Я каждый день гулял по этим старым дорогам, но никогда не замечал, чтобы по ним ездили машины. Дороги были узкими, повсюду на пути торчали камни и корни деревьев, а с обочин нависал кустарник. Прошло много лет, с тех пор как по ним кто-то ездил, и многие из них никуда не вели и заканчивались глубокой

ямой или каменным столбом, к которому когда-то привязывали лошадей.

Я с осторожностью пошел по следам. Через несколько сотен ярдов передо мной открылась поляна. И там стоял новенький «Порше». Голубой с бежевыми сиденьями. И хромированными цифрами «90» позади.

Кто-то оставил его здесь, как будто специально для меня. Я знал эту модель. Я читал автомобильные журналы и знал все существующие модели машин. О «Порше» я тоже много читал, но еще ни одного не видел собственными глазами.

Я медленно приблизился к машине. Капот был открыт. Я заглянул внутрь – мотора не было. Может быть, машина сломалась, и его вынули, чтобы починить? Потом мне пришла в голову другая мысль. Возможно, машину угнали. Я вспомнил, как читал об угонщиках в рассказах «Братья Харди». Может, они прятались поблизости? Я вдруг испугался. Не хотелось бы оказаться привязанным к дереву и с заклеенным ртом, как те парни в книге.

Я огляделся, но никого не увидел. Кроме шелеста ветра и щебета птиц не было слышно ни звука. Я осторожно закрыл капот и крадучись ушел оттуда.

Я направился к дому Кена. Он был на год старше и наверняка знал, что предпринять. Мы вместе вернулись к «Порше», и Кен осмотрел его. Он сразу понял, в чем дело.

– Это копы его оставили. У них тут засада. Я видел по телевизору. Они прячутся и ждут, пока кто-нибудь попытается угнать машину. Тогда они выскочат и арестуют угонщика. Может, они прямо сейчас наблюдают за нами. Наверное, и дорогу оцепили.

– В нем же нет мотора, – сказал я.

– Это чтобы мы не удрали. Они наверняка сейчас за нами следят, – уверенно ответил он.

Я огляделся по сторонам, вообразив себе полицейских в камуфляже, затаившихся в кустах. Или даже в окопах, как «зеленые береты», о которых я читал в журнале «National Geographic».

Мы убежали оттуда, но на следующий день вернулись, и машина все еще стояла на месте. Мы обошли поляну кругом, но не увидели никаких следов засады. Тогда мы снова приблизились к автомобилю.

– Я залезу внутрь, – сказал я Кену.

– А если они обнаружат твои отпечатки пальцев? Потом придут прямо в школу и арестуют тебя.

Я задумался. Вдруг они и правда это сделают? Но потом решительно сказал:

– Они не могут меня арестовать. Я ребенок. Мне слишком мало лет, чтобы угнать машину.

Автомобиль стоял точно так же, как мы его оставили. Я открыл дверь и забрался в салон. До сих пор помню запах этих бежевых кожаных сидений и их упругость. Я захлопнул дверь и осмотрелся. Шкала спидометра доходила до отметки 120 миль в час. Но я знал, что этот автомобиль может и быстрее. Я слышал, любой «Порше» способен разогнаться так, что стрелка завалится до упора. Еще там был тахометр, который показывал частоту оборотов двигателя, а также часы и другие датчики.

А еще там было радио с кнопками, помеченными "AM" и "SW". Я не сразу догадался, что вторая аббревиатура означала «короткие волны». В американских машинах не было коротковолнового радио. Я был в восхищении. У отца дома стоял коротковолновый приемник, но в машинах я никогда таких не видел. Я представил, как слушаю здесь лондонское «Би-би-си» или «Голос Анд» из Кито, столицы Эквадора. Дома мы иногда слушали их по вечерам.

Радио с кнопкой "SW" окончательно убедило меня, что «Порше» – особенный автомобиль. Мать недавно купила новую машину, но это был «Крайслер Ньюпорт». Коричневый. Ну почему она не купила такую, как эта? Я завел машину, хоть ключа там и не было. И вот я уже мчался по гоночной трассе Ле-Ман. Я срезал поворот за поворотом и однажды даже вылетел с трассы. Я читал, что «Порше» сильнее заносит из-за того, что у него мотор сзади. Расслабляться не стоило.

Я гнал по прямому отрезку трассы. Более ста миль в час – или даже сто пятьдесят. Уже стемнело, и лучи передних фар рассекали ночь.

Так прошло несколько часов. Потом я вылез, захлопнул дверь и пошел домой ужинать.

А на следующий день появился тягач и увез «Порше».

– Похоже, засада не сработала. Наверное, подкинут его куда-нибудь еще, – сказал Кен, пока мы смотрели, как грузовик компании «Амхерстские перевозки» увозит автомобиль. Эта компания всегда разбиралась с машинами по просьбе полиции. Я подумал, что Кен, вероятно, был прав насчет засады. Но я так и не понял, откуда они за нами следили.

Когда я стал взрослее и стал забираться еще дальше, я понял, что именно угонщики бросали машины в лесу – и делали это годами. Я обнаруживал автомобили в самых странных местах, и у некоторых прямо сквозь окна прорастали ветки деревьев. «Бьюик Роудмастер» 1937 года. «Шевроле Номад» 1956-го. «Студебеккер Чемпион» 1952-го. Иногда это были спортивные машины или грузовики.

Моя следующая встреча с автомобилем марки «Порше» произошла через три года. К тому времени я уже умел водить по-настоящему, и круг знакомств у меня был шире. У некоторых моих приятелей имелись собственные машины, которые я помогал ремонтировать, а иногда и проводил тест-драйв.

Было лето, и я гостил у бабушки с дедушкой в Джорджии. Дед позвонил домой с дороги. Он разъезжал по всему югу, продавая ветеринарные лекарства. Он знал всех и вся в Джорджии, Алабаме, обеих Каролинах и Теннесси. Даже в Миссисипи и Луизиане у него имелись знакомые.

– Джон Элдер, нам нужно съездить в Бирмингем. Я только что купил машину на распродаже. «Порше».

– Какой модели? – спросил я. Я знал все модели наперечет. 911-я, 912-я, новая 914-я, старая 356-я. Я знал даже о редких моделях, например, 904 и 550. Я мог распознать любой «Порше» на улицах этого города. Я надеялся, что дед купил 911 S. Может быть, потом она ему надоест, и он подарит ее мне. Дед всегда водил «Кадиллак», и мне казалось, что он слишком толстый, чтобы влезть в «Порше».

Мой дед, конечно же, точно знал, что купил.

- Ну, оранжевая такая. Я отдал за нее две тысячи. Поможешь отогнать домой?

Дед постоянно что-нибудь покупал на аукционах. «Порше» был последним в череде его приобретений – бриллиантов, восточных ковров, меховых шуб, лодочных моторов, сервантов и нефритовых статуэток. Мы вместе отправились за машиной. Через пару часов мы оказались перед симпатичным домом, из которого по частям выносили мебель грузчики и еще какие-то амбалы на «пикапах».

«Порше» оказался 914-й моделью. Более мощной, чем 911-я, с двухлитровым двигателем. Я открыл капот и принялся изучать содержимое. Мотор был почти такой же, как у «Фольксвагена 1600». Я имел с ними дело – у моего приятеля Марка был такой «Фольксваген», и весной я помогал ему перебирать мотор.

- Можно я поведу? – спросил я. Я еще ни разу не водил «Порше». У меня пока не было прав, но Джек этого не знал, да и не интересовался. В те дни на Юге водительские права мало кого волновали.

Я сел в машину и сразу же узнал запах кожаных сидений – такой же, как тогда в лесу. Я завел мотор, а Джек втиснулся на пассажирское место.

- Черт! Кто делает машины такими тесными, – проворчал дед. Под его руководством я вырулил на трассу.

Автомобиль действительно был компактным, но мне это нравилось. До этого из малогабаритных машин я водил только «Фольксвагены». «Порше» был намного быстрее и податливее – он словно катился по рельсам. Я выехал на федеральную магистраль и сам не заметил, как стал разгоняться все сильнее.

- Схлопочешь неслабый штраф, парень, – предупредил Джек, глядя на стрелку спидометра, которая застыла возле сотни. Я и не заметил, что так быстро еду. Я сбросил скорость, и дед отвернулся. Но я был уверен, что нас не оштрафуют. Только не в Алабаме. У моего деда было разрешение от губернатора Джорджа Уоллеса, который назначил его полковником в ополчении штата. А на дедовской машине имелась пластина с надписью: «Доверенное лицо губернатора». А ниже: «За Алабаму».

Когда мы вернулись в Лоренсвилль, я тщательно вымыл «Порше» и отполировал его. Я старался произвести впечатление на деда и показать, как хорошо я забочусь о машине. Я даже отполировал фермерский трактор, чтобы выслужиться перед ним. Если повезет, «Порше» скоро станет моим. Когда дед потеряет к нему интерес, что ему останется, как не отдать автомобиль мне?

Но дед мне его не отдал. Он одолжил его дяде Бобу. А Боб въехал на нем в дерево. Так от меня ускользнул еще один «Порше».

Следующий я заполучил только в 25 лет. Я увидел бежевый «912» в каком-то переулке неподалеку от места, где я жил. Он был выставлен на продажу. Я купил эту машину и отогнал ее домой.

Я провел бессчетные часы, приводя старый «Порше» в порядок. Я перебрал мотор и отремонтировал весь кузов. Наверное, я вынул и починил каждую деталь в этой машине. Я снял старую бежевую краску и покрасил машину в приятный цвет морской волны. Потом цвет мне надоел, и я поменял его на красный «металлик». Машина выглядела безупречно. Но однажды я понял, что в моем «Порше» есть

существенный недостаток: в нем больше нечего чинить. Тогда я продал его и купил другой, серый 911Е, и вновь принялся за дело.

За все это время у меня было семнадцать «Порше», и каждый из них я восстанавливал или ремонтировал. Даже когда у меня были деньги, я не брал новые машины. «Купить новый “Порше” может любой богатый дурак», – думал я. – «А чтобы восстановить старый, нужно быть настоящим мастером». Вот кем я мечтал стать. Мастером. Творцом, работающим с автомобильной сталью.

Глава 6

Кошмарные годы

Примерно то время как мы переехали в Шутсбери, над нашей семьей нависли черные тучи. Были и светлые моменты – прогулки в лесу и мой «Порше» – но находиться рядом с родителями становилось все тяжелее. Совсем невыносимой жизнь стала, когда мы поселились в «Апрельском домике» – такое дурацкое название брат и мать дали нашему новому дому, потому что мы купили его в апреле 1968 года.

Отец пил и раньше, но теперь совершенно пустился в разнос. Пустые бутылки скапливались под кухонным столом и стояли рядами вдоль стен. Когда мы отвозили мусор на свалку, они занимали весь багажник. И это были не просто винные бутылки – а огромные галлоновые емкости. Любимыми марками отца были «С. С. Пирс» и «Галло». Теперь от него и пахло иначе: от него постоянно несло алкоголем.

Отец всегда был скор на расправу, но теперь, когда он пил еще больше, он стал еще более злым и жестоким. Он стал опасен. Однажды, незадолго до переезда, отец сидел за обеденным столом и выпивал. Я прошел мимо него, но, видимо, слишком шумно, потому что он схватил меня, яростно встряхнул, а затем впечатал в стену с такой силой, что посыпалась штукатурка. Я оцепенел от шока, но в комнату с криками вбежала мать:

– Джон! Не трогай сына!

Пока я оседал на пол, не в силах пошевелиться, отец выбежал из дома, прыгнул в машину и умчался.

– Чтоб он разбился и сдох! – выкрикнул я.

С тех пор мне больше не хотелось жить в Хэдли. Хорошо, что мы уехали оттуда несколько месяцев спустя. Отвратительная вмятина на стене всякий раз напоминала о случившемся.

В одиннадцать лет я мог хоть как-то постоять за себя. Но то, что трехлетний Прохвост смог вырасти и повзрослеть, было просто чудом. Он легко мог закончить свои дни, едва пискнув, и сгнуться в печи крематория или безымянной могиле. Уверен, с некоторыми нежеланными детьми так и случалось. В конце концов, когда живешь в лесной глуши, кто заметит, что вчера здесь был какой-то ребенок, а сегодня нет? А отец не особенно любил Прохвоста в те времена.

Каждый вечер отец сидел за кухонным столом, стоявшим напротив раковины и черно-белого телевизора. Волосы у него были всклокочены, запавшие глаза чернели на лице. Он сидел, развалившись на стуле, со стаканом перед собой и полупустой бутылкой на полу. В пепельнице дымилась сигарета, пачка валялась рядом. Иногда его рука соскальзывала, и окурки рассыпались по всему столу. Когда к нему присоединялась мать, окурки оказывались повсюду. В тарелках. В стаканах. Даже в еде.

С наступлением ночи мать уходила из кухни. Иногда она возвращалась и начинала скандалить с отцом, и он становился еще

злее. Я научился не попадаться ему на глаза в это время. Но иногда он окликал меня.

– Джон Элдер, иди ко мне, сынок.

И тянул ко мне руки.

Если я подходил ближе, он пытался схватить меня. Это было плохо. Если отец меня ловил, то до боли прижимал к себе, царапая колючим подбородком, и слезливо бормотал: «Я люблю тебя, сынок».

Обычно через какое-то время мне удавалось выскользнуть, если хватка его слабела или он тянулся за стаканом.

– Вернись, сынок! – рыдающим голосом звал отец, но я уже мчался в свою комнату.

Бывало, мы с ним ссорились, и тогда он бил меня ремнем. Если мать оказывалась поблизости, иногда она пыталась защитить меня. Возможно, он переключался на нее. Я уже не помню.

Иногда я прятался в своей комнате, думая, что спасся от него.

А потом он появлялся в дверях.

Я зарывался лицом в подушки, но видел его силуэт, заслонявший свет из коридора, и чувствовал его запах. Я слышал, как он снимает ремень, и надеялся, что достаточно хорошо укрылся несколькими одеялами.

А затем ремень со свистом опускался вниз.

Он лупил меня со всего маху. Тогда казалось, что он невероятно силен, но он был всего лишь пьяным профессором с никчемным здоровьем. Иначе он бы, наверное, убил меня.

Иногда я всхлипывал, иногда лежал тихо. Зависело от того, как сильно он бил. Я думал о ноже, который дед подарил мне на Рождество. Золингеновская сталь. Лезвие восемь дюймов длиной. Очень острое. Я мог бы перевернуться и вогнать лезвие ему в живот. По самую рукоятку. Но я боялся. «Что, если я промахнусь? Если удар не убьет его?» Я видел в кино, как герой бил врагов ножом, но они продолжали нападать. Они должны были умереть, но не умирали. Если я не справлюсь с одного удара, отец меня точно убьет.

Поэтому я так этого и не сделал. Но думал об этом много ночей подряд.

Спустя какое-то время отец надевал ремень обратно, подтягивал штаны и уходил.

Днем я выходил во двор и крушил камнями игрушки своего брата. Самыми большими камнями, какие мог найти. Больше я ничего не мог поделать.

Однажды отец подозвал к себе брата, а не меня.

– Иди сюда, Крис, – заплетающимся языком сказал он.

Прохвост был слишком мал, чтобы заподозрить неладное. Глупый ребенок. Он подошел к отцу, тот ухватил его и посадил к себе на колени.

Какая невинная картина – несмышленный малыш сидит на отцовских коленях. Он просидел так несколько минут, и ничего не происходило. Я немного расслабился. Прохвост улыбался. И тут отец вынул сигарету изо рта и затушил ее. Прямо о его лоб. Брат завопил и стал вырываться. Сейчас, описывая это сорок лет спустя, я даже не помню, удалось ли ему убежать.

Как собаки, которых пнули ногой, с тех пор мы оба стали сторониться его. Но никому ничего не рассказывали. Когда над вами издеваются, бьют или травят, это унижительно – но еще хуже, если это происходит в собственном доме. Мне понадобилось много лет, чтобы собраться с духом и рассказать об этом в книге.

По каким-то необъяснимым причинам в то время я хорошо учился – лучше, чем раньше, и лучше, чем когда-либо потом. В конце года наш класс выиграл семь наград за успехи в учебе. Шесть из них были мои. Я привык слышать от отца, что меня ждет работа автозаправщика, но в тот вечер он сказал: «Ты большой молодец, сын, я тобой горжусь». А потом мы пошли домой, и он вернулся на кухню к своей бутылке хереса. К девяти часам вечера от его гордости не осталось и следа.

Никто из учителей не знал и не догадывался, что в те годы мои родители ежедневно ссорились. Это были громкие отвратительные скандалы. А затем мой отец стал просто разваливаться на глазах. Сначала он заболел псориазом – его тело покрылось мерзкими белыми струпьями. Я думал, что сигареты отвратительны, но это было еще хуже. Чешуйки постоянно осыпались, забивая слив ванны. Куда бы он ни пошел, за ним повсюду тянулся белый след. Чешуйки оставались на полу, на коврах, на одежде. Больше всего их было в его ванной и спальне. Эти комнаты я обходил стороной.

Матери приходилось стирать нашу одежду отдельно, потому что если мои вещи смешивались с его, на них оставалась белая труха, и я отказывался их надевать. Приходилось перестирывать мою одежду три-четыре раза, чтобы ее можно было носить.

Учитывая отцовское поведение, я не испытывал к нему жалости.

Потом у него начался артрит. В суставах скапливалась жидкость, болели колени. Его лечили золотом, делали уколы кортизона и еще бог знает чего. Отцу было всего тридцать пять, а он просто рассыпался на части. Никто тогда не знал, почему, или, по крайней мере, не объяснял. Но теперь я знаю. Он был невероятно несчастен. Мои родители проделали путь от собственного тяжелого детства до неудачного брака, а я теперь был вынужден жить с последствиями этого.

Такого отца хватило бы любой семье, но была еще и мать. К тому времени она уже начинала скатываться в безумие, которое позже приведет ее к смиренной рубашке и палате в государственное больнице Нортхэмптона. У нее начались галлюцинации. Она видела демонов, людей, призраков... Я никогда точно не знал, что ей мерещилось. Они были в лампах, в углах комнат, на потолке. «Ты разве не видишь их?» – спрашивала она. Но я ничего не видел.

Иногда она говорила настолько страшные вещи, что я вычеркнул их из памяти и сейчас не смогу повторить. Мои воспоминания о том времени похожи на отдельные вспышки резкого, слепящего света. Они до сих пор причиняют боль.

Родители доводили друг друга до помешательства и едва не свели с ума и меня. К счастью, синдром Аспергера помогал мне изолироваться от худших моментов, а потом я достаточно повзрослел, чтобы сбежать из дома.

Мать говорила:

– Джон Элдер, твой отец – очень умный и опасный человек. Он обманывает врачей и притворяется нормальным. Я боюсь, что он

попытается нас убить. Мы должны спрятаться. Нужно сбежать от него, пока врачи не возьмут его под контроль.

Долгое время я ей верил. Брат был младше и верил еще дольше. Теперь я знаю – в ней говорило безумие и злоба. Родители оба сходили с ума.

К тому времени как мне исполнилось тринадцать, а брату пять, мать нашла того самого доктора Финча, о котором брат рассказывает в своей книге «Бегом с ножницами». Я помню, как мы впервые пошли к нему всей семьей. Я с сомнением относился к этой затее, так как мать уже довольно долго водила меня по психологам, психотерапевтам и игровым группам, пытаясь выяснить, что со мной не так. Ничего не помогало. Зато я уже тогда видел, что действительно было не так.

– У нас неправильные родители, Прохвост. Я видел родителей своих друзей. Они совсем не такие, как наши.

Прохвост, конечно, не мог этого понять. Он был слишком мал.

Родители часто поручали мне приглядеть за ним, когда уходили куда-нибудь. Но на этот раз я шел вместе с ними. Поэтому я сказал брату:

– Прохвост, мы идем говорить о тебе с психологом. Я не могу остаться дома, потому что им нужен мой совет, как с тобой поступить. Так что спускайся в подвал. Мы прикуем тебя к батарее, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Джон Элдер! Перестань пугать Криса. Мы позовем няню.

Мы оставили Прохвоста и отправились к врачу. Его кабинет находился на верхнем этаже одного из тех старых зданий, что стоят на главной улице Нортхэмптона. Мы поднялись на третий этаж на древнем лифте, напоминавшем большую клетку, и вышли в просторную приемную с обшарпанной мебелью. У стены стоял стол наподобие учительского, а за ним сидела девушка, которая впоследствии оказалась дочерью врача.

Сам кабинет располагался за старой деревянной дверью с матовым стеклом, на котором трафаретными буквами было выведено имя – прямо как на двери частного детектива в кино. Внутри было жарко и душно. Шипел паровой обогреватель, и в воздухе стоял запах сырости. Окна выглядели так, словно их никогда не открывали. В кабинете пахло старыми коврами и усталыми людьми.

Доктор вышел нас поприветствовать. Или, может быть, мы зашли к нему.

– Добрый день! Я доктор Финч, – прогремел он.

Он был стар, одутловат, с белыми седыми волосами. Говорил он с едва заметным иностранным акцентом. Судя по всему, родители уже бывали у него раньше, так как отец рассказывал о нем деду.

– Берегись этого Финча, – предупредил дед, когда я говорил с ним по телефону и сказал, куда мы идем. – Я навел о нем справки.

Зачем деду было наводить справки о докторе, я не знал.

– Я слышал, из Кингспорта в штате Теннесси его изгнали с позором, – сказал он.

Я читал в книгах по истории, как раньше людей изгоняли из города в качестве наказания.

– А его вываляли в смоле и перьях? – спросил я. Часто именно так поступала разъяренная толпа. По крайней мере, если верить книгам.

- Не знаю. Просто будь начеку.

Я последовал совету и держался с доктором настороже.

Сначала врач поговорил с каждым из нас в отдельности, а потом мы зашли к нему все вместе. Не помню, о чем мы разговаривали в первый раз, но в один из следующих визитов доктор Финч сказал две вещи, которые изменили мою жизнь. Во-первых, он разрешил мне называть родителей какими угодно именами. Во-вторых, он сказал отцу, что тот не имеет права меня бить. В отличие от советов всех предыдущих мозгоправов, его слова возымели действие. Больше отец никогда меня не бил. И за это я всегда буду благодарен доктору Финчу, хоть позже он и повел себя очень странно.

- Джон выбрал новые имена для вас обоих, - сказал доктор Финч, пригласив родителей в кабинет после беседы со мной. - Я посоветовал ему это сделать в качестве средства самовыражения. Джон? - он замолчал и повернулся ко мне.

- Я решил, что буду называть тебя Рабыней, - сказал я, глядя на мать. - А тебя - Тупицей, - сообщил я отцу.

- Как скажешь, Джон Элдер, - ответила мать. Чем бы дитя не тешилось.

- Мне это совсем не нравится, - сказал отец.

- Что ж, вам придется уважать выбор Джона, - ответил доктор.

Может быть, доктор Финч и не знал о синдроме Аспергера, но он был первым, кто одобрил мое желание давать людям свои имена.

- И что бы он ни сказал, вы не должны поднимать на него руку, - это он повторил специально для отца. Мать никогда меня не била. А с того дня и отец больше не трогал.

Я начал регулярно посещать доктора Финча вместе с родителями. Кроме того, они ходили к нему на дополнительные сеансы без меня. Прохвост поначалу был слишком мал, чтобы ходить с нами, а матери по-прежнему не нравилась моя идея приковать его в подвале. За ним соглашалась присмотреть миссис Штоц, бабушка одного из моих одноклассников.

Позже, когда мы поближе познакомились с доктором и его единомышленниками, они, в каком-то смысле, приняли нас в свою семью. Я стал общаться с его дочерью Хоуп и еще одним пациентом, Нилом Букменом. Не стоит отрицать, доктор Финч был эксцентричен. Он жил в большом викторианском особняке недалеко от центра, и дома у него постоянно обреталась толпа друзей и пациентов. Казалось, все они его просто боготворили. Было в этом поклонении что-то подозрительное, но визиты к нему давали свои плоды, поэтому я перестал об этом задумываться.

Дед продолжал повторять: «Остерегайся этого Финча». По городу о нем ходили разные слухи, но он был первым психотерапевтом, который мне помог, и в те годы он действительно относился ко мне по-доброму. Жаль, что все обернулось так скверно несколько лет спустя.

Глава 7

Требуется сборка

До тринадцати лет я интересовался камнями, минералами, динозаврами, планетами, кораблями, танками, бульдозерами и самолетами. В тринадцать я получил на Рождество кое-что новое: электронный набор.

Родители подарили мне набор для сборки компьютера, состоящий из сорока двух компонентов. Черный пластиковый корпус. Легкая сборка. Батарейки в комплект не входят.

В конце 60-х слово «компьютер» означало нечто совсем иное, чем сегодня. Мой компьютер напоминал скорее электронный арифмометр – если кто-то помнит, что такое арифмометр. Чтобы им воспользоваться, нужно было повернуть две левых ручки так, чтобы их стрелки указывали на два числа, которые вы хотите перемножить. Затем нужно было поворачивать третью ручку до тех пор, пока счетчик не покажет ноль. Когда это происходило, третья стрелка показывала произведение двух чисел.

Однако, прежде чем крутить ручки, компьютер нужно было собрать. Пока что у меня в наличии был лишь пакет с резисторами, транзисторами, конденсаторами, креплением для батареек и счетчиком.

- Как его собирать? – спросил я отца.

- Не знаю, сын. Что там в инструкции сказано?

- Там написано «легкая сборка». Видимо, они так считают. Нужны плоскогубцы, кусачки, паяльник и припой с канифолью.

- У нас есть припой. Чтобы запаивать трубы, – иногда отец воображал себя мастером на все руки.

- В инструкции написано, с канифолью. А у нас с кислотой. Там сказано, ее нельзя использовать, она испортит электронику.

Ночью отец мог в один миг превратиться в чудовище, но днем он был вполне сносным человеком. Днем он обычно не говорил мне гадостей и порой помогал мне в разных затеях.

Сколько же я бился с этим компьютером! Внутри у него было не больше двадцати деталей, остальные же из «сорока двух компонентов» представляли собой клеммы, гайки, болты, ручки, шкалы, счетчик и корпус, в который все это помещалось. Как бы ни был прост этот компьютер, я две недели собирал его и пересобирал, прежде чем он наконец заработал.

Родители купили несколько книг мне в помощь: «Основы электроники» и «101 электронный проект». Мою любимую, «Руководство радиолюбителя», порекомендовал продавец в магазине, где был куплен компьютер. Прочитав эти книги, я наконец смог во всем разобраться. Заодно я научился паять, а также начал понимать, для чего нужны различные электронные детали и как они работают. Резисторы, транзисторы, конденсаторы, диоды перестали быть просто словами в книге – они стали реальны. Я был горд полученными знаниями, и мне хотелось большего.

Я решил записаться на уроки электроники. «Вдруг у меня получится», – подумал я. В шестом классе я был круглым отличником, но потом оценки неуклонно поползли вниз. Электроника же казалась куда интереснее, чем биология, немецкий или физкультура.

Поскольку курс предназначался для старшеклассников, а я был только в седьмом, мне пришлось поговорить с учителем и сдать тест.

– Расскажи мне закон Ома, – начал мистер Грей.

– Сила тока равна напряжению, деленному на сопротивление, – ответил я. – Ток измеряется в амперах, напряжение в вольтах, сопротивление в омах.

Еще двадцать несложных вопросов в таком духе, и я был принят. Я уже знал больше, чем могли дать начальные учебники. Кабинет мистера Грея располагался в подсобке и был завален вакуумными лампами, резисторами, конденсаторами, проводами, переходниками и прочими разнообразнейшими деталями. Я был в полном восторге. Мистер Грей посчитал, что я уже знаю достаточно, чтобы пропустить программу первого года и сразу перейти на второй, но я был увлечен настолько, что и материал второго года усвоил за несколько недель. После этого я принялся изучать что мог самостоятельно и стал присматриваться к университету.

Мать предложила мне обратиться к профессору Эдвардсу – это был муж ее подруги. Доктор Эдвардс преподавал электротехнику в Массачусетском университете, и он открыл мне дверь в новый мир. Буквально – он впустил меня в лаборатории Восточного инженерного корпуса университета и показал мне новейший вычислительный центр, где в огромном зале, охлаждаемом кондиционерами, стояла система “Control Data 3800”.

В инженерных лабораториях я стал кем-то вроде домашнего питомца. Я заходил туда почти каждый день после школы, а вечерами усиленно занимался дома.

Я начал с интересом поглядывать на телевизоры и радиоприемники в нашем доме. Они все равно были старыми, и у меня чесались руки разобрать их и посмотреть, как они устроены. Я решил, что родители просто обязаны немедленно отдать мне всю домашнюю технику.

– Ладно, можешь взять старый приемник. Только не новый!

За одним приемником последовал другой. Еще через пару недель настала очередь старого телевизора. На комод в моей комнате и на обеденном столе начал скапливаться внушительный арсенал деталей.

– Убери свои железки с кухонного стола!

– Черт! Я порезал ногу какой-то деталью!

Подобные жалобы звучали все чаще, и отец решил взять дело в свои руки. К счастью для меня, это был день. Вечером, напившись, он просто бы вышвырнул все мои детали в мусор.

– Сын, а не устроить ли тебе мастерскую в подвале?

Идея мне понравилась. В подвале валялась большая ненужная дверь. Отец прибил к ней ножки, и у меня появился собственный верстак.

Вскоре я стал проводить в мастерской все свободное время. Теперь я уже не разбираю технику, а наоборот собираю. Поначалу я делал самые простые устройства. Некоторые из них, например,

радиоприемники, были полезны. Другие служили просто для развлечения. К примеру, я обнаружил, что можно припаять к конденсатору пару проводов и заряжать его током. На несколько минут, пока не вытечет заряд, у меня был примитивный электрошокер.

Я опробовал его на собаке, но она убежала и спряталась. Так было неинтересно. Тогда я решил испытать шокер на младшем брате. При помощи блока питания, который я недавно извлек из старого телевизора «Зенит», я зарядил конденсатор на ощутимую, но не смертельную мощность.

- Давай поиграем в «Щелкни Прохвоста», - сказал я. Я изобразил добродушную улыбку, держа конденсатор за спиной так, чтобы случайно не разрядить его в себя или в посторонний предмет.

- Как это? - с подозрением спросил брат.

Прежде чем он успел убежать, я шагнул к нему и ткнул шокером. Брат подпрыгнул - довольно-таки высоко. Иногда в таких случаях Прохвост давал сдачи, но в этот раз предпочел убежать. Удар тока застал его врасплох, к тому же, он не знал, что заряд у меня только один. Пройдет несколько лет, прежде чем я наберусь опыта, чтобы сделать многозарядный шокер.

Он побежал по коридору с криком:

- Мама, Джон Элдер меня щелкнул!

Затем я перешел к более сложным экспериментам. Но вскоре столкнулся с препятствием: в университетских учебниках все объяснялось с помощью формул, а я не понимал математику. У меня были свои формулы в голове, совсем не такие, как в книге. Я словно бы думал на совершенно другом языке. Когда я представлял себе волну, я ассоциировал ее с определенным звуком. Если сильно сосредоточиться, я почти слышал эти волны. Но я не мог понять, как связать их со значками в книге. По крайней мере, пока. К счастью, примерно в то же время мой интерес к электронике и к музыке начал сливаться воедино.

Впервые я заинтересовался музыкой в пятом классе. Я пробовал играть на валторне, но не добился успеха. Несколько лет спустя, когда я гостил в Джорджии, я увидел, как мой кузен Боб учится играть на гитаре, и мне захотелось играть на басу. Бабушка отвезла меня в музыкальный магазин «Уоллес-Рид» в Дулуте, неподалеку от Атланты - там я и увидел гитару с четырьмя струнами.

- Это и есть бас-гитара, сынок, - сообщил продавец.

Бабушка спросила продавца, может ли он сыграть на инструменте. Он подключил гитару к усилителю, сыграл несколько тактов и передал ее мне. Я понятия не имел, как играть на бас-гитаре, но когда тронул струну, она отозвалась вибрацией у меня в груди. Я был заморожен. Через полчаса уговоров с моей стороны мы погрузили в бабушкин серебристый «Кадиллак» бас-гитару, усилитель марки «Фендер», колонки, шнуры, а также несколько сборников нот. И отправились домой.

Я учился играть все лето - по нотам и подыгрывая песням на радио. Басист из меня, впрочем, был ужасный. Песни звучали у меня в голове. Я выучил нотную грамоту. Но я не мог преобразовать ту музыку, что слышал в мыслях, в движения пальцев по струнам. Звуки, которые я извлекал из гитары, были такими же неуклюжими, как и я сам.

Я посмотрел на свой усилочек. Лео Фендер создавал знаменитые на весь мир гитары и аппаратуру, но я считал, что нет предела совершенству. Что, если я смогу разобрать усилитель и улучшить его? Если у меня не получается играть на басу, может быть, получится что-то сделать с усилителем.

В одном магазине я увидел полезную книгу – «Усилители для музыкальных инструментов» – и долгим нытьем и уговорами заставил родителей ее купить. Я был полон идей, как приспособить к подаренному бабушкой усилителю свой запас телевизионных деталей.

Идеи сработали. Усилитель стал намного мощнее, а звук сделался более сочным. Я ходил со своим усилителем по местным концертам и предлагал музыкантам сравнить его с их оборудованием. В итоге, он обошел чуть ли не всех музыкантов в городе.

– Черт, а ведь круто звучит!

Они сразу принимались хвалить мою работу. Я чувствовал себя победителем.

– А можешь и мой так же переделать? – теперь я часто слышал эту фразу. Я стал переделывать усилители для местных музыкантов, а они рассказывали об этом своим коллегам. Кроме того, я занялся ремонтом сломанного оборудования.

Я начал понимать взаимосвязь между звуком и теми изменениями, что я вносил в конструкцию усилителя. Люди это заметили.

– Можешь, чтобы бас звучал поотрывистее?

– Можешь низы сделать четче?

– Можешь смягчить перегруз?

Набравшись немного опыта, я научился переводить слова музыкантов в технические описания, которые потом использовал в работе. Например, «жирный звук» означал «сильные искажения по четным гармоникам». И теперь я знал, как внести эти искажения.

Вскоре мы с музыкантами уже не просто меняли звук, а начали создавать совершенно новые эффекты. В то время чуть ли не единственными звуковыми эффектами, доступными большинству исполнителей, были реверберация и тремоло. Я начал экспериментировать и изобретать новые эффекты и новые звуки.

Также я принялся экспериментировать с транзисторными схемами. Усилители «Фендер» были ламповыми, их придумали еще в 50-е годы. Транзисторные схемы были гораздо новее, а интегральные и вовсе считались последним словом техники. Изучая схемы, я понял, как уместить спецэффекты в небольшие коробочки, работающие на батарейках. Сначала я в мельчайших деталях представлял прибор у себя в голове, попутно оттачивая свой мыслительный процесс. Затем собирал устройство по-настоящему и сравнивал предполагаемый результат с реальным. Со временем представлять нюансы будущего устройства получалось все лучше. Когда я развил способность воображать и даже слышать потоки звука, идущие по моим схемам, сложности с математическими текстами перестали мне мешать.

В тот период я совершил пару очень важных открытий. Во-первых, я стал лучше разбираться в самих электронных компонентах. Они были кирпичиками, из которых строилось все остальное. Во-вторых, я неким образом догадался, как визуализировать сложные математические функции, описывающие работу электронных схем. К примеру, я видел,

как чистые гитарные звуки входят в схему и выходят в виде измененных, гораздо более сложных волн. Я понимал, как именно устройство схемы и ее отдельные компоненты влияют на эти волны. Что еще замечательнее, я развил способность мысленно переводить воображаемые волны в воображаемые же звуки, а затем создавать устройства, воспроизводящие эти звуки.

Никто не знает, почему один человек обладает таким даром, а другой нет, но мне встречались и другие аспергианцы, наделенные похожими способностями. Думаю, в моем случае, эта способность – по всей видимости, врожденная – отчасти связана с повышенным умением сосредотачиваться. Я умею очень сильно фокусировать свое внимание на том, чем занят.

Свободные вечера я теперь проводил на концертах в местных клубах. Владельцы клубов, вышибалы и даже бармены стали узнавать меня в лицо. Музыканты общались со мной на равных, и похоже, я пользовался у них уважением. Я обрел уверенность в себе, и она укрепилась еще больше, когда я обнаружил, что многие из них были такими же изгоями, как я. Может быть, я наконец-то нашел свое место.

Эта мысль приносила облегчение, потому что дома обстановка продолжала ухудшаться. Мы по-прежнему ходили к доктору Финчу, и отец гораздо лучше со мной обращался, но между собой родители все так же страшно ссорились. Они оба скатывались в пропасть. Отец все больше пил и сильнее погружался в депрессию. Иногда он целыми днями лежал в постели, иногда просто уходил из дома. В те дни наша семья редко собиралась вместе. У матери продолжала развиваться мания. Однажды я вернулся домой и не нашел ее.

– У вашей матери произошел психический срыв, – сказал мне врач.

Она вернулась несколько дней спустя, заторможенная и накачанная лекарствами, но ясно было, что этим все не закончится.

Ища способ отвлечься, я стал наведываться в школьный аудио- и видеокружок. Большинство подростков, которые там болтались, интересовала телестудия, оснащенная по последнему слову техники – черно-белыми камерами. Но меня это не волновало. Я хотел научиться разбирать аппаратуру, чинить ее и делать лучше. В этом мне помогли два школьных техника, Джон Фуллер и Фред Смид. Они научили меня очень многому, и я им глубоко благодарен.

– Чинил когда-нибудь такое? – Джон указал на сваленные в кучу проигрыватели для пластинок. В школе таких проигрывателей был не один десяток. На уроках иностранного языка их использовали для аудиоматериалов. На уроках музыки слушали оперу. На литературе – ставили записи старых радиоспектаклей. Проигрыватели были хрупкими и постоянно ломались. Моей новой обязанностью и, в каком-то смысле, стажировкой, стал их ремонт.

Каждый прибор, который я ремонтировал в те дни, учил меня чему-то новому. Я научился припаивать тоненькие проводочки к иглам проигрывателей, я узнал, как работает звукосниматель и вращающийся диск. Я научился находить неполадки в электронных схемах и исправлять их. Вскоре я успевал починить три-четыре прибора за вечер, и гора сломанных проигрывателей таяла на глазах.

– Как думаешь, не пора ли нам переводить его на магнитофоны? – сказал Фред тоном матери, спрашивающей: «Не пора ли нам переводить малыша Микки на твердую пищу?»

Так к моему рациону добавились кассетные магнитофоны. Спустя неделю я уже отвечал за всю аппаратуру из кабинета иностранных языков. У этих машин была тяжелая жизнь – раз за разом на них проигрывали фразы, перематывали пленку и проигрывали снова. И все впустую: готов поспорить, через пять лет после школы 90 процентов выпускников не смогут обменяться и парой фраз с жителем Парижа или Берлина. Но для меня эти магнитофоны были билетом в другой мир. Знания, полученные в работе с ними, я использовал для создания совершенно новых звуковых эффектов – фланжера² и эхо. Местные музыканты были довольны.

Впервые в жизни я делал что-то, что взрослые считали стоящим. Возможно, я был бестактен. Возможно, я не знал, что говорить и как себя вести. Но если я мог починить пять магнитофонов за день, я был «молодцом». Раньше меня так называли разве что дед с бабушкой.

В школьной студии я нашел еще кое-что, точнее, кое-кого – девушку, которая потом стала моей первой женой. Мэри Тромпке была такой же, как я – застенчивым подростком с кучей проблем. Что-то в ней меня притягивало. Она была очень умна, но мало общалась – тем не менее, я твердо решил познакомиться с ней поближе. Мы понемногу разговорились. Обычно она сидела рядом, пока я возился с проигрывателями и кинопроекторами. Вскоре она тоже начала чинить всякие мелочи, и мы вместе стали ремонтировать то магнитофоны, то наушники, то что-нибудь еще.

Я начал каждый день провожать ее домой. Она жила в южной части Амхерста, а я – в его северном пригороде, Шутсбери, так что за эти годы мне пришлось немало походить пешком. Родители Мэри были разведены, она жила с матерью, тремя братьями и сестрой в маленьком ранчо. Отец был запойным алкоголиком, как и мой. Мать – рассеянной, изможденной трудом женщиной, которая относилась ко мне с большим подозрением. В конце концов, я был волосат, невыт и груб. И вообще – парень. Так что поначалу она была совсем не в восторге, когда я стал провожать ее дочь домой. Но я был настойчив, потому что чувствовал, что Мэри понимает меня. Я ни с кем не ощущал этого раньше.

Я назвал ее Мишка. Мать звала ее Мэри Ли (Ли было ее средним именем) или «дочуркой», но меня не устраивало ни то, ни другое. По какой-то причине, у меня всегда были проблемы с именами. Мне необходимо самому придумывать имена для близких людей. Иногда я называл ее «дочурка», чтобы подразнить, но она ужасно злилась, и я перестал. Так она и осталась Мишкой.

Мне она казалась очень милой – невысокая, кругленькая, с темными волосами, завязанными в два хвостика. Я был просто покорён. Она была первой, кто читал так же быстро, как я, а то и быстрее. Она читала замечательные книги – Азимова, Брэдбери, Хайнлайна. Я сразу же взялся за этих авторов. Но я был слишком стеснителен и неуверен в себе, чтобы сказать ей о своих чувствах. Поэтому мы просто разговаривали, читали, чинили магнитофоны и каждый день ходили пешком через весь город.

² Фланжер – звуковой эффект, создающий «летающее», «космическое» звучание.

Так начинался роман двух аспергианцев. Было это в 1972 году.

Глава 8

Собаки меня боятся

Любой ребенок вам скажет, что самый добрый и терпеливый пес начнет кусаться, если слишком долго дергать его за уши и таскать за хвост. У синдрома Аспергера есть мрачная сторона. Есть поговорка: «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой». Так вот, нам с детства приходится иметь дело с людьми, которые поступают с нами совсем иначе. Чем старше я становился, тем яснее ощущал – мне не от кого ждать любви. Меня любила разве что Мишка. И бабушка с дедушкой с отцовской стороны. Каждое лето я гостил у них в Джорджии. Они жили в Лоренсвилле, небольшом городке в часе езды от Атланты.

В то лето, когда мне исполнилось тринадцать, я снова поехал к ним. Бабушка и дед встретили меня в аэропорту, как и всегда. Бабушка Кэролин была первой, кого я увидел сойдя с трапа самолета. Она подбежала ко мне и стиснула меня в объятиях. Я стал вырываться. Я уже не маленький, чтобы меня тискать.

– Ох, Джон Элдер! Смотри-ка, как ты вырос! Какой красавец!

Я все еще пытался высвободиться, но мне было приятно, что бабушка с дедушкой так гордятся мной и радуются моему приезду. Только они всегда были мне рады.

– Твой дядя Боб придет на выходные. Он сказал, что будет учить тебя водить! Боже мой, наш мальчик сядет за руль!

Мы спустились в зал получения багажа, а потом вышли на улицу, где стоял «Кадиллак» моего деда – возле тротуара, прямо под знаком «стоянка запрещена». Я забрался на сиденье, направил воздушную струю кондиционера себе в лицо, и мы выехали из аэропорта.

Было здорово вернуться в Джорджию.

В те выходные мы с дядей Бобом катались на бабушкиной новой машине. Это был двухдверный «Бьюик Электра 225» бордового цвета. Немного нервничая, я подвинул водительское сиденье вперед, чтобы дотянуться до педалей. С фермерской техникой я управлялся с двенадцати лет, но сейчас мне предстояло вести настоящий автомобиль. По настоящей дороге.

– Если умеешь водить трактор, справишься и с «Бьюиком», – сказал Боб.

Хорошо ему говорить – машина была бабушкина, а не его. И хотя она казалась большой, она была намного меньше дедушкиной.

– Ей куда легче управлять, чем трактором. У нее коробка-автомат и гидроусилитель руля.

Я сотню раз ездил на большом тракторе, когда косил, убирал сено или делал еще что-нибудь. Это был красный «Мэсси Фергюсон». Когда дед просил прикупить ему удобрений и патронов для дробовика, я даже ездил на тракторе в город. Иногда я заезжал в «Баскин-Роббинс» за мороженым. Я парковался на стоянке рядом с машинами и шел в кафе. А потом выжимал из трактора всю мощь, чтобы успеть домой, пока мороженое не растаяло.

Тракторов я не боялся, не так уж быстро они ездили. Автомобиль – совсем другое дело. Я завел мотор и осторожно надавил на педаль газа. «Бьюик» рванулся вперед, и я тут же ударил по тормозам. Машина встала, взрыв белый песок, которым была посыпана дорожка перед домом. Хорошо, что нас никто не видел.

– Полегче, полегче, – сказал дядя.

Затаив дыхание, я отпустил тормоз. Машина покатилась вперед. Так же осторожно я снова нажал на педаль. Колеса замерли. Дядя был прав. Машиной легко было управлять. И она была очень мощной.

До конца улицы мы добрались без происшествий. Я остановился там, где из леса выходила грунтовая дорога и пересекала трассу 27. В этом месте я обычно разворачивал косилку, когда ездил на тракторе. Асфальт блестел от жары, время от времени мимо проносились автомобили. Я поглядел вдаль – через дорогу виднелся пруд Мэтьюс. В нем я однажды выловил большого окуня, которого бабушка выпотрошила и приготовила на обед.

– Все в порядке. Посмотри налево, направо и выезжай на дорогу, – подбодрил меня Боб с пассажирского сиденья.

Мы выехали на трассу. Я лишь чуть-чуть прибавил газу, а стрелка спидометра уже метнулась к цифре «40».

– У нее мощный четырехцилиндровый двигатель на четыреста пятьдесят пять кубов. Мчится только так, – сказал Боб.

Дед всегда покупал только лучшее. Я тронул тормоза, чтобы убедиться, что машина меня слушается, и покрышки слабо взвизгнули. Мы направлялись к дому моей прабабушки, до которого оставалось еще около мили. Мы с дядей оба называли прабабушку «бабулей». Она была древней сморщенной старушкой и почти не выходила из дома. В детстве я думал, что она участвовала в войне между Севером и Югом. Это, конечно, было не так, но родилась она вскоре после окончания той войны. Жила она в небольшом кирпичном домике, в паре миль от моих бабушки и дедушки. В серванте у нее весь год лежали «снежки», скатанные из алюминиевой фольги. А еще она угощала нас гуляшом и жареными стручками окры.

Бабуля никогда не видела меня за рулем, даже на тракторе, и поразилась, что я умею водить.

– Боже мой, Джон Элдер, ты смотри, какой большой вырос! И машину водишь!

«Вот черт», – подумал я. – «И она в таком же восторге, как бабушка. Даже говорит теми же словами!» Разве что она не так суетилась, поскольку была уже очень стара. На самом деле, ее восторги мне были приятны, но я старался не показывать этого, потому что к тому времени знал, что «настоящие мужчины» не проявляют эмоции по таким пустякам.

Бабуля принялась хлопотать на кухне, ища, чем бы нас угостить. Когда я гостил у своей родни на юге, я никогда не оставался голодным. Бабушка Кэролин покупала мне мороженое пятигаллоновыми ведерками.

– Скоро совсем вырастешь, и будет у тебя своя машина! А ты знал, что у моего папы был первый автомобиль во всей Чикамоге? Его доставили поездом из Чаттануги!

Я наострил уши. Вокруг столько машин, а у моего прапрадеда была первая машина в городе. Конечно, Чикамога еще меньше Лоренсвилля, но все-таки... Я был впечатлен. Похоже, любовь к автомобилям у меня наследственная.

Бабуля вышла на порог, чтобы посмотреть, как я отъезжаю. Я выехал с подъездной дорожки задним ходом, вывернул руль и приготовился выехать на дорогу, но возникла проблема. Я запутался. Слишком много действий нужно было совершить. Тормоз, газ, руль, коробка передач...

Я забыл, что и в каком порядке нужно делать. В результате «Бьюик» оказался в канаве, попутно опрокинув почтовый ящик. В Джорджии вдоль обочины всегда проходила канава.

Дядя, который стоял снаружи и гордо смотрел, как я самостоятельно рулю, резво отскочил назад, чтобы не попасть под колеса.

- Черт тебя дери, Джон Элдер! Ты помял машину! Да еще и ящик сбил!

- Ой-ой-ой, как же так, Джон Элдер! - запричитала бабуля.

Дядя подбежал к машине и поставил ее на ручник. Я выбрался наружу.

Боб сел на водительское место и вывел «Бьюик» из канавы. Мы осмотрели машину. Царапин на хромированных деталях, кажется, не было. Почтовый ящик тоже не сильно пострадал, только столбик немного погнулся в том месте, где его вывернуло из земли. Я попробовал поставить его обратно, но дырка в земле была слишком большой, и ящик снова упал. Казалось, он безнадежно сломан. Я вдруг впал в отчаяние.

- Спокойно, - сказал дядя Боб. - Мы съездим за ямокопателем и все поправим.

Дядя сел за руль, и мы поехали обратно. За дедушкиным домом стоял сарай, где чего только не было - коробки с болтами и гайками, старые инструменты, газонокосилки и еще куча безымянного хлама. Еще мой прадед Данди собрал здесь самый разный сельскохозяйственный инвентарь.

Дядя Боб вытащил на свет некий инструмент с двумя длинными ручками, приделанными к стальному ковшу.

Я был в восхищении. Я и не знал, что у нас есть ямокопатель. Он напоминал двухстворчатую раковину с длинными ручками. Этот инструмент годился не только для того, чтобы рыть ямы в поле - ему можно было найти множество применений.

Я отнес инструмент в машину. За руль снова сел дядя. Я не возражал - одной поездки мне пока хватило.

- Давай я сам выкопаю яму, - предложил я. Мне не терпелось испробовать эту штуковину в деле.

- Лучше я, Джон Элдер. Нам нужно успеть, пока не вернулась мама и не увидела, что мы натворили с ее машиной. - Дядя всегда называл мою бабушку мамой. Я звал ее Кэролин.

Боб вогнал инструмент в грунт, нажал на ручки и вынул порцию земли. Минуты через две яма уже была глубиной пару футов. Мы заново установили почтовый ящик и утрамбовали землю вокруг столбика.

Когда мы вернулись, я вытащил копалку из багажника, зашел за сарай и стал рыть яму, как только что делал дядя Боб. Это оказалось не так-то просто!

Через два дня я вырыл яму приличной глубины – насколько хватало ручек инструмента. Глубже было уже никак. Но и с такой ямой можно было придумать что угодно.

Можно залезть туда с пулеметом, и это будет окоп.

Можно накрыть яму бумагой, присыпать землей, и получится ловушка.

Можно посадить туда собаку и держать ее как в клетке.

Остаток лета я только и делал, что копал ямы. Я хотел взять копалку домой, но дед с бабушкой сказали, что она им нужна.

Вернувшись в Массачусетс, я сразу же спустился в наш подвал, чтобы посмотреть, какие инструменты есть у отца. Оказалось, ямокопатель у него тоже имелся.

Я вышел во двор и принялся за дело. Но не успел я выкопать яму себе по колено, как наткнулся на камень. Я сдвинулся на пару футов в сторону – то же самое. Довольно скоро наш двор был весь изрыт неглубокими ямами с каменным дном.

В Джорджии мне не попадались камни. Еще одна причина, почему там мне нравилось гораздо больше.

Сбоку от нашего дома лежала большая куча древесных опилок. Отец купил их целый грузовик и собирался засыпать двор, чтобы тот выглядел чище. Но он так ничего и не сделал, поэтому куча осталась там, где ее выгрузили, и медленно гнила. Я решил, что в ней копать яму будет удобнее. В древесной трухе не должно быть камней.

Конечно, рыть опилки было легко. В конце я снова наткнулся на камень, но яма уже была глубиной не меньше пяти футов. Мне хотелось испытать ее на деле.

– Прохвост, иди сюда! Будем испытывать яму, – крикнул я в окно. Брат сидел в своей комнате, обмотавшись фольгой, и разглядывал фотографии в журнале «Пипл». Он охотно соглашался на мои эксперименты – вреда они ему, как правило, не причиняли, а иногда ему даже бывало весело.

Прохвост заморгал, выходя из дома на свет. Он вообще любил сидеть у себя в комнате, в темноте, если только я не выманивал его на улицу. Я подозвал его, выбрав для начала яму поменьше. Мне не хотелось спугнуть его раньше времени.

– Я хочу проверить, легко ли выбраться из такой ямы, – сказал я. – Ложись на землю, а я спущу тебя вниз. Посмотрим, как быстро ты выберешься.

– Ладно, – согласился брат.

Я взял его за ноги и опустил в яму вниз головой. Он поболтал ногами, перевернулся и без труда выбрался.

– Легко!

Конечно, легко. Я специально начал с простого. Но вслух я ничего не сказал.

– Попробуем теперь вот эту.

Мы подошли к яме в куче опилок. Я снова взял Прохвоста за ноги и опустил вниз. Яма была глубже его роста, и он полностью скрылся из

виду. Брат вертелся и дрыгал ногами, но добился лишь того, что опилки посыпались ему на голову. Он застрял там надолго.

Я был доволен. Отличная ловушка для крупной добычи. Я пошел в дом минут на десять-пятнадцать, чтобы перекусить. Когда я вернулся, Прохвоста нигде не было видно. Я ожидал, что за это время он выберется, но он все еще сидел в яме. Я попинал опилки с краев, чтобы его растормошить. Брат только заорал в ответ. Я вытащил его, пока соседи не услышали.

Когда Прохвост вылез, то был весьма зол, невзирая на то, что я его спас.

- Ты засунул меня в яму! - кричал он. Лицо его побагровело, он размахивал руками, подпрыгивал и вопил. Я с интересом наблюдал за ним, держась на безопасном расстоянии. Возможно, он был красным от злости. Но, может быть, и от того, что пятнадцать минут провел вниз головой.

- Конечно, я засунул тебя в яму, Прохвост. Для этого мы сюда и пришли. Испытывать ямы.

С минуту он озадаченно смотрел на меня, размышляя над этим очевидным фактом.

- Я думал, ты ловчее окажешься. А ты застрял. Наверное, ты недоразвитый какой-то.

Такого Прохвост вынести не мог.

- Я не недоразвитый! - брат кинулся лупить меня своими кулачками. Я попытался спихнуть его обратно в яму, но он отскочил и начал бросаться в меня камнями и ветками. Я ушел в дом и запер дверь. Впустил я его, только когда он уже успокоился.

На следующий день я закрыл ямы поменьше бумажными пакетами, а сверху набросал земли. Я ежедневно проверял, не попала ли туда какая-нибудь живность. Я посоветовал Прохвосту заманить в большую яму кого-нибудь из его друзей, но у нас ничего не вышло.

Лето закончилось, а ямы так и стояли пустыми. Прохвост развлекался тем, что опускал и доставал из них свои игрушечные машинки, но от самой большой он держался подальше. Приблизился Хэллоуин, и у меня возникла идея. В то время взрывчатый порошок найти было легко - он продавался за несколько центов в лавках театральные товаров. Я решил заложить в ямы петарды и протянуть от них провода, а детонатор установить в своей комнате. Когда дети придут просить сладости, я устрою им настоящее кино про войну, где они сыграют главные роли. Только нужно выкопать еще больше ям. Пора было подключить Прохвоста к работе.

В день Хэллоуина все было готово.

Прохвост стоял на крыльце, изображая милого ребенка с невинной улыбкой. Он обожал работать приманкой. Любители конфет заходили во двор и шли мимо моих ям. От каждой из них тянулся провод в мою комнату, откуда я наблюдал за представлением. Когда дети подходили поближе, я замыкал провод, и порох детонировал. Раздавался адский грохот, сверкала вспышка, вверх вздымался огненный шар, и комья земли летели по сторонам. Дети с криками разбежались кто куда.

В тот Хэллоуин мы сэкономили кучу сладостей. Мало кто из детей отваживался прийти к нам еще раз. На следующий день мы съели все конфеты сами.

С возрастом мои розыгрыши становились все более изощренными. Когда мне было четырнадцать, школьный психолог сказал: «Джон, некоторые из твоих шуток опасны. В них есть нездоровые наклонности. Это говорит о глубоких эмоциональных проблемах». Кое-какие мои розыгрыши действительно становились довольно жестоки. Обида от того, как другие дети обходились со мной, перерастала в злость. Если бы не электроника и музыка, я бы, скорее всего, плохо закончил свою жизнь. Именно в то время я осуществил розыгрыш, который превзошел все остальные.

Над лесами Шутсбери стояла жаркая летняя ночь. И вот я резко нарушил тишину сонного городка. Пока в доме все спали, я открыл окно своей комнаты и выбрался наружу. С собой у меня был нож и фонарик, хотя я был уверен, что, если все пройдет по плану, они мне не понадобятся. Дорогу я знал и как следует подготовился. Я пошел по обочине грунтовой дороги, ныряя в кусты каждый раз, как видел приближавшиеся фары. Моя цель находилась примерно в миле отсюда – линия электропередач на Сэнд-Хилл Роуд. Под стальной высоковольтной вышкой, в сотне ярдов от дороги, уже стояли пять галлоновых банок с краской, расположенных в виде пентаграммы. Я тщательно расчистил площадку от листьев и мусора и срезал несколько прямых веток с соседних деревьев – они служили линиями пентаграммы, а банки – ее углами. В центре стояло пятигаллоновое ведро с кровельной смолой, очерченное кругом из камней. Все это я расставил еще днем, теперь оставалось только поджечь. Когда краска и смола загорелись, в небо поднялось густое облако черного едкого дыма, заслонившего звезды.

Я рассчитывал, что масляные краски будут гореть разными цветами, но они горели одинаковым скучным желтым пламенем. Банки я стащил со стройки поблизости, и у меня не было времени их проверить. Я пожалел, что не взял керосина, чтобы как-то оживить обстановку. Или даже бензина. Но было уже поздно. Придется обойтись краской.

Ночь стояла безлунная и от клубов поднимавшегося дыма казалась еще темнее. Но скоро огонь должен был разгореться, и тогда мои гости смогут как следует все рассмотреть. А пока до их прибытия еще оставалось время.

Все приготовления я осуществлял в темноте. Это было непросто – особенно залезть на вышку. Все-таки страшно, когда в нескольких футах над твоей головой проходят семьдесят пять тысяч вольт. Любое резкое движение могло стать смертельным. Один раз, подняв руку, я услышал треск электричества – тогда я медленно и осторожно руку опустил. Сложнее всего было затянуть веревку. Груз, болтавшийся на ней, был нелегким для четырнадцатилетнего парня. Но я справился. И меня никто не увидел.

К одиннадцати часам движение на дороге совсем прекратилось. За последний час не проехало ни одной машины. У меня все было готово.

Огонь уже разгорелся, и любой, кто подошел бы ближе, увидел бы проделанное мной. Футах в десяти над пентаграммой висело тело. Я нарядил манекен в старое тряпье, а веревка, затянутую на его шее, закрепил на поперечной балке вышки. Я долго тренировался делать удавки, пока у меня не стало получаться как надо. Петля вышла идеальной – это увидел бы любой, если бы осветил фонариком. Ступни манекена уже почернели и закоптились от дыма, и чернота поднималась по ногам все выше. Скоро все тело покроется слоем отвратительной маслянистой сажи. Смола в центре пентаграммы булькала и пузырилась. Раскаленные края металлических банок тускло светились красным.

Я тщательно рассчитал высоту. Тело висело слишком высоко, чтобы снять его с земли, но достаточно низко, чтобы его было видно в огне. В целом, я был доволен.

С дороги, с расстояния пары сотен ярдов, пожар виднелся сквозь кусты лишь слабым заревом – он вряд ли привлек бы внимание. В учебное время студенты регулярно разводили здесь костры и устраивали ночные гулянки по выходным.

Но сейчас были летние каникулы, и это была не студенческая вечеринка.

Пора было сообщить об этом куда следовало.

Я вышел к дороге. Кругом стояла крошечная тьма. В радиусе полумили – ни единого дома, ни фонаря, только пустая грунтовая дорога. Единственными людьми, до которых долетел бы крик, были покойники на кладбище недалеко от ручья. Я забрался на столб и подсоединил к проводам монтерский телефонный аппарат, который пару месяцев назад стащил вместе с некоторыми другими инструментами из грузовика заехавших сюда ремонтников.

Я подключился к телефонной линии мистера Эллиса, одного из наименее любимых мной соседей. В то время здесь были индивидуальные линии связи – длинные медные провода, натянутые от столба к столбу. В нашем городке было 273 жителя, согласно последней на тот момент переписи, и телефоны имелись не у всех. Если вы собрались лазать по столбам и подключаться к проводам в темноте, нужно было знать, по каким идет телефонный сигнал, а по каким – электричество. Иначе вас мигом поджарит.

В аппарате послышался гудок. Закрепившись на столбе с помощью двух ремней, позаимствованных у отца, я набрал номер полиции штата, который выучил заранее.

– Полиция штата, ваш звонок записывается, – не делая пауз между словами, протараторил диспетчер.

– Я хочу сообщить о повешении, – сказал я самым низким и грубым голосом, на какой был способен.

– Что-о? – это прозвучало уже медленнее.

– Ритуальное повешение. Тут человек. На Сэнд-Хилл Роуд, на высоковольтной вышке. Приезжайте и посмотрите.

Я отключил телефон, спустился вниз и скрылся в лесу. «Если они отследят звонок», – сказал я себе, – «придурок Эллис получит сегодня гостей». У него был сын, заносчивый маленький паршивец. «Может, его разбудят и хорошенько допросят», – подумал я. – «Или даже арестуют». Я усмехнулся от этой мысли.

На обратном пути я перешел ручей вброд, на случай, если полиция приведет собак. Ночью я чувствовал себя в лесу как дома. У меня был острый слух, и я прекрасно видел в темноте. Я забрался на свой наблюдательный пункт в ветках сосны. Отсюда был отличный панорамный обзор всей сцены, но при этом я находился достаточно далеко, чтобы меня не увидели даже при свете фонариков. Если кого-то отправят обыскивать лес, они просто пройдут под сосной. А когда понадобится, я смогу незаметно отсюда слезть. Но пока я ждал в темноте.

Когда-то я боялся темноты, но не теперь. Еще я раньше боялся лающих собак. Я съеживался и мысленно говорил: «Только не кусайся, собачка, я уже ухожу». Теперь же я смотрел на них и думал: «Я твой худший кошмар. Попробуй подойди, и я распорю тебе брюхо». Чем яснее я представлял это себе, тем больше собаки мне верили.

Мы поменялись ролями. Теперь собаки боялись меня, а не я их.

Прошло пятнадцать минут. Похоже, полиция была еще далеко. Может быть, они решили вздремнуть перед выездом. Наконец, я увидел свет приближающихся фар. Начиналось самое интересное.

Полицейская машина встала посередине дороги. Хлопнула дверь. Вышел только один – в то время полицейские обычно патрулировали в одиночку. Я знал, что мой пожар привлечет его, как мотылька. Больше вокруг не было ничего примечательного. Линия электропередач тут только одна, а пожар был единственным источником света. И сейчас он горел еще ярче. Пляшущие отблески освещали лицо полицейского, идущего к вышке. В руке у него был фонарик. Он направил луч вверх. Над огнем, в клубах дыма, едва заметно покачивалось тело. Полицейский застыл на месте.

Я услышал, как он выругался.

Полицейский огляделся, обшаривая лучом кусты в поисках засады. Затем вытащил пистолет, хотя стрелять было не в кого. В кино обычно в этот момент какая-нибудь огромная черная тварь хватала полицейского сзади и утаскивала в болото под душераздирающие вопли. Судя по тому, как он себя вел, он тоже смотрел фильмы ужасов. Я сидел очень тихо – мне совсем не хотелось, чтобы меня подстрелили. Вокруг стояла тишина, слышался лишь стрекот сверчков да шелест деревьев от редких порывов ветра. Полицейский вздрагивал и оборачивался от каждого шороха. Было совсем темно, если не считать отблесков пожара и фар полицейской машины. Полицейский вдруг сунул пистолет в кобуру, развернулся и помчался к машине. Я услышал, как хлопнула дверь.

Послышался щелчок – он заблокировал замки. Включилась синяя мигалка. Патрульный не двигался с места. Я был не удивлен. На его месте, я бы тоже заперся в машине после такого зрелища. Полицейским полагается быть храбрыми, но у всего есть предел.

Я слышал переговоры по рации, но не мог разобрать слов. Видимо, он вызвал подкрепление. Прошло десять минут. Пожар продолжал разгораться. Появились еще две патрульные машины. Полицейские высыпали наружу и стали переговариваться. Всем известно, что вместе не так страшно. Теперь они вели себя посмелее.

– Где он?

Первый повел всех остальных. Они подошли к вышке и подняли головы.

- Вот сукин сын! – сказал кто-то из прибывших.
- Что будем делать?
- Полезай наверх и срежь веревку.
- Я не хочу, чтобы меня поджарило к чертовой матери.
- Он никуда не денется. Все равно уже труп.
- Вызывайте пожарных.
- И электриков.

Они водили фонариками из стороны в сторону, ища преступников. Один вернулся в машину – вероятно, чтобы вызвать пожарных и службу электросети. Перед тем как снова пойти к своим, он взял из багажника помповое ружье. Наверняка заряженное. Но стрелять было не в кого. Не было никакой засады. Кругом по-прежнему стояла тишина. Прошло еще какое-то время. Сидеть на дереве становилось скучно.

Никто не трогал горящую пентаграмму. Интересно, что они обо всем этом подумали. Сатанинский ритуал? Линчевание? Изощренное самоубийство? К тому времени тело совершенно почернело от сажи и начинало оплывать от горящей смолы, булькавшей в ведре. Я был рад, что использовал смолу. Падающие капли и едкий черный дым не давали им подойти ближе.

Прибыли пожарные. Сначала одна казенная машина, затем еще несколько пожарных приехали на своих. Скоро на дороге скопилось полдюжины автомобилей, мигающих красными фарами.

Следом появилась бригада электриков на большом желтом грузовике с подъемником. Я ухитрился в одиночку подвесить своего приятеля, но понадобилось двадцать человек, чтобы его снять.

Теперь повсюду мигали синие, красные, желтые огни. Дорога была перегорожена. Трещали рации. Случись это в городе, тут бы уже собралась толпа зевак. Наконец пожарные решили затушить костер, но вели себя так, будто все это сейчас рванет. Казалось, они боятся подойти к банкам с краской. Возможно, зрелище было для них слишком уж невиданным.

Полицейские продолжали шарить фонариками по траве, но обнаруживали никаких улик. Я позаботился об этом. На мне были перчатки, а весь остальной реквизит был где-то найден мной или украден. Ни один предмет, оставшийся у вышки, не был куплен и не мог привести ко мне. А с дерева отпечатки пальцев не снимешь. Так что им меня не поймать.

На Сэнд-Хилл Роуд не было пожарных гидрантов, но в пожарной машине имелась цистерна с водой. Они раскатали рукав и потащили его к вышке. Я удивился, почему им было просто не подъехать ближе, но, должно быть, остальные машины перегородили им дорогу. Пожарные протянули шланг на пятьдесят футов и подали воду. Шланг дернулся, струя ударила в горящие банки и разбросала их. Поднялось облако пара, огонь полыхнул с новой силой, горящая краска и смола брызнули во все стороны. Теперь загорелась и трава. Внезапно нашлась работа и тем пожарным, что слонялись вокруг без дела. На какое-то время все забыли о трупе. В ход пошли еще шланги, лопаты, пена, и вскоре вся земля вокруг вышки потемнела и намокла. Пожарные ходили, затаптывая тлеющие угли ногами. Теперь, без света, тела было

почти не разглядеть. Кто-то из полицейских посветил на него фонариком.

- Отрубите уже электричество, черт вас дери! Имейте уважение к покойнику!

Ток отключили. Я понял это, потому что прекратился слабый треск проводов. Не осталось ни звука, кроме стрекота сверчков. Грузовик аварийной службы, подсакивая на ухабах, подъехал к вышке. Водитель остановился у ее основания и выставил подпорки у колес. За ним последовала «скорая». Еще одна машина электриков осветила фарами землю под вышкой. Заработал подъемник на первом грузовике. Медики встали внизу с носилками. Пора было снять тело.

- Готовы там внизу?

- Готовы!

Монтер дотянулся до веревки и перерезал ее. Тело рухнуло вниз. Медики кинулись его подбирать. Тут же кто-то разразился бранью, и от почтения к покойнику не осталось и следа.

Еще через пару секунд кто-то с отвращением воскликнул:

- Это же долбаный манекен!

- Кукла из магазина!

- Кто-то подстроил все это!

Довольно улыбнувшись, я соскользнул с дерева вниз. Пора было спешить домой – вдруг кто-то решит заглянуть ко мне в комнату. Монтерский телефон и темную одежду я спрятал на кладбище по пути домой. Взобравшись по доске, заранее прислоненной к стене дома, я залез в окно своей спальни. Перед тем как спрыгнуть внутрь, я оттолкнул доску, и она упала в заросли травы перед домом среди автомобильных запчастей и всякого хлама. Я забрался в кровать и притворился спящим. Вскоре я и вправду заснул.

Я всегда знал, что когда-нибудь мне пригодится манекен, который я подобрал на свалке за магазином одежды мистера Уолша. Нелегко было дотащить его до дома и спрятать, но оно того стоило.

На следующий день я вернулся к высоковольтной вышке за манекеном. Но он исчез. Видимо, забрала полиция. От вчерашнего веселья почти не осталось следов, если не считать пятна выжженной травы перед вышкой и обуглившихся банок из-под краски. Смола впиталась в землю, ветки были разбросаны по сторонам. Я пожалел, что мне некому рассказать о том, что я тут провернул. Друзей у меня было мало, а с братом я поделиться не мог, потому что ему было всего шесть лет. Он наверняка выдал бы меня матери кого-нибудь из своих мелких приятелей. Я еще долго никому не рассказывал об этом приключении.

Через несколько дней мать отвезла меня в аэропорт – настала пора отправляться на летние каникулы к бабушке и дедушке. Так даже лучше – если полицейские наведаются к нам и будут расспрашивать о манекене, я в это время буду в Джорджии.

Глава 9

Я бросаю школу

С приближением шестнадцатилетия я все меньше времени проводил в школе и все чаще болтался в барах с местными музыкантами. По всем предметам я числился неуспевающим. Единственное, что интересовало меня в школе – это работа в мастерской с Джоном и Фредом. И прогулки с Мишкой до ее дома. Я уже не мог дождаться выпуска – казалось, с каждым днем он все дальше.

Родители как будто и не замечали моих проблем. В конце концов, они были главными героями своей собственной эпической драмы, а я – лишь второстепенным персонажем. К этому моменту они практически предоставили меня и Прохвоста самим себе и сосредоточили все свои силы на взаимных нападках. Их скандалы развивались по нарастающей, после чего случался взрыв. Иногда это заканчивалось тем, что мать спешно покидала дом вместе со мной и братом.

– Ваш отец сорвался, – объявила она в один из таких дней. – Он совсем взбесился. Он хочет всех нас убить. Мы должны спрятаться, пока врачи его не заберут.

Мать уже говорила это раньше и скажет еще не раз в тот год, но я не знал, стоит ли ей верить. Возможно, она была права, учитывая, как отец обходился со мной прежде. Однако, вспоминая об этом годы спустя, я подозреваю, что это была лишь ее паранойя, подпитываемая болезнью и все более странным поведением доктора Финча. Он переименовал свой кабинет в Институт созревания, а в солнечные дни разгуливал по городу с зонтом и большой связкой воздушных шаров. Он говорил, что таким образом привлекает внимание общественности к своему делу.

Время от времени, когда мать задавала ему трудный вопрос, доктор Финч прибегал к методу, который называл «обращением к Библии». Он предлагал: «Маргарет, откройте Библию на любой странице и ткните пальцем в строку». Мать выполняла, он зачитывал соответствующий абзац, и мы обсуждали, что делать дальше. Не хочу плохо отзываться о Библии, но не думаю, что это подходящий источник для ответов на вопросы в духе: «Стоит ли нам уехать из дома и пожить какое-то время в Глостере?» «Мы пришли, чтобы получить совет профессионала», – думал я. – «Библию я могу и дома почитать в любое время».

Однако, мне трудно было возражать даже против самых сомнительных его методов, потому что доктор и его семья всегда были очень добры ко мне, и от общения с ними мне действительно становилось легче.

После нескольких дней «отдыха» в Глостере мы вернулись домой. За время нашего отсутствия полиция арестовала отца и поместила в государственную больницу Нортхэмптона под наблюдение. Когда через неделю с небольшим его выпустили, он выглядел притихшим и куда менее агрессивным. Я пристально наблюдал за ним, помня о его

прежнем поведении. Впрочем, я всегда считал, что он вряд ли станет нас убивать. Он начинал буяннить, когда пил, но не более того. А в трезвом состоянии он тем более не стал бы выслеживать нас и убивать. Кроме того, благодаря беседам с доктором, он больше не бросался на меня, даже если ему, может быть, и хотелось этого.

В каком-то смысле, доктор Финч был наименее предсказуемым элементом этого уравнения. Иногда ему как будто удавалось утихомирить родителей, иногда он только сильнее их распалял.

Оглядываясь на те годы, я понимаю, что у отца была тяжелая депрессия. В то же самое время мать по-настоящему превращалась в сумасшедшую. Она постоянно рассказывала мне о демонах, которые за ней наблюдают. Время от времени она прерывалась и выла по-волчьи. Мой брат очень хорошо описал это в своей книге. В ее глазах появлялся маниакальный блеск. Она говорила без умолку и непрерывно курила, потом начинала делать и то, и другое все быстрее, и вдруг совершала что-то из ряда вон выходящее – например, съедала сигаретный окурочок. «Что, если это наследственное?» – думал я. – «Вдруг меня ждет то же самое?» Леденящий страх потерять разум еще долго преследовал меня даже в зрелом возрасте.

Мы с братом метались от отца к матери. А когда они оба были не в состоянии о нас заботиться, на помощь приходили их друзья и дочь доктора Финча. Мне вспоминается, что больше всего нас поддерживала подруга матери Пэт Шнайдер, но были и многие другие, чьи имена я позабыл. Не знаю, что было бы со мной и Прохвостом, если бы не те люди. Наверное, мы оказались бы в приюте или еще где-нибудь похуже.

Когда через пару месяцев после нашего «отдыха» в Глостере за матью приехала «скорая», я был согласен с доктором Финчем, который настаивал, что ей необходимо провести какое-то время в больнице. Я смутно помню, что навещал ее. Мы проходили через несколько дверей, запиравшихся на замок, как в тюрьме, да и сама мать выглядела как заключенная. Она была похожа на зомби от всех лекарств, что ей давали. Я не знал, вернется ли она когда-нибудь домой.

Это было тяжелое время для меня и Прохвоста еще и потому, что мы не знали, кому верить. Казалось, каждый излагает какую-то свою историю.

– Ваша мать временно помешалась, – говорил отец в ее отсутствие. – Это у нее семейное.

Он говорил абсолютно спокойно. Когда матери не было рядом, он не напивался. «Ну почему он не может быть таким всегда?» – думал я. Мать, в свою очередь, внушала нам мысль, что когда-нибудь отец выследит нас и убьет. По крайней мере, так она утверждала до тех пор, пока ее саму не заперли в психушке.

Хуже всего было то, что родители менялись внезапно и непредсказуемо. В иные дни отец просто лежал в кровати и нес какой-то бред. «Повсюду летучие мыши... мне нужно купить раковину». «Он просто притворяется!» – бесилась мать. Притворялся ли он? Я никогда не знал. А на следующий день оба вели себя, как ни в чем не бывало.

Дедушка Джек, похоже, видел происходящее исключительно в черно-белых тонах, середины для него не было.

- От семейки твоей матери одни беды! Эти Рихтеры все полоумные! Посмотри на них!

Я не раз видел родню своей матери, и мне они казались вполне нормальными. Но комментарии деда всерьез заставляли меня задуматься. Долгое время мне хотелось уехать к нему в Джорджию и остаться там жить, но этого так и не вышло.

- Ваши родители - очень хорошие люди и желают вам с братом добра. Просто у них сейчас очень трудное время, - Пэт Шнайдер и дочь Финча пытались нас успокоить. Но это не их родители регулярно слетали с катушек и не их родителей сажали под замок.

Я старался приглядывать за Прохвостом, но это было нелегко.

Во всем этом хаосе было мало шансов, что я когда-нибудь снова стану отличником или хотя бы сдам экзамены. Слишком велики были семейные проблемы, и слишком много у меня было «дефектов». Я уже упоминал, что не мог смотреть людям в глаза. Были и другие сложности. Очевидно, у меня также имелась привычка качать головой взад-вперед, подпрыгивать на месте и раскачиваться из стороны в сторону. При стрессе эти привычки только усиливались.

- Почему ты так качаешь головой?

В детстве я постоянно слышал это от учителей и других взрослых. Мне и сегодня приходится слышать разновидности этой фразы.

- Папа, перестань вести себя как аутист!

Так говорит мой сын-подросток, когда я начинаю раскачиваться в ресторане.

Оба комментария - которые я считаю придирками, ведь своим поведением я никому не причиняю вреда - относятся к моей манере неосознанно совершать повторяющиеся движения. Иногда я лежу на диване и болтаю ногой взад-вперед. Или читаю меню в ресторане, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Или просто мотаю головой вверх-вниз. Все это мне кажется совершенно естественным. Но, очевидно, «нормальные» люди так себя не ведут. Я не знаю, почему это делаю, и даже не всегда осознаю - это происходит само по себе.

Потом кто-нибудь говорит: «Прекрати мотать головой!», и я останавливаюсь.

- Да что с тобой такое? Я пять минут назад тебе сказала, а ты опять за свое! Ты назло мне это делаешь?

Сталкиваясь с такой реакцией, я только сильнее ощущал, что в школе мне делать нечего.

Кроме того, меня часто упрекали и высмеивали за «неправильное» выражение лица. Эти нападки всегда застигали меня врасплох и вызывали желание убежать и спрятаться.

- Что ты на меня уставился?

- А ну, убери это тупое выражение с лица! Сейчас же!

- Ты меня пугаешь! Пялишься на меня, как набитое чучело.

В десятом классе я регулярно слышал фразу про чучело от учительницы английского, миссис Кроули. «Ну, и что смотришь?» - спрашивала она. Это был не вежливый вопрос, а грубый окрик. Однажды мне это надоело, и я ответил на ее грубость со всей любезностью.

- Миссис Кроули, - ответил я милейшим тоном. - Я просто представлял, как вы сидите, закованная в кандалы, в глубокой яме с

тяжелой стальной решеткой наверху. А вокруг полчища крыс. И все они по вам бегают.

Я улыбнулся, обнажив все зубы, как делают собаки, когда собираются укусить.

За такой ответ я заработал поход к директору, а затем к школьному психологу. Но оно того стоило. Больше миссис Кроули замечаний мне не делала.

Не помню, чтобы кто-то из взрослых пытался понять, почему я так смотрю. Если бы меня спросили, наверное, я смог бы объяснить. Иногда я размышлял о чем-то и смотрел отсутствующим взглядом, даже не видя, кто передо мной стоит. Иногда я пристально наблюдал за человеком, пытаюсь понять его поведение.

Родители решили предпринять последнее усилие, чтобы я остался в школе. Они записали меня в группу для проблемных детей. Каждую неделю мы собирались в старом фермерском доме, принадлежавшем университету, и обсуждали свои проблемы в отношениях с людьми. Нас было шестеро плюс руководитель – студент психологического факультета. Ладить с людьми меня так и не научили, но я узнал, что есть другие дети, которые тоже этого не умеют. От этой мысли становилось легче. Я понял, что нахожусь не на самом дне. А если и на дне, то там не так уж плохо, потому что нас таких много.

Родители не раз водили меня по врачам – за шестнадцать лет жизни я повидал не меньше дюжины так называемых специалистов. Никто из них не дал даже приблизительного ответа, что со мной не так. Справедливости ради, нужно сказать, что синдром Аспергера тогда еще не существовал как диагноз. Аутизм был известен – но никто даже не предполагал, что у меня может быть какая-либо форма аутизма. Под аутизмом понималось гораздо более тяжелое состояние – когда дети совсем не разговаривают и не могут позаботиться о себе. Вместо того чтобы присмотреться ко мне и отнестись с пониманием, врачам куда проще было заявить, что я ленивый, агрессивный или неуправляемый. Ни один из этих «диагнозов» не помогал решить мои проблемы.

Одной только группы поддержки было слишком мало, чтобы уладить мои школьные беды. Поэтому, когда мой следующий табель украсился сплошными двойками, я понял, что пора уходить. В школе меня мало что удерживало кроме смутной идеи, что законным выпускником быть лучше, чем недоучкой. Но оставалась еще одна проблема. Мне было пятнадцать лет, а по закону самовольно бросить учебу можно было только после шестнадцати.

Однако, в школе так жаждали от меня избавиться, что преподнесли мне решение на блюдечке. «Если сдашь экзамен на аттестат и наберешь хотя бы 75 процентов, будем считать тебя выпускником, и можешь уходить». Школьный психолог сообщил это тем же тоном, каким попытался бы втюхать какому-нибудь панку разваленный «Кадиллак» за двести долларов (в свободное время он торговал подержанными автомобилями). Я сдал тест и набрал 96 процентов. Школьная администрация предложила мне аттестат «за небольшую плату».

– Всего двадцать долларов, – с улыбкой сказал секретарь.

Я улыбнулся в ответ.

– Нет уж, спасибо. Обойдусь без вашего аттестата.

И я ушел, не оглядываясь. Казалось, родители даже не заметили, что я бросил учебу.

Пора было решать, что делать дальше, раз уж я оказался пятнадцатилетним и самостоятельным. Было страшновато. И я отправился в лес поразмыслить, как делал когда-то в детстве.

Я всегда любил природу, а теперь, когда школа осталась позади, казалось, в моем распоряжении все время в мире. Была весна, и я подолгу бродил в одиночестве, размышляя о дальнейшей жизни. Я сутками не возвращался домой, ночуя под деревьями и в заброшенных сторожках, которые находил в лесу.

Однажды я шел по молодой сосновой рощице в нескольких милях от дома, как вдруг откуда-то прогремел голос:

- Стой где стоишь!

Я нырнул под сосновые ветки. На мили вокруг здесь не должно было быть ни единой живой души.

Тем не менее, в двадцати футах передо мной сидел лохматый парень в армейском камуфляже и грел кофейник над костерком.

«Что за черт...»

Я встал на месте.

Этот тип разбил лагерь посреди небольшой поляны. За его спиной я разглядел зеленую палатку. Оружия у него вроде не имелось. И не похоже, чтобы с ним был кто-то еще.

- Да ты ж пацан. Как тебя сюда занесло?

Я не считал себя «пацаном», но он был старше и крупнее и, похоже, обитал в этом лесу не первый день. У меня возникла мысль убежать, но видимой угрозы вроде не было. Я решил ответить.

- Я живу тут, - сказал я. - В паре миль отсюда. А ты сам что здесь делаешь?

- Тоже живу, - ответил он. - Вот прямо на этом месте.

- Прямо в лесу?

Раньше мне не доводилось встречать взрослых, которые жили в палатках.

- Пока да. Бывали места и похуже, - сказал он. - Ты садись.

Я сел, и он начал говорить.

Его звали Пол. Оказалось, что он ветеран Вьетнама. На войне его ранили, и с тех пор нога его плохо слушалась. После демобилизации он начал путешествовать по стране автостопом, а кормился за счет охоты и рыбалки. Я уже им восхищался.

- Пить будешь? - спросил он. Я не был уверен, что именно он предлагает, но кивнул. Он открыл маленькую стеклянную бутылочку, на вид как будто с газированным напитком. Я сделал глоток и чуть было не выплюнул, но сдержался, потому что хотел произвести впечатление.

- Что это? - выдавил я. Я знал, что пить виски считалось признаком взрослости, хотя на вкус он та еще гадость. Может быть, и с этим так же.

- Хинная вода! - радостно сказал Пол, словно это был общеизвестный напиток и, к тому же, замечательный на вкус. К тому времени я уже знал самые распространенные виды алкоголя - водка, виски, ром, текила, бурбон. О хинной воде я не слышал ни разу.

- Пристрастился к ней во Вьетнаме, - пояснил он. - Спасает от малярии.

Никогда не слышал, чтобы в Новой Англии кто-то болел малярией. «Может, это редкая болезнь, типа менингита», - подумал я. - «Значит, это вроде как целебная вода?» Я сделал еще глоток. Я читал о том, как людям пришлось сражаться с малярией при строительстве Панамского канала. Я смотрел по сторонам, потягивая хинную воду и мысленно сравнивая леса Шутсбери с джунглями Центральной Америки.

Пол жил вдали от дорог, имея при себе лишь вещмешок и армейскую палатку. Он сидел на бревне возле маленького костерка, обложенного камнями, а на огне грелся старый кофейник. Чем же он питался?

- Охочусь, рыбачу, промышляю в городе, - сказал Пол. Так или иначе он, похоже, не бедствовал, потому что вид у него был вполне здоровый.

- Почему ты не построишь себе жилище? - спросил я.

- Не хочу осесть, - сказал он. - Мне нужно, чтобы я мог тронуться с места в любую минуту.

Он действительно не строил никаких укрытий. Казалось, никакая погода его не берет.

Я всегда думал, что знаю, как выжить в лесу, но Пол показал, что мне еще многому нужно научиться. Он умел ловить зайцев в силки и готовить из них рагу. Он мог поймать форель на завтрак. Мало того, он знал, в каких мусорных ящиках в городе можно найти совсем свежие овощи и хлеб. До знакомства с Полом я даже не представлял, каким богатством можно разжиться на помойках городка вроде нашего.

Пол научил меня ловить рыбу с помощью пневматического ружья. Это оказалось на удивление просто, если, конечно, вы меткий стрелок. Вы садитесь на берегу озера с ружьем наготове. В идеале лучше сидеть на дереве, футах в десяти над землей, чтобы видеть озеро сверху. Затем бросаете хлебные крошки в воду. Когда рыба подплывает за крошками, вы в нее стреляете. Это намного проще, чем удить, хотя требует твердой руки.

- Я использую тяжелые пули для дробовика, - сказал Пол. - Тогда в рыбу даже не нужно попадать. Ее оглушает, когда пуля ударяет в воду, и можно хоть руками вынимать. Проще только бросить в воду гранату и взять большую сеть.

Вскоре именно это он и проделал на озере возле Смитовского колледжа. Когда я прибежал на грохот, берег был усеяндохлой рыбой.

Благодаря Полу я научился бесшумно ходить по лесу. Я узнал, как пробираться по кустарнику, не производя ни звука и не оставляя следов. Я научился жить в лесу, а не просто гулять по нему.

А еще я научился внимательно смотреть под ноги.

- Растяжка!

«Какая еще растяжка?»

Оказалось, Пол натянул по периметру лагеря куски тонкой проволоки, чтобы никто не застал его врасплох. Эти металлические нити были почти невидимы.

- Если бы я ее заминировал, ты был бы уже не жилец.

Прежде мне даже в голову не приходило высматривать растяжки и мины, гуляя по лесу. Но и тридцать лет спустя я помню уроки Пола и всегда смотрю, куда ступаю.

Он много говорил о времени, проведенном на службе. Я ожидал, что ветеран Вьетнама будет рассказывать о боях в далекой стране, но услышал я совсем другое. Он рассказывал о том, как в джунглях отбивался от тигров. О том, как грузил контрабандный товар и наркотики в армейские самолеты. О том, как ставил ловушки с заточенными кольями для врагов. Его истории были совсем не похожи на мои познания о войне, которые я почерпнул из сериала «В бой!» с Виком Морроу.

Пол прожил в лесу все лето. Я навещался к нему почти ежедневно и не раз оставался на несколько дней. В лесу было хорошо. Там можно было забыть о семейных дразгах, о необходимости искать работу, о постоянных придирках. Умения, помогавшие Полу скрываться в азиатских джунглях, позволяли ему оставаться невидимым и в наших лесах. А с ним и я становился невидим.

Жить с другом в лесу было здорово, но каждый раз, чтобы вернуться в город, мне приходилось идти пешком целых шесть миль. Я вовсе не собирался становиться отшельником. Я всегда видел себя среди людей, даже если мне было сложно с ними ладить. Я понял, что мне необходим какой-то талант, который заставит людей обращаться ко мне. Тогда мне не нужно будет инициировать общение – нужно будет просто отвечать, что для меня гораздо проще. К счастью, как раз для этогогодились мои умения по ремонту и улучшению музыкального оборудования. Я заставлял звучать его так, как не удавалось большинству. Все чаще случалось так, что музыканты сами обращались ко мне за услугами.

С каждой неделей я становился взрослее. Я научился избегать ловушек в лесу и все яснее представлял свое будущее в сфере музыки.

В сентябре, когда ночами стало холодать, Пол начал поговаривать о том, чтобы двинуться на юг, в направлении Флориды. Одним осенним утром я пришел повидать его, но не обнаружил на месте. От его присутствия не осталось и следа. Лагерь был убран начисто. Через несколько дней можно было прийти сюда и даже не догадаться, что кто-то здесь жил в течение двух месяцев. Ни мусора, ни примятой травы – ничего.

Я не знал, куда он отправился, и никому не рассказывал о нем и о том, чему он меня научил. Годы спустя я увидел новостную заметку – Пол давал показания на бостонском антивоенном слушании. Тогда я узнал, что он был героем – десантником из «зеленых беретов» и обладателем множества наград.

А мне пора было выходить из леса и возвращаться в людское общество.

Глава 10

Мусорщик

Я уже долгое время размышлял о том, как сбежать из родительского дома. Когда мне было пятнадцать, отец купил себе мотоцикл, чтобы ездить на работу. Мне он кататься не давал, но я задумался о том, чтобы приобрести собственный байк. Я стал расспрашивать всех своих знакомых, не продают ли они мотоцикл. Я искал дешевые мотоциклы в газетных объявлениях. И, наконец, нашел – «Хонда Дрим» 1966 года за двадцать пять долларов. Когда я смог привести его в рабочее состояние, у меня наконец появилась возможность покинуть дом, хотя бы временно. Именно с этой мыслью я отправился вместе с родителями на сорокалетие их друга Уолтера Хендерсона. На публике родители всегда вели себя прилично, поэтому я знал, что они мне ничего не сделают. А если что-то и пойдет не так, в центре города будет гораздо легче улизнуть и затеряться.

Рабыня и Тупица редко делали что-то вдвоем. Однако, они оба дружили с Хендерсонами, поэтому на день рождения Уолтера отправились вместе. Мне Уолтер тоже был симпатичен – по крайней мере, мне нравилось то, что я о нем знал. Он преподавал английский язык в Амхерстском колледже и носил коричневый вельветовый пиджак. С ним всегда было интересно поболтать, и он относился ко мне с неким сдержанным вниманием. Так или иначе, родителям почему-то очень хотелось, чтобы я пошел на эту вечеринку.

Раньше я никогда не бывал на преподавательских банкетах. Они предназначались для взрослых – как правило, для друзей моих родителей. Некоторые из них были приятными людьми, другие выглядели самодовольными и заносчивыми и быстро начинали меня бесить. Я знал, что меня считают отщепенцем, но прекрасно видел кое-что: некоторые из этих взрослых, с милой улыбкой говоривших мне, какое я ничтожество, сами были ни на что не годны. А благодаря общению с музыкантами я успел понять, что в мире есть места, где таким, как я, только рады.

Мать сказала:

– Джон Элдер, ты очень нравишься Уолтеру и Аннет. Они хотят, чтобы ты пришел к ним на вечеринку.

«Может, и нравлюсь», – подумал я. – «А может, они думают, что я повеселю гостей своими странностями». Это казалось более правдоподобным.

Отец добавил:

– Решать тебе, сын, но они действительно тебя пригласили. Если ты будешь отказываться от приглашений, тебя перестанут куда-нибудь звать.

Как будто меня до этого часто звали.

Я согласился, но поехал не с родителями на машине, а на своем мотоцикле. Когда мы прибыли, во дворе у Хендерсона уже собралась внушительная толпа. Там был натянут тент, стоял стол с закусками и даже был приглашен какой-то ансамбль. Все присутствующие были

одеты лучше меня. «Наверняка у них хорошее образование, достойная работа, семья», – подумал я. – «Но ничего. Одежда на мне чистая. И душ я принимаю каждый день. Я ничем не хуже их».

Уолтер по такому случаю распечатал особые визитки. Одну из них он мне вручил, когда мы приехали. На ней было написано:

Уолтер Хендерсон, 40 лет

Лектор: 40 разных тем

Путешественник: 40 разных стран

Кулинар: 40 разных блюд

Любовник: 40 разных женщин

Я сразу понял, что эта вечеринка придется мне по душе.

Пока я не знал, чем заняться, поэтому просто стоял на месте. Аннет заметила меня и повела знакомиться с кем-то из своих друзей. Полагаю, действовала она из благих побуждений. Наскоро представив нас друг другу, она поспешила к следующему гостю. Ее знакомый Джордж оказался пафосного вида профессором, который попытался завести со мной беседу.

– У нас есть сын, примерно твой ровесник, – сообщил он мне. – Мы очень им гордимся. Осенью он пойдет в Гарвард.

В это время мимо шла еще одна пара, и женщина сказала:

– А наша Дженет решила поступать в колледж Смита. Так что еще четыре года она будет рядом с нами! А ты чем занимаешься?

И все трое устремили взгляды на меня.

Я ничем особенным не занимался. И уж точно не собирался в Гарвард. На самом деле, я находился в парадоксальном положении – я набрал 99 процентов на выпускном экзамене, но при этом вылетел из школы.

Я был уверен, что данную публику не впечатлит моя растущая известность среди местных музыкантов, поэтому промолчал об этом.

– Вообще-то у меня уже есть работа, – сказал я.

– Правда? И какая же? – этот вопрос задал Терстон, еще один напыщенный знакомый Аннет. Он был деканом Амхерстского колледжа и давно мог не беспокоиться о карьере. Терстон стоял с бокалом в руке и самодовольно улыбался. Вероятно, размышлял, не пора ли навестить в Йеле своего сыночка – Тупвальда или как его там.

– Я работаю на мусороуборочном предприятии. В Спрингфилде. Начал с самых низов, чтобы как следует освоить это дело. Объезжаю на мусоровозе Северный район.

– Извини, ты хочешь сказать, что работаешь мусорщиком? – спросил кто-то вежливо, но с недоверием. Мусорщиков не приглашают на университетские вечеринки. Они приезжают позже и убирают за гостями. А не участвуют в замусоривании территории вместе с теми, кто превосходит их по интеллекту.

Я улыбнулся в ответ.

– Мы не называем себя мусорщиками. Мы – санитарные инженеры.

К этому времени в разговор вступил еще один пожилой мужчина. Я его не знал, но судя по вьющимся волосам, твидовому пиджаку и галстуку-бабочке он явно имел дело не с уборкой мусора.

– Я инженер, молодой человек. И ради этой профессии отучился восемь лет. Не думаю, что простой городской мусорщик имеет право называть себя инженером.

Я решил сменить тему.

- Знаете, чего мы только не насмотрелись на работе. К примеру, на прошлой неделе мой приятель нашел мертвого младенца в ящике за общежитием колледжа.

Публика потрясенно умолкла.

- Говорят, его родила одна из студенток. Никто не знает, почему она выбросила ребенка. У нее папаша – президент одной крупной фирмы. Но ее все равно посадили в тюрьму.

Возле меня собралось уже шесть человек. Я заставил их призадуматься. Способны ли их отпрыски на такое? Одна из женщин выдавила улыбку и сказала:

- Наверное, нелегко вам работать в любую погоду.

- Погода – это еще ничего, ее можно и потерпеть. А вот стаи диких собак и банды беспризорников – это действительно проблема.

- Каких беспризорников? – удивились слушатели.

- Они попадают в районах победнее. Одного из наших недавно стукнули по голове пивной бутылкой, набитой гравием. Чуть не убили. Хуже всего, когда их несколько. Бывает, что и с ножами.

Похоже, мои слушатели были шокированы.

- А полиция не может выделить вам сопровождение? – спросил кто-то.

- Полиции наплевать, у них других проблем хватает. Город немаленький, в конце концов. Мы стали носить с собой резиновые дубинки. Оружие нам не разрешают. А некоторые парни вешают мотоциклетные цепи на шею. Когда размахиваешь цепью, никакая шпана с ножом к тебе не подберется.

Я дал им переварить эту информацию. Теперь они увидят мусорщиков в новом свете. Взрослые смотрели на меня с ужасом, но не могли сдержать любопытства. Такого развлечения на их вечеринках еще не бывало.

- А что родители думают насчет твоей работы?

- Им хотелось, чтобы я пошел на врача, но когда я сказал им, сколько зарабатывает мой начальник, они прониклись. У него больше денег, чем у любого доктора, которого я знаю. Так что, наверное, они мной гордятся.

- Откуда же у твоего начальника столько денег? – спросил недавно подошедший гость с внешностью ученого зануды.

- Благодаря чаевым. Мы повсюду получаем чаевые.

- Никогда о таком не слышала. Кто дает чаевые мусорщикам? Я никогда так не делаю, – сказала одна из женщин железным тоном. В ее понимании, мусорщикам чаевые не полагались.

- Ну, вы же не хотите, чтобы вся гадость посыпалась на ваше крыльцо, когда мусорщик будет забирать баки – для этого и нужно давать чаевые. А если такой бак упадет на вашу машину, тоже мало не покажется. Но если водителю мусоровоза дать денег, можете быть уверены, что этого не случится. А если вы владеете рестораном, без хороших чаевых тем более никуда, иначе ваши баки переполнятся, заведутся крысы, и санинспекция прикроет ваше заведение.

Вдохновленный их шокированным молчанием, я продолжил.

- Вы не слышали о той бургерной на Бостон-роуд? У них на кухне кишели крысы. Маленькая девочка пошла в туалет, и ее покусали.

Жуткое было зрелище, все руки изгрызены. А ей всего девять лет. Так что забегаловку закрыли и, наверное, насовсем. Они не заплатили своему санитарному инженеру, и вот что получилось.

- Извини, можно тебя на секундочку? - сказала Аннет. Они с матерью заметили, что я развлекаю гостей, и поманили меня в сторону. Я пошел к столу, взял блюдо с креветками, которых оставалось всего одиннадцать, и принялся за еду. У меня было отличное настроение.

- Джон Элдер, что ты делаешь? Нельзя так издеваться над людьми! Они же тебе поверили!

- Ну, вы сами меня пригласили.

И это правда. Хотя больше ни за что не пригласят, это точно.

- Аннет, у меня к тебе вопрос. Что легче погрузить в мусоровоз? Кучу шаров для боулинга или кучу мертвых младенцев?

- Не знаю, - мрачно сказала она.

- Младенцев. Их можно грузить вилами.

У Аннет с матерью были такие лица, словно их сейчас стошнит. Обе они уже жалели, что позвали меня сюда. Но я был спокоен. Я не сомневался, что Уолтер оценил бы мой юмор. Я доел последнюю креветку.

- Пойду извинюсь перед вашими друзьями, Аннет. Погодите здесь.

И я вернулся к компании новоиспеченных знатоков мусорного бизнеса.

- Извините, народ, но мне пора. Только что звонили с работы, срочное дело. Кто-то из конкурентов забросал наш мусоровоз бутылками с горючей смесью. Всех нас вызывают. Увидимся.

С этими словами я быстро направился к своему мотоциклу, надел шлем, кожаную куртку и завел мотор. Из-под заднего колеса полетели клочья травы. Я поехал прочь, глядя, как в зеркале заднего вида уменьшаются фигурки моих чокнутых родителей и их друзей.

Глава 11

Пылающая ванна

Еще одной отдушиной были для меня походы в гости к моему приятелю Джиму Боутону. У нас с Джимом были схожие интересы – ракеты, электричество, пиротехника, мотоциклы, быстрые машины. Джим жил милях в пяти от меня, в южной части Амхерста. Он был на два года старше – светловолосый, коренастый, на вид слегка с приветом. Жил он в большом старинном викторианском доме, принадлежавшем Амхерстскому колледжу, где его родители преподавали театральное искусство. В доме мы могли творить, что хотели.

– Ерунда, – говорил Джим после того, как мы в очередной раз что-нибудь разворотим. – Всё отремонтируют за счет колледжа.

Обслуживающий персонал Амхерстского колледжа стриг лужайку, красил стены и устранял разрушительные последствия наших забав. Университет моего отца был куда беднее. Никто не предоставлял нам бесплатного жилья и ничего не ремонтировал. Дыры, которые я проломил в дверях, когда мне было тринадцать, за эти три года никуда не делись.

Однажды Джим позвонил мне:

– Приходи, посмотришь, что я тут соорудил.

В последнее время он лихорадочно работал над каким-то своим секретным проектом и, похоже, наконец добился успеха. Когда я пришел к нему, он повел меня в сарай, стоявший в пятидесяти футах позади дома. Посреди сарая стояла закопченная бетонная бочка. Над ней висела стальная рама, с которой прямо в бочку спускалась цепь. Сбоку тянулся шланг к огромному серебристому баллону с пропаном.

– Моя новая печь, – гордо объявил Джим.

Другой восемнадцатилетний парень хвастался бы новой машиной, гитарой или фотоаппаратом. Джим хвастался плавильной печью. Он соорудил ее сам, прямо в этом сарае. Изготовил щипцы, клещи и прочие инструменты для работы с расплавленным металлом. Сделал металлический каркас, державший корпус печи. И даже собрал топку. Удивительно, но практически все было сделано из каких-то остатков и обломков. Уверен, еще одного такого сооружения во всем Амхерсте не нашлось бы.

– Да у тебя тут прямо сталелитейный завод, – сказал я.

– Нет, не сталелитейный. Для стали нужны более высокие температуры и подача кислорода. Это плавильня для цветных металлов – алюминия и бронзы, – пояснил Джим.

Я был благодарным слушателем. Непосвященный человек даже не оценил бы разницы.

– Хочешь посмотреть ее в деле? – спросил он и, не дожидаясь ответа, подошел к печи и повернул выключатель. Послышался гул вентилятора, набирающего обороты.

– У меня тут две мощных турбины от пылесосов, ими нагнетается воздух. Не так эффективно, как кислород, зато бесплатно.

Шум вентиляторов стал громче.

- Я поставил самые мощные, какие нашел магазине «Грейнджер» в Спрингфилде, - сказал Джим.

Вентиляторы действительно были сильные. Я почувствовал, как ветер шевелит мои волосы.

Джим повернул нечто вроде водопроводного крана внизу печи. Гараж наполнился запахом пропана.

- Поджигаю!

Он ухмыльнулся, поджег скомканную бумагу и бросил ее в печь. Грохнуло так, что меня на секунду оглушило. Сверкнула яркая вспышка, и запах пропана исчез. Если бы в сарае были окна, их бы уже повышибало. Но окон там не было. По крайней мере, с тех пор, как Джим впервые зажег печь.

Как только загорелся огонь, печь зашумела, как реактивный двигатель на холостом ходу. Я заглянул внутрь и увидел, как в топке вихрится пламя.

- Давай-ка поддадим жару, - сказал Джим, словно полыхавшего огня ему было мало. Он повернул большой реостат, и вентиляторы закрутились еще быстрее. Джим тут же вернулся к крану и увеличил подачу пропана.

- Важно поддерживать нужное соотношение, - сказал он. - Если пламя желтое, значит, пошел угарный газ. А нам нужно голубоватое, почти бесцветное.

Печь ревела так, что хотелось заткнуть уши. Из бочки вырывались голубые языки пламени. Гул становился нестерпимым - и жар тоже.

- Давай теперь расплавим что-нибудь, - довольно улыбнулся Джим.

Мы покидали обломки алюминия в ведро, которое, как тут же пояснил Джим, было вовсе не ведром.

- Это карбидокремниевый тигель, сороковой номер. Вмещает сорок фунтов алюминия или сто двадцать бронзы. Расплавленных, естественно.

Куски алюминия - бывшие детали автомобильных коробок передач - были готовы к расплавке.

Надев тяжелые рукавицы, Джим подвесил тигель на цепь, а затем с помощью шеста подвинул его так, чтобы он оказался над печью. Затем опустил тигель внутрь. Гул печи, поглотившей металл, слегка изменился. Спустя несколько секунд цепь, спускавшаяся в жерло, засветилась темно-красным, как и края печи. Было страшно подойти и заглянуть внутрь, но я все же рискнул. Прошли какие-то секунды, но края алюминиевых обломков уже начали оплавляться. Печь Джима напоминала реактивный двигатель. Двигатель, ревуший в садовом сарае на окраине Южного Амхерста.

Я приоткрыл дверь, чтобы глотнуть свежего воздуха, но Джим замахал руками.

- Не открывай, от шума соседи бесятся. Еще полицию вызовут.

Полицейские уже наведывались к Джиму по поводу его изобретений. Еще один визит был нам совершенно ни к чему.

Джим потянул за цепь, и тигель появился из печи, раскаленный докрасна. Джим подтащил его по рельсу и ухватил длинными

металлическими клещами. Затем он подал мне еще одни клещи и пару перчаток.

- Можешь помочь мне перелить, - разрешил он.

Я взял длинный шест с обручем посередине. Джим сам изготовил его в своей мастерской, располагавшейся в гараже. Он осторожно опустил тигель в обруч. Сняв шлак с поверхности, он медленно и аккуратно перелил расплавленный металл в серый ящик на полу. Из углов ящика брызнули струи пара. В ящике лежал плотно утрамбованный влажный песок, а в песке был тщательно выдавлен отпечаток в форме того предмета, который Джим собирался выплавить. Это оказалось на удивление тонкий процесс.

- Через несколько минут металл затвердеет, и тогда можно вскрыть форму.

Он выключил печь. Вентиляторы затихли, жар начал спадать. Теперь, когда шум прекратился, Джим дал мне знак, что дверь можно открыть.

Мы раскололи форму на две половины. Внутри лежала пара абсолютно реалистичных человеческих рук, отлитых из алюминия. Я был впечатлен.

- Это руки Энди, - сказал Джим. Так звали его младшего брата. Он позировал Джиму, если можно так выразиться, пока тот делал в песке форму для отливки.

Джим обрызгал алюминиевые руки водой, и нас окутало облако пара. Потом взял одну из рук и поднял перед собой.

- Ты смотри, какие детали! Ногти! Волоски! Даже узоры на пальцах!

Он был прав. Отливка получилась потрясающе точной.

Несколько месяцев спустя Джим работал в гараже, примыкавшем к дому его родителей. Это был большой дом с просторным гаражом, который Джим превратил в личную автомастерскую. Он приволок из подвала огромную ванну, сделанную из стеатита, «мыльного камня», и использовал ее как емкость для промывки деталей. Ванна была наполнена бензином - веществом огнеопасным, но прекрасно подходившим для очистки старых автомобильных деталей от смазки.

Тем вечером мы с Джимом помогали нашему другу Джону и его девушке Кэрл перебирать двигатель их «Фольксвагена». Блок двигателя и груды остальных деталей отмокали в ванне, а мы стояли возле, пили пиво и что-то чинили по мелочи. Джим установил в ванну насос для циркуляции бензина. Так детали очищались лучше, но насос нельзя было держать включенным все время, поскольку испарения были огнеопасны, а очистка шла медленно - видимо, оттого, что бензин загрязнялся. Мы успели опустошить ящик «Старого Милуоки», а деталей оставалось еще больше половины. Был двенадцатый час ночи - слишком поздно идти за пивом второй раз. Приходилось довольствоваться остатками.

Джим подошел к насосу, чтобы снова его включить. По гаражу проскочила искра. В одно мгновение ванна бензина вспыхнула. Казалось, что горит вся мастерская. Учитывая, сколько было в воздухе бензиновых паров, возможно, так оно и было.

- Черт!

- Пожар!

- Скорее! Бежим!

Я стоял близко к двери, поэтому сразу выскочил, бросив пиво. Воздух жаркой летней ночи вдруг показался мне ледяным. Похоже, я был невредим, даже одежда не загорелась. Повезло.

Все вывалились через распахнутую дверь во двор. Все кроме Джима. Мы увидели, что он еще стоит в объятном пламенем гараже. У него загорелся рукав. Он сорвал рукавицу и принялся лупить по руке, чтобы сбить пламя.

В считанные секунды огонь в ванне взметнулся до самого потолка. Но Джим все еще оставался в мастерской. Низко пригнувшись, он бросился вперед и могучим толчком выпихнул ванну с горящим бензином и автомобильными деталями в дверной проем. Она прокатилась по дорожке и остановилась футов в двадцати от гаража.

Джим практически не получил ожогов. Он стоял и гордо улыбался - еще бы, только что спас дом от пожара. Он снял рукавицы, оглядел каждую руку и удовлетворенно кивнул.

- Цел! - ухмыльнулся он.

В пекле пылающего гаража ему удалось сохранить ясность мысли настолько, чтобы надеть рукавицы и вытолкнуть ванну, не опалив рук. Потрясающе.

- Хорошо, что она была на колесиках, - сказал Джим.

Действительно хорошо. Иначе весь дом сгорел бы дотла.

Тут из дома выбежала Кэрл. Я не видел, как она туда заходила, но во всей суматохе немудрено было и не заметить.

- Я вызвала пожарных, - сказала она. - Они уже едут.

Джим был не в восторге.

- Ну, и кто тебя просил? - буркнул он, глядя, как языки пламени из горячей ванны поднимаются на двадцать футов ввысь.

По правде говоря, теперь огонь был уже не опасен. Бензин выгорит сам собой через час или около того, а пока мы могли полюбоваться пожаром. Джим, Джон и я предпочитали не иметь никаких дел с представителями властей. Двое из нас обежали дом и размотали садовые шланги. Мы решили, что двух шлангов будет более чем достаточно, чтобы полить землю вокруг, пока догорает бензин.

Огонь в гараже потушил Джим, обдав из шланга потолок и несколько горящих обломков на полу. Снаружи, однако, пламя продолжало бушевать. Бензин горел вовсю, и столб огня вздымался выше крыши дома. На ближайшей стене краска уже пошла пузырями.

- Надо было подальше ее оттолкнуть, - сказал Джим.

Но теперь ванна раскалилась так, что к ней было не подойти.

Я оглядел происходящее и пришел к выводу, что дому ничего не грозит. Разве что стену придется перекрасить.

В этот момент появились родители Джима. До этого они читали в гостиной, располагавшейся на другой стороне дома. Вид у них был вполне спокойный. Мать курила сигару, отец держал в руке бокал. Они поглядели на нас, на огонь, друг на друга. Затем, так и не проронив ни слова, вернулись в дом.

Через несколько минут появились пожарные. От ванны шел невероятный жар - поэтому мы отошли от нее футов на двадцать. Джим и я сожалели о потерянных моторах. К тому времени, когда огонь потухнет, они совершенно расплавятся.

А пожарные уже готовились продемонстрировать свое мастерство. Четверо бежали по подъездной дорожке, волоча шланг. Джим попытался их остановить.

- Слушайте, не надо этого. В ванне бензин и магний. Тут нужна пена, а не вода.

- Мы знаем, что делаем, парень. Не мешай.

- Да нет же! Я говорю, нельзя тушить магний водой! Нужна пена!

- Отойди в сторону, - последовал авторитетный ответ.

С этими словами двое пожарных направили на ванну брандспойт. Как только вода соприкоснулась с горящим магнием, раздался сумасшедший взрыв. Вода распалась на свои составляющие - водород и кислород. На двор обрушился огненный дождь. Мы кинулись спасаться.

Куски магния, пылающие ослепительным бело-голубым пламенем, разлетелись повсюду. Пожарные оцепенели от шока. Возможно, некоторым - а среди них были ветераны Вьетнама - показалось, что они вновь на поле боя. Причем война шла прямо во дворе Джима.

- Черт побери, я же предупреждал! Смотрите, что вы наделали!

Вокруг царил кромешный ад. Взрывом разбросало горящий магний по всему двору. Некоторые куски упали на автомобиль, припаркованный на дорожке, и продолжали гореть, прожигая в нем дыры. Несколько угодило на крышу дома. Что-то горело на самой дорожке, и в ней тоже появлялись дыры. Каждый кусок излучал характерное белое свечение горящего металла. Пожарные отступили к своей машине, где, как оказалось, все же был резервуар с пеной.

Теперь им предстояла настоящая работа. Минуту назад они предпочли отмахнуться от Джима, но теперь, похоже, убедились в его правоте. Джим вежливо напомнил, что они сами виноваты в случившемся.

- Надо было меня слушать. Смотрите, что вы натворили, придурки!

Они смешали пену и теперь - куда более осторожно - приблизились к островкам огня. Но даже пена гасила их слишком медленно. Они поливали один участок, и он поначалу затухал, но минуту спустя вспыхивал снова. Это был какой-то кошмар - и все это устроили пожарные.

Джиму было ясно, что все дело в нехватке знаний.

- Это же университетский городок! Неужели вас не учили тушить химические пожары?

Ответа не последовало.

Двое пожарных подошли к ванне, вооружившись длинными баграми, какими они обычно выламывают двери. Они опрокинули горящую ванну - вероятно, для того, чтобы их товарищ мог залить ее пеной. Казалось, они вновь забыли о предупреждении Джима.

- Чертовы идиоты, там же бензин!

Теперь и двор, который до этого избежал разрушений, был охвачен пламенем. Что ж, по крайней мере, недостатка в освещении не было. Появились еще две пожарных машины, начальник бригады прибыл на легковом автомобиле. Вокруг собралась публика. Родители Джима снова вышли из дома и теперь стояли в стороне, негромко переговариваясь между собой. Отец уже опустошил свой бокал, а мать докуривала остаток сигары. Их невозмутимость просто потрясала.

Пожарным потребовалось больше часа, чтобы все потушить. После того как двор снова погрузился в ночную темноту, начальник бригады провел с Джимом долгую беседу. Кто-то из пожарных предлагал его арестовать, но оснований на то, на самом деле, не было. Начальник мог лишь пригрозить, что будет наведываться с регулярными инспекциями.

Позже эта ночь покажется мне затишьем перед бурей по сравнению с тем, что было дальше – когда моя семья и моя жизнь полностью развалились на части.

Мишка заявила, что не желает больше со мной разговаривать, и ничего не стала объяснять. Я был раздавлен. Она не подходила к телефону и не хотела меня видеть. Я не знал, что делать. Мне было безумно одиноко. Только два года спустя я узнал, почему она так поступила.

Кроме того, мои родители, наконец, развелись. Прохвост остался с матерью, которая переехала в квартиру в городе. Потом, несколько месяцев спустя, они поменялись с отцом: он поселился в квартире, а мать с Прохвостом вернулись в дом. Я с собакой все это время оставался дома, если не считать периодических уходов в лес.

Теперь, когда родители расстались, мать возомнила себя бисексуалкой. Какое-то время она встречалась с женщиной своего возраста, но потом связалась с девушкой на год младше меня. Мысль, что мать бросила отца ради женщины, сама по себе корбила, но когда ее большая любовь оказалась моложе меня, это выглядело совсем уж дикостью.

Отец, тем временем, боролся с депрессией в своей городской квартире. Однажды он напился и решил покончить с собой, наглотавшись снотворного, после чего угодил в больницу. Нам повезло, что его коллеги так хорошо к нему относились, а университетское начальство оказалось на редкость терпеливым. Наверное, непросто уволить профессора с «пожизненной» должности. Отец перестал ходить к доктору Финчу, сказав мне: «У него какие-то безумные идеи, сын. Не знаю, что он натворит с твоей матерью».

Несмотря на все хорошее, что сделал для меня доктор, я тоже был встревожен. Что-то в нем было не так. За свою жизнь я успел повидать немало врачей того или иного рода. Их приемные были действительно местом, где люди ожидали приема. Посетители приходили и уходили. В кабинетах было светло и чисто. Иначе говоря, они имели «профессиональный» вид.

Кабинет доктора Финча выглядел совершенно иначе. Старые стены, потертая обшарпанная мебель. За все эти годы я не видел там новых лиц, лишь одни и те же приспешники – которых он звал пациентами. Большую часть времени там и вовсе не было никого кроме доктора, его дочери Хоуп и нас. Ни в одном другом медицинском кабинете я такой обстановки не видел.

- Он уникальный доктор, – говорила мать.
- Он чокнутый, – отвечал дед.

Все наши городские знакомые говорили: «Я слышал, этот Финч совсем из ума выжил!» Хоть доктор сделал мне немало добра, мне было трудно сбрасывать со счетов эти реплики, особенно когда они начали звучать со всех сторон. Доктор Финч отрастил длинную белую бороду и

носил колпак Санта-Клауса посреди лета, что тоже говорило не в его пользу. Я узнал, что еще до нашей с ним встречи его уволили из государственной больницы. Я вспомнил, как несколько лет назад дед сказал, что его «изгнали из Кингспорта». Потом я узнал, что в местную больницу ему запрещалось даже заходить. «Неужели это правда? Что же он натворил?» – думал я.

В итоге поведение доктора Финча стало слишком уж странным для меня и отца. Мы перестали к нему ходить. Мать, тем не менее, продолжала визиты. Она верила в доктора еще шесть лет, пока не сбежала от него сама. Все то время, что доктор прописывал ей новые и новые лекарства, она вытворяла все более дикие вещи, а поскольку Прохвост оставался с ней, он был тому свидетелем. К счастью для меня, наиболее шокирующие события (описанные в автобиографии брата «Бегом с ножницами») произошли лишь через несколько лет – я к тому времени был далеко за пределами досягаемости доктора.

Только в 1983 году мать наконец освободилась от его влияния. И вот тогда все мои смутные подозрения по поводу Финча обрели веское подтверждение. Мать пошла к окружному прокурору и сообщила, что доктор накачал ее лекарствами в каком-то мотеле, а потом изнасиловал. При расследовании также выяснилось, что он списывал деньги со страховки моего отца за многочисленные консультации, которых не было. Мать была слишком потрясена случившимся, чтобы довести судебный процесс до конца. Ей просто хотелось покончить со всем этим.

Поэтому прокурор предъявил Финчу лишь обвинения в краже денег при помощи поддельных счетов. Мать получила защиту как свидетель, и Финчу было в судебном порядке запрещено к ней приближаться. Но даже тогда он попытался заставить ее замолчать и упечь в психбольницу против ее воли. После всего этого я ничуть не удивился, когда в 1986 году его наконец-то лишили профессиональной лицензии насовсем.

К тому времени я был уже далеко оттуда. Музыка спасла меня от этого безумия. Моя репутация среди музыкантов росла, и они приняли меня с распростертыми объятиями. По пятницам я уходил из сумасшедшего дома, в который превратилась моя семья, в местный ночной клуб – «Ржавый гвоздь». Теперь, когда я стал завсегдатаем, мне не нужно было пробираться туда тайком или добывать поддельный пропуск. Я даже отрастил бородку, чтобы выглядеть старше. Вышибала и дежурный полицейский у входа сами здоровались со мной и жестом приглашали внутрь.

В один из таких дней, когда я вошел в зал, солист местной группы «Fat» как раз подошел к микрофону. «Это рок-н-ролл!» – заорал он так, что у меня потемнело в глазах, и показалось, что из ушей пошла кровь. По набитому битком залу прокатилась осязаемая волна энергии. «Тысяча девятьсот семьдесят пятый!» Когда группа заиграла «King of the Highway», я унесся в свой собственный мир. Мне повезло, что у меня была музыка.

Я жалел лишь о том, что не мог забрать с собой Прохвоста. Но тогда я и сам был подростком, нацепившим на себя взрослую одежду. Ему пришлось выживать самому.

Глава 12

В тюрьме вместе с группой

Именно группа “Fat” меня и спасла. С тех самых пор, как я бросил школу, я занимался их аппаратурой и успел подружиться с Дикки Маршем, их звукоинженером, и его помощником Стивом Россом. Дикки поражался моей способности сходу определять по звуку, какие ручки нужно подкрутить на эквалайзере. Он считал, что это природный дар, хотя, на самом деле, я несколько лет усиленно оттачивал это умение.

После одного из концертов ко мне подошел Питер Ньюланд, их певец и флейтист.

– Слушай, ты ведь мог бы поселиться с нами и заниматься музыкой все время, – сказал он. – Мы можем даже платить тебе. Восемьдесят долларов в неделю.

Так я присоединился к “Fat” и обрел новый дом. Все участники группы жили на старой ферме в Эшфилде, в Беркширских холмах.

Билл Перри, ударник, занимал комнату напротив моей. Его регулярные утренние репетиции служили мне надежным будильником. На втором этаже жили гитаристы Майк Бенсон и Крис Ньюланд. Питер, брат Криса и лидер группы, занимал главную спальню, окна которой приходились на фасад дома. Дикки и Стив ютились на чердаке. Мне досталась угловая комната на первом этаже, выходившая окнами на задний двор. Я перевез туда вещи и поставил мотоцикл прямо под своим окном.

Не считая тех времен, когда я жил «дикарем» в лесу, сейчас я впервые поселился отдельно от семьи. У меня был свой мотоцикл, жилье, место в популярной группе – я чувствовал, что жизнь удалась. По такому случаю я купил себе осциллограф «Тектроникс 504», который стал предметом моей гордости.

Целыми днями я работал над аппаратурой, стараясь выжать из усилителей каждый ватт и добиться наилучшего звучания всех инструментов. “Fat” начали славиться не только своей музыкой, но и качеством звука. Стив, Дикки и я по очереди садились за руль грузовика и возили оборудование на концерты.

Это была замечательная жизнь.

“Fat” были одной из немногих групп, которые играли собственную музыку в клубах по всей Новой Англии. Кроме того, благодаря нашему менеджеру, мы выступали на разогреве у знаменитых групп на больших концертах в Бостоне. Той зимой мы играли с Джеймсом Монтгомери, Джеймсом Коттоном, “Roxу Music” и “Black Sabbath”. Эти гастроли давали мне возможность знакомиться с другими музыкантами, и я стал получать все больше звонков с просьбами что-нибудь собрать или улучшить – от более мощных усилителей до электрической флейты.

Иногда на концертах бывали мои старые приятели, тот же Джим Боутон, но большей частью мой круг общения стал другим. Я неплохо научился приспосабливаться к новым людям и новым местам.

Я даже начал путешествовать. Каждый раз, когда у меня выдавался свободный день, я отправлялся куда-нибудь на мотоцикле. Я ездил в Вермонт, в Нью-Хэмпшир – куда угодно, куда можно было сгонять за один день и вернуться. В тот апрель, когда земля в Эшфилде еще была покрыта двухфутовым слоем снега, группа решила слетать на Карибы. Меня позвали с собой. Они заранее копили деньги на эту поездку, откладывая по паре сотен долларов с каждого концерта. У меня в кошельке было всего восемьдесят, но Питер заверил, что это будет полностью оплаченный отпуск. Мы покинули унылый зимний Массачусетс и отправились на остров Монтсеррат – тропический рай, где мне пришлось осознать, что я все-таки отличаюсь от типичного рок-музыканта.

Веселье началось в шесть утра, в пасхальное воскресенье 1976 года. Мы ночевали на вилле, расположенной высоко в горах. Прямо от нашей двери тянулась дорога, петлявшая по склону и уходившая вниз до самого Плимута. По словам Питера, вилла принадлежала какому-то богатому англичанину, который покровительствовал музыкантам. Выходило солнце, воздух был свежим и приятно нежарким. Кругом стояла тишина. На Монтсеррате не было ни промышленности, ни крупных магистралей, ни прочих источников шума. Только тепло, безмятежность и живописные виды.

Наверное, любой был бы в восторге от такого места. Только не я. Я оказался лишен всех привычных жизненных мелочей. Там не было обычной американской еды. Ни гамбургеров, ни чая со льдом. Там вообще было нечего есть, кроме моллюсков и куриных яиц. Нам сказали, что куриц можно нарезать, но тогда яиц не будет. Зато моллюсков было сколько угодно. Я никогда их раньше не ел и поэтому смотрел на них с подозрением. По виду они напоминали нечто среднее между морским гребешком и размякшей испорченной рыбой.

Правда была в том, что я понятия не имел, что делать на отдыхе. Это было мое первое серьезное путешествие с кем-то кроме семьи. У меня не было денег, и мне нечем было заняться. По крайней мере, из этой поездки я извлек хороший урок: *всегда бери с собой деньги!*

Итак, все еще спали, кроме Уилли, нашего местного приятеля и гида. Надо сказать, Уилли мне понравился с первой же встречи – возможно, потому что с ним была ручная игуана, которую он водил на поводке, сделанном из самолетного кабеля. Однако, тем утром игуана осталась дома, а Уилли был явно не в себе. Он вломился в дверь и помчался по дому, вопя во все горло:

– Просыпайтесь! Просыпайтесь! Это облава! Подъем!

Он носился по коридору, распахивая все двери и крича:

– Просыпайтесь, сюда едут копы!

Я открыл глаза и сел на постели. «Наркотиков у меня нет. Ничего противозаконного я не делал», – подумал я. – «С чего им меня арестовывать?» Я вышел на крыльцо и посмотрел на склон горы. По крутой дороге, ведущей к вилле, взбирались четыре машины, набитые местными жителями, которые выглядели полными оборванцами. По двое ехало на каждой крыше, и кто знает, сколько еще было внутри. Те, что на крышах, сжимали в руках биты. На полицейский рейд это мало было похоже. Скорее, на атаку местных.

Я бросился обратно в дом.

- Там аборигены с битами! Это нападение! Просыпайтесь, черт возьми!

Парни принялись смывать в раковину и в унитаз марихуану, кокаин, таблетки и прочую дурь. Я надеялся, что в этом доме был септик. У половины местных туалетов сток выходил прямо на склон сотней футов ниже. Хорошенький был бы сюрприз.

Наверняка это все из-за тех девиц. Я знал, что от них будут только проблемы.

Когда мы приехали, они уже были на вилле. Они поприветствовали нас в дверях с таким видом, будто это их дом. Может, так оно и было.

- Привет, я Джен, а это моя подруга Барбара. Джо сказал, мы можем тут пожить до следующих выходных.

Никто из нас не знал никакого Джо, но после секундного размышления мои товарищи решили, что девушки могут остаться. Те сразу же разговорились.

- Мы сбежали из дома три недели назад.

- У меня отец - полицейский в Нью-Джерси. Но здесь он меня ни за что не найдет.

- Косячок не хотите?

«Вот черт», - подумал я.

Мне не нравилось присутствие посторонних. То, что девушки оказались тут раньше нас, заставляло меня чувствовать незваным гостем. Чей это был дом? Наш? Их? Меня это нервировало. На самом деле, меня нервировала вся поездка, потому что я не любил менять обстановку. Мне нравилось спать в одном и том же месте и общаться с одними и теми же людьми.

Остальные парни считали иначе. Майк повернулся к Питеру и сказал:

- Две свободные девчонки! Это ж судьба.

И они напрямик направились к ним в комнаты.

Я никогда не понимал, как некоторые парни это делают и для чего. В два счета обзавестись подружкой на неделю. Мне не хватало смелости даже заговорить с девушками.

В первое же утро Билли Перри, Крис и я отправились в город. Поначалу мне было трудно понять местных, у них был какой-то быстрый мелодичный выговор, но вскоре я привык. Одно мы выяснили быстро - все откуда-то знали, где мы живем.

- А, вы с виллы Максвелла, где девочки.

Куда бы мы ни пошли, оказывалось, что девушки там уже побывали. Я так и не узнал, что они успели натворить, но, похоже, они отрывались по полной с тех самых пор, как сюда приехали. А теперь и мы оказались втянуты в то, что они заварили.

На вилле было полно травы, кокаина, таблеток и алкоголя. Я иногда пил пиво, но остальное меня не привлекало, поэтому я просто не обращал на это внимания. До нынешнего утра. «Вот черт», - подумал я. - «Меня посадят в тюрьму за чужую наркоту». Мне хотелось заорать: «Это все не мое!» Но я промолчал.

К тому времени, как налетчики добрались до дверей, мы уже были на ногах. Я полностью оделся. Питер открыл представителям закона дверь, а я держался позади и смотрел. Огнестрельного оружия

при них вроде не было, но у двоих, шедших первыми, действительно имелись дубинки. Впрочем, вся команда была довольно вежлива, а один даже предъявил полицейский значок. С виду он был похож на бродягу, но, видимо, в странах третьего мира полицейские так и выглядят.

Я отошел в сторону, и все они ввалились в дом. Их было восемь. Разбившись по двое, они принялись обыскивать виллу.

Я стоял в холле, наблюдая и прислушиваясь. Время от времени из комнат доносились возгласы, словно кто-то выиграл в пинболл в автомате здешнего бара. «Наверное, что-то нашли», – подумал я. Меня беспокоила их порядочность. «А что, если они подложат наркотики в мои носки или белье?»

Наконец, вся команда появилась с другой стороны дома, держа в руках несколько пакетов. Я не видел, что было внутри, но утешал себя мыслью, что пакеты не мои. Копы, однако, довольно улыбались. Явно нашли то, что хотели. Я понимал их через слово, но было ясно, что нам предстояло куда-то отправиться в их сопровождении. Я вышел во двор, где, тем временем, появились еще две машины.

Майк повернулся ко мне и беспечно сказал:

– Ну что, Джон, вот и все. Посадят нас за решетку, а ключ выбросят в море.

Я оглядывался по сторонам. Возможности сбежать не было никакой. «Майк ни черта не соображает, что творится», – подумал я. – «Наверняка еще под кайфом».

Мне жестом велели садиться в старый «Остин». Он был рассчитан на пятерых, но нас туда набилось восемь. Один из местных сидел буквально у меня на коленях. «Если на спуске откажут тормоза, он смягчит для меня удар», – подумал я. Всю дорогу он не проронил ни слова. Еще один абориген ехал сидя прямо на капоте. Я все ждал, когда водитель слишком резко ударит по тормозам, и тот свалится под колеса, но этого не произошло. Видимо, хорошо натренировался. Он улыбался во весь рот, словно для него это был аттракцион.

Мы въехали в Плимут и остановились перед каменным зданием. Тюрьма. Тюрьма на тропическом острове. У нее были стены из грубого камня толщиной фута три. Оказалось, что те, кто нас привезли – это и есть вся полиция острова. Более того, они еще прихватили с собой в рейд пару своих собутыльников. Полицейские были в восторге. Такая добыча! И этой добычей были мы.

– Вставай, приятель. Улыбнись на камеру. Это для досье.

Сфотографировав нас, они сгрудились вместе и стали смотреть, как проявляются снимки. Они щелкали нас старым «Полароидом». У моего деда был такой в 60-е годы.

Главный сказал мне:

– Я инспектор Винсент. Ну-ка, давай свой паспорт!

– У меня нет паспорта, только пропуск, – сказал я.

– Ладно, гони, что есть.

Я протянул инспектору Винсенту университетский пропуск, который давал мне возможность посещать бар на девятом этаже Массачусетского университета. Обрато инспектор его так и не вернул. Он крошечными буквами переписал мое имя, адрес и дату рождения на карточку, которую затем аккуратно убрал в ящик картотеки. Мое имя

на пропуске было написано с ошибками, дата рождения тоже была указана другая, поэтому и в картотеку инспектора мои данные попали искаженными. Я был этому рад.

Меня никто не обыскивал. Как я понял, полицейские просто забыли это сделать. На секунду я пожалел, что при мне не было ни ножа, ни пистолета. Впрочем, местные были так приветливы, что мне совсем не хотелось в кого-нибудь стрелять или размахивать ножом. Я сделал попытку бочком подвинуться к выходу. Один из помощников Винсента вежливо, но крепко ухватил меня за локоть и показал на стул.

- Нет уж, приятель, сиди здесь. Это тюрьма, в конце концов, - и расхохотался. Паршивец.

Переписав все наши данные, инспектор Винсент проводил нас в камеру. Окон в камере не было, только ржавые решетки. По крайней мере, там было не холодно.

- Господи, надеюсь, хоть крыс у них нет! - воскликнул Майк. Зачем он это сказал? Прежде у меня даже мыслей не было о крысах.

- А змей тут случайно не бывает? - продолжал он.

Воображение у него разгулялось совсем не кстати.

Каменные стены были непробиваемы, поэтому я подергал за железные прутья. «Отсюда можно выбраться», - подумал я, - «но понадобится много времени и сил». Я надеялся, что до побега не дойдет. Кроме нас в тюрьме был только один заключенный - какой-то потрепанного вида старик, убивший свою жену.

Наше заключение оказалось не слишком тягостным. Среди подчиненных инспектора Винсента было несколько музыкантов, и когда суматоха улеглась, они отперли нашу камеру и принесли гитары. Мы дали им денег купить чего-нибудь в городе - они вернулись с кока-колой в стеклянных многоразовых бутылках. Я с детства не видел таких бутылок. Когда мы их опустошили, один из полицейских наполнил их водой наполовину и принялся играть, как на музыкальном инструменте. Я был бы восхищен, если бы не торчал в этой идиотской тюрьме.

У Питера был приятель, у которого имелись связи на острове, и тот предложил полиции участок земли в качестве нашего залога. В результате, к обеду нас отпустили. На следующее утро друг Питера нашел нам адвоката, маленького морщинистого старикашку с острым взглядом. Он явно к нам не благоволил. «Возможно, он местный, и у него есть дочери», - подумал я. В конце концов, о сбежавших из дома девицах знал весь остров.

Когда все собрались, он сказал:

- Известно ли вам, молодые люди, что по законам британских колоний хранение некоторых видов наркотиков карается повешением?

Мы промолчали. Остров Монтсеррат был британской колонией.

- Меры борьбы с наркотиками на этих территориях весьма, хм, драконовские, - добавил адвокат.

- Копы только и знают, что музыкантов за решетку сажать. Надеюсь, нас не запрут здесь навечно, - высказался Майк.

- Иди к черту, - сказал я. Майк в тот день прямо-таки излучал оптимизм.

Оказалось, больше всего доблестную полицию волновали семена марихуаны. Из-за них нас и арестовали - за какую-то горстку семян на

дне одной из сумок. Это означало, что нас подозревают в выращивании. С любителей покурить спрос был невелик, им грозил только тюремный срок, но за выращивание марихуаны полагалась казнь. Кокаин, грибы, «спиды», кислота – все, что парни не успели смыть в канализацию, тоже оказалось среди улик, но на это полицейским было плевать. Они пришли за семенами, и они их нашли.

Слушание было назначено на среду. Мы привели себя в порядок и явились в суд утром, как и было указано. Похоже, наше дело было единственным, и в зале находились только мы, судья с приставами, прокурор, адвокат и несколько зрителей. Мы предстали перед судьей, носившим парик, за который в Нью-Йорке его сочли бы трансвеститом. Сам он наверняка таковым себя не считал.

Большую часть того, что было сказано на заседании, я даже не расслышал, потому что адвокат, прокурор и судья сгрудились вместе и стали что-то обсуждать между собой. Так или иначе, через полчаса все закончилось. Двоим из группы назначили штраф в пять тысяч восточно-карибских долларов – примерно две с половиной тысячи американских. С меня и с девушек обвинения были сняты. Уже к обеду мы были свободны. У меня сложилось стойкое впечатление, что своими штрафами мы внесли крупный вклад в экономику острова.

Один из полицейских подбросил меня до виллы, где у нас была взятая на прокат машина – «Моррис Моук», похожий на джип с открытым кузовом. Забавный маленький автомобиль, отлично подходивший для поездок по тропическому острову. До ареста я даже успел получить местные права, чтобы ездить на нем, и в каком-то смысле этим гордился.

На самом деле, я никак не ожидал, что обзаведусь тут транспортом, ведь денег у меня не было ни гроша. Однако, деньги не понадобились. В первый же день на острове нам с Билли Перри попала автопрокатная контора. Проходя мимо, я заглянул в гараж, где двое механиков возились со старым «Моррисом», пытаюсь поменять в нем масло.

– Помощь не нужна? – я спросил полушутя, но они восприняли это всерьез.

– Отличный механик. Из Америки, – Билли ткнул в меня пальцем. Видимо, его слова произвели на них впечатление. В итоге, я провел там еще два часа, помогая им чинить машины.

– Парень, ты мог бы заработать большие деньги, если бы остался здесь, – сказали механики.

Пока же у них вовсе не было денег, чтобы заплатить мне за работу, а у меня не было машины. Поэтому мы совершили взаимовыгодную сделку. Я починил несколько «Моуков» и «Остинов», а за это получил транспорт.

Итак, я снова поехал в тюрьму, чтобы забрать товарищей и отвезти домой. Однако, когда я туда добрался, планы поменялись. Похоже, мы стали своего рода знаменитостями. Нам предложили выпивку за счет заведения в местном баре, и туда-то мы и отправились.

К тому времени, когда пора было уходить, все мы изрядно набрались. Мне пришло в голову прокатиться по близлежащему пляжу. Я помчался по прямой песчаной полосе, объезжая отдыхавших на песке людей. Мне хотелось добраться до песчаных дюн на краю пляжа.

«Моук» – машина небыстрая, но все-таки я успел разогнаться настолько, что перелетел через дюну и не успел глазом моргнуть, как оказался в океане.

«Моук» начал погружаться в воду, и я быстро обнаружил, что надвигается прилив. Вскоре машина совсем скрылась из виду.

Выбравшись на берег, я наконец ощутил, насколько же я пьян. Меня мутило. Друзья куда-то разбрелись. И я остался без средства передвижения. От «Моука» виднелся лишь красный флажок на антенне, торчащей из заднего бампера. Время от времени флажок появлялся над водой, а потом его снова накрывала волна.

«Черт», – подумал я. – «Надо ведь как-то его вытащить».

Моих попутчиков нигде не было видно. Я поплелся обратно в бар, чтобы найти подмогу. Когда я вошел внутрь, там уже собрался целый ансамбль. Двое парней играли на стальных бочках. Это было какое-то волшебство! Они умудрялись выбивать потрясающие ритмы из этих старых масляных бочек. Один из полицейских тоже был там. Он успел снять форму и влиться в число музыкантов. Кто бы мог подумать. Мне очень хотелось остаться в баре на всю ночь, но я знал, что машину нужно вернуть. У меня не было денег, чтобы возместить ущерб прокатной конторе.

Я собрал пятерых парней, и мы пошли на пляж. Прилив стоял еще высоко – мы добрались до машины вплавь, а потом встали на капот и сиденья.

– Теперь дружно нырнем, возьмемся за нее и вытащим на берег. Раз... два... три... ныряем!

Черт, как же это оказалось тяжело! Но мы это сделали. Когда «Моук» оказался на берегу, я снял все заглушки, и мы опрокинули его вверх колесами, чтобы вытекла вся вода. Машина осталась сохнуть на пляже, а меня кто-то из парней подвез домой.

На следующее утро я встал пораньше и отправился в прокатную контору. Стоило мне появиться на пороге, как я услышал:

– Эй, говорят, ты утопил наш «Моук» в океане!

Похоже, новости на Монтсеррате разлетались быстро.

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Через пару часов будет как новенький.

Я захватил бензин, масло и новый аккумулятор, а затем пошел на пляж, взяв двух парней из проката в качестве помощников. Мы снова поставили машину на колеса. Я залил свежее масло и бензин, поменял аккумулятор, вычистил карбюратор и зажигание. Затем вернул все заглушки на место и впрыснул масло в цилиндры. Удивительно, но машина завелась. Мы поехали обратно в прокат, где я ополоснул ее из шланга и объявил, что все в полном порядке.

Следующий день был последним днем нашего отдыха. Я попрощался с Уилли и его игуаной, и мы полетели домой на самолете «DC-3» времен Второй мировой. В нем не было двери, а проход между сиденьями был заставлен клетками с курицами. Летя в тысяче футов над океаном, мы возвращались домой – к снегу, оттепели и весенней грязи. И к нашему очередному пятничному концерту в «Ржавом гвозде». А несколько лет спустя произошло извержение вулкана, и большая часть острова Монтсеррат была стерта с лица земли. Вилла, тюрьма, дороги... все это исчезло без следа.

С группой “Fat” я оставался недолго. Мне сложно было жить вместе с таким количеством людей. Я все время терялся и не знал, что сказать и как себя вести. Правда, я обзавелся многими связями и стал гораздо увереннее в себе, хотя бы в том, что касалось техники. С техникой мне было легко иметь дело и легко о ней говорить, и чем больше я всем этим занимался, тем легче мне становилось. Я без проблем мог подойти и заговорить со звукооператором на концерте. Но меня по-прежнему ужасала мысль о том, чтобы заговорить с девушкой.

Глава 13

Большой успех

К концу зимы 1978 года моя жизнь пошла на лад. В марте закончился тяжелый и долгий период моего одиночества. Я вдруг встретил Мишку в университете и с удивлением узнал, что она теперь здесь учится. Мы очень давно не общались, но тут же разговорились вновь. Она призналась, что бросила меня, потому что одна подруга рассказала ей мерзкую историю обо мне. Потом выяснилось, что все это неправда, но было уже поздно. Мы оба сожалели о потерянном времени.

Той весной мы гуляли по заброшенным железнодорожным путям вокруг Амхерста, собирая ржавые рельсовые «костыли» и стеклянные изоляторы от телеграфных столбов, валявшиеся в траве. Мы говорили о себе, о наших мечтах, обсуждали научную фантастику, электронику, автомобили и мотоциклы. Я снова был влюблен.

Два месяца спустя произошло еще одно важное событие – я получил работу в крупной звукозаписывающей компании. Они имели дело с настоящим оборудованием – таким, какое используют на стадионах, а не в барах.

Меня наняла “Britannia Row Audio” – компания, которую организовала группа “Pink Floyd”, чтобы сдавать в аренду свое концертное оборудование в свободное от гастролей время. В США компанию сокращенно называли «Бритро». Руководил ею Мик Ключински, англичанин, проработавший с “Pink Floyd” много лет. Я познакомился с Миком, когда он оказался в Амхерсте – ставил звук на весеннем концерте нашего университета. Должна была играть группа “Sha Na Na”, но усилители у них ломались один за другим. Я сразу понял, что дела у них плохи, когда зашел в зал во время репетиции.

– Я смотрю, у вас проблемы с усилителями? – спросил я. А сам подумал: «Вдруг это мой шанс?»

– Еще какие проблемы. Меня зовут Мик, а это Сет. А ты кто?

Мик оказался плотным коротышкой с сильным британским акцентом.

– Я отвечаю за основную систему, – продолжал он, – а Сет за мониторы.

Основная звуковая система – это та, через которую звук идет в зал. Все те колонки, что высятся башнями по бокам сцены. Динамики мониторной системы обращены внутрь сцены – чтобы музыканты слышали самих себя сквозь шум усилителей и всего прочего.

– Меня зовут Джон Робисон, я инженер. Я неплохо разбираюсь в усилителях.

Хотелось надеяться, что это прозвучало внушительно.

К тому же, это была правда. У них стояли усилители марки “Phase Linear” – тогда это была одна из двух ведущих фирм (второй была “Crown”), выпускавших большие усилители для крупных звуковых систем, и я уже не раз чинил такие для местных музыкантов. У них было неприятное свойство взрываться при слишком громкой игре. Но

прежде я встречал лишь системы с одним-двумя усилителями. У этих же парней была целая гора – на первый взгляд, штук двадцать, не меньше. Ничего подобного я раньше не видел, и поэтому был просто потрясен.

– Ну, что ж, взгляните на них, мистер инженер, – Мик пригласил меня на сцену и повел туда, где высились стойки со вспомогательной электроникой. Я в жизни не видел столько оборудования в одном месте, но не подал виду.

Я попросил отвертку, и мне вручили целый набор “Xcelite”. В то время это был все равно что «роллс-ройс» среди инструментов. У меня были один-два инструмента этой марки, но целый комплект считался настоящей роскошью. Я осмотрел панель предохранителей. Полетели предохранители постоянного тока, даже стекло почернело. Короткое замыкание, значит. Выходные транзисторы тоже были сожжены напрочь. Я мог все это починить, но не здесь. Нужна была мастерская.

– А вы откуда приехали? – спросил я.

– Из Британии, – ответил Мик. – Мы только что открыли филиал здесь в Штатах. На Лонг-Айленде.

Все британские музыканты, с которыми мне доводилось общаться, никогда не говорили, что они из Англии. Они всегда были «из Британии».

– «Флойды» отправили меня сюда заправлять всем этим, – сказал Мик. – А мистер Голдман, – он указал на Сета, – моя правая рука.

– Я могу починить эти усилители, но мне нужно место, чтобы их разобрать. У вас есть, где расположиться?

Оказалось, что на Лонг-Айленде у них огромная радиостудия, где места мне хватит с избытком. Мы договорились, что я подъеду на следующей неделе. В назначенный день я погрузил свои инструменты в машину и отправился в Нью-Йорк. На Лонг-Айленде я никогда раньше не был. Мне было немного не по себе. Что, если я не справлюсь?

Я остановился перед невзрачным зданием в небольшом переулке – одним из сотни таких же. Туда ли я вообще приехал? Никаких опознавательных знаков на доме не было, что находилось внутри – непонятно.

Я позвонил в дверь, и мне открыл Сет. Перешагнув порог, я оказался в вестибюле, переходящем в огромную студию. Пол был заставлен звуковым и осветительным оборудованием, вдоль одной из стен громоздились колонки.

– Ну, у вас тут и аппаратуры, – сказал я.

– Здесь половина флойдовской системы, плюс кое-что из нашего, – ответил Сет. – У «Флойдов» самая большая концертная система в мире, знаешь ли.

Точно так же, как они были «из Британии», они работали на «Флойдов». Только непосвященные говорили «Пинк Флойд». Даже с моими ограниченными навыками общения я очень быстро это усвоил. Я понятия не имел, что у «Флойдов» самая большая система, но кивнул с видом знатока.

– Ну, так где ваши усилители? – спросил я. Мне не терпелось показать свои умения.

Сет провел меня в подсобное помещение с окнами на потолке и длинным монтажным столом вдоль всей стены. У другой стены

высилась гряда усилителей – их там было не меньше полусотни. Шириной эта гора была футов десять, а высотой больше моего роста.

– И что, все они сломаны?!

Быть такого не может. Я ожидал, что их тут будет пара штук, но никак не целый вагон.

– Ну да, – сказал Сет. – Развлекайся.

И с этими словами ушел к себе в студию.

Мне понадобилось три дня, несколько походов в магазин запчастей и две срочных доставки от фирмы-производителя, но я починил все усилители кроме двух. А те два разобрал на детали. Когда я все закончил, мы перетащили усилители в студию и стали подключать их по очереди. Сет выкручивал мощность на максимум и ставил записи “Judas Priest” и “Roxу Music”, которые сделал во время предыдущих гастролей.

Все пятьдесят два усилителя успешно прошли испытание.

– Обалдеть, – подытожил Мик.

Меня переполняла гордость. Мне впервые пришлось выполнять работу таких масштабов и с такой скоростью. Но на этом дело не закончилось. У них была целая свалка нерабочего оборудования. А еще у них были идеи.

– Сейчас у нас трехканальная система, а мы хотим сделать пятиканальную. Ни у кого такой нет на концертах. Как думаешь, сможешь соорудить пятиканальный разделитель?

– Конечно, – сказал я самым уверенным тоном. И поехал домой обдумывать эту идею.

Я поделился своим планом с Мишкой.

– Что такое пятиканальный разделитель? – спросила она.

– Он разделяет звук на пять полос. Нижние басы, от бас-гитар, идут на самые большие динамики. Верхние басы – нижний диапазон обычных гитар и клавишных – на динамики чуть меньше. Потом отдельно идут нижние средние частоты, в основном, это голос. Потом верхние средние – саксофоны и прочие духовые. И, наконец, самые верхние, хай-хэты и другие тарелки, идут на специальные высокочастотные динамики.

– Ясно, – сказала она. Я не был уверен, действительно она поняла или просто поддакивала мне.

Я разработал конструкцию, а Мишка изготовила монтажные платы. Кислоту для протравки схем мы налили в пластиковый поддон, который поставили в кухонную раковину, а собирали все прямо на обеденном столе. Удивительно, но у нас все получилось. Я погрузил готовое устройство в машину и отправился в Нью-Джерси. По дороге я вдруг задумался о том, какой долгий путь мы прошли – ведь всего каких-то несколько лет назад мы чинили допотопные проигрыватели для лингафонного кабинета в школе.

Когда я подъехал к концертному залу в Нью-Джерси, Сет меня уже ждал.

– Опаздываешь. Где тебя черти носят? – сказал он. – Надеюсь, твоя штукавина работает. Замены у нас нет.

Он явно нервничал. Я понял, что репетиции не будет. Мы просто все подключим и начнем концерт. «А вдруг не заработает?» Меня

охватило напряжение и тревога. Я напомнил себе, что за пять минут до погрузки в машину все работало – я проверял.

Мы подключили систему, и первым, что я услышал, был саксофон в песне “Baker Street” Джерри Рафферти.

– Вот это звук, – поразился Сет. – Как чисто, а? Ты только послушай.

Я действительно не слышал раньше ничего подобного. Звук был чистейший. Я и сам был поражен.

Тем вечером я смотрел, как перед полным залом выступает Meat Loaf. В середине концерта ко мне подошел его менеджер и сказал:

– Классный звук вы сегодня поставили, парни. Просто отпад!

Я улыбнулся. Идея с пятиканальной системой сработала на ура.

С тех пор «Бритро» регулярно снабжали меня работой. Казалось, их аудиосистемы были повсюду. Каждый раз, как я приезжал на Лонг-Айленд, они занимались чьими-нибудь гастрольями – и всякий раз использовали аппаратуру, которую я конструировал, ремонтировал, собирал с нуля или улучшал. С ними работали самые разные исполнители – Фиби Сноу, “Judas Priest”, “Talking Heads”, “Blondie”.

А я был звукоинженером.

К лету 1978 года «Бритро» могли обеспечить аппаратурой несколько гастрольных туров одновременно. Тем августом они позвонили мне насчет системы, которую мы собирали для группы под названием “April Wine”. Похоже, у них возникли проблемы с басами – они сожгли штук тридцать низкочастотных динамиков. Меня попросили съездить на место гастролей и разобраться, в чем дело.

– Ладно, но я возьму с собой свою девушку. Я обещал, что проведу выходные с ней.

– Бери, – сказал Сет. – Завтра мы за вами заедем.

Я позвонил Мишке и сказал:

– Собирайся, завтра мы поедем в тур с группой “April Wine”.

– Кто это такие? – спросила она.

– У них еще есть альбом “First Glance”, – ответил я. Кто-то называл “April Wine” канадскими “Rolling Stones”, но в Штатах их знали немногие.

На следующий день к дому подъехал зеленый «универсал», в котором был один из нью-йоркских сотрудников «Бритро» и незнакомый мне британец. Нам с Мишкой едва хватило места, чтобы влезть самим и положить мои инструменты – машина была под завязку набита коробками с аппаратурой. Наконец, мы тронулись с места. За рулем сидел британец Найджел – оказалось, что он тот еще лихач. Когда мы выехали на трассу I-91, он обернулся ко мне и сказал:

– Я учился в школе для водителей «роллс-ройсов». Там меня научили, как надо водить. И вообще, мы чертовски спешим. Нас ждут к завтрашнему концерту.

Когда Массачусетс остался позади, стрелка спидометра ушла далеко за сотню. На такой скорости каждый изгиб дороги казался крутым поворотом. До границы мы добрались в рекордно короткое время. Мы подъехали к пограничному посту, и таможенник заглянул внутрь машины. Она была заполнена коробками с надписью «Пинк Флойд – Лондон».

– Никак «Пинк Флойд» с собой везете, а? – спросил он.

- Ага, засушили и в коробки упаковали, - ответил Найджел.

Удивительно, но таможенник расхохотался и пропустил нас. Мы остановились поесть в маленьком французском ресторанчике на окраине Монреаля, и это был один из лучших ужинов в моей жизни. Британец передал руль товарищу, и мы поехали дальше, уже в ночной темноте. Было часа три ночи, когда мы догнали гастрольные трейлеры "April Wine". Группа колесила по восточной части Канады и играла на хоккейных стадионах - только они и могли вместить всю толпу зрителей. Найджел минут десять барабанил кулаком в дверь, прежде чем нас впустили.

Мы с Мишкой выбрались из машины, стряхивая с себя остатки сна, и принялись за дело. К рассвету мы поменяли половину сгоревших колонок - для концерта этого хватит. А потом отправились досыпать в мотель.

Всю следующую неделю мы ездили вместе с группой по Канаде и чинили в пути аппаратуру. Найджел сгонял на своей машине в город и привез еще партию колонок и запчастей, чтобы мы могли завершить работу. К 12 августа, за день до моего дня рождения, мы достигли восточного берега Канады - залива Фанди - и тем же вечером отправились на пароме в город Сент-Джонс на острове Ньюфаундленд. Путешествие заняло всю ночь. Мы с Мишкой встретили мой двадцать первый день рождения на верхней палубе парома, устроившись за дымовой трубой. У меня была ответственная работа, корабль мягко покачивался, светили звезды, дул соленый ветер - все происходящее казалось сказкой.

Сложно было представить себе что-то лучше этого. Я почти забыл о своей полоумной семейке, оставшейся дома. Мне хотелось путешествовать так всю жизнь.

Глава 14

Первая дымовая гитара

Чаще всего в огромном здании «Бритро» я работал почти один, если только рядом не было Мишки. Я занимался делами в подсобке, а Сет и еще пара сотрудников возились с оборудованием в студии. Поэтому в один из дней 1978 года, придя на работу со своими чемоданчиками запчастей и инструментов, я очень удивился, обнаружив возле здания целую толпу народа. Изнутри доносилась громкая музыка, и, войдя внутрь, я узнал песню. К нам приехала группа KISS.

- Они арендовали студию, чтобы подготовиться к туру, - объяснил Сет. - Так что пусть они тут сами по себе, а мы поработаем в задних комнатах. Идет?

Идет. И я принялся за очередную грудку дохлых усилителей.

С моего рабочего места была видна студия, и я заметил, как Эйс Фрейли, гитарист KISS, ковыряется в корпусе своей гитары марки «Лес Пол». Мне стало любопытно, и я подошел к нему.

- Что это вы делаете? - спросил я.

- Эй, ты ведь инженер? - он не дождался ответа и тут же продолжил. - Я хочу заложить в гитару дымовую шашку. Чтобы в конце моего соло она загорелась.

- Я мог бы это устроить. Можно взглянуть?

Оказалось, Эйс прорезал отверстие в передней стенке гитары и вставил туда шашку. Идея была в том, что он ее подожжет, и гитару окутает облако дыма, пока он играет соло. Затея хорошая, но воплощение оставляло желать лучшего.

- Ну и хрень у вас тут, - тактично сказал я. Потом подумал минуту.

- Можно сделать металлическую коробочку, закрепить ее в корпусе, а внутрь положить шашку. Так будет гораздо лучше.

- Точно, тогда и дерево не загорится, поэтому дым будет дольше идти.

- Можно даже заизолировать коробку. А вместо огня сделать лампочки.

Эйс ухватился за эту идею. Оказалось, что мысль о лампочках уже приходила ему в голову.

- Может, вот такие? - он показал мне лампочку. - Они для самолетов или кинопроекторов, что-то вроде того.

Эйс никогда не отличался точностью в деталях. Впрочем, откуда бы эти лампочки ни взялись, гореть они обещали ярко.

- У вас найдется лишняя гитара? - спросил я.

- Черт, если ты это сделаешь, у меня найдется сколько угодно гитар, - он окликнул помощника, отвечающего за его аппаратуру. - Эй, Текс, пусть завтра с «Гибсона» пришлют этому парню гитару! - Потом до него что-то дошло, и он повернулся ко мне. - Как тебя зовут-то?

- Джон Робисон, - ответил я.

Эйс явно не считал, что имя «Джон» должным образом меня характеризовало.

- Будем звать тебя Усилок! - объявил он, поскольку знал, что я занимаюсь усилителями. Похоже, я был не единственным, кто придумывал людям свои имена. Когда в фильме «Зверинец» Джон Белуши дал имя Камбале, я хорошо его понимал.

Модель «Лес Пол» фирмы «Гибсон» считалась золотым стандартом среди гитар. Та, на которой играл Эйс, стоила почти тысячу долларов. И теперь он велит своему помощнику, чтобы завтра мне прислали такую же - вот так запросто. Вот что означает власть и слава в мире музыки.

Тем вечером я отправился домой с новым заданием. Я никогда раньше не занимался спецэффектами, но Эйс этого не знал, и я не собирался ему говорить. До сих пор мои эксперименты ограничивались детскими розыгрышами - ничего столь масштабного, как сейчас. Когда я думал об этом, становилось не по себе. Что, если я все провалю?

«Все получится», - сказал я себе по дороге домой. И я знал, кто мне поможет: мой друг Джим Боутон, тот самый, с плавильной печью и пылающей ванной. Я показал ему гитару на следующий же день, как только курьерская служба доставила мне ее домой. Это была новенькая черная «Les Paul Custom». Я ожидал какой-нибудь бракованный экземпляр, но гитара была высшего качества - она казалась такой совершенной, что я боялся до нее дотронуться. Но все же решился.

- Ему нужна гитара, которая взрывается, горит и дымится? И при этом играет? Наш человек! - ухмыльнулся Джим.

Мы уложили гитару на одеяло, расстеленное на капоте его «Фиата 124». Вскоре у нас созрел план. Для начала Джим изготовил металлическую коробочку, которую мы закрепили на задней стенке гитары. Однако, это не сработало - коробочка погнулась.

Тогда Джим сделал еще одну, из нержавеющей стали. С помощью фрезы он выпилил отверстие в задней стенке гитары, потом вынул один из звукоснимателей спереди. Коробочка поместилась как раз на его место.

- Теперь мы вырежем стальную пластинку в форме звукоснимателя и поставим пружину, чтобы она открывалась, и оттуда валил дым. И нужно сделать изоляционную прокладку, иначе Эйс сожжет пальцы, пока играет. Она же раскалится!

Текс, помощник Эйса, названивал мне чуть не каждый день, чтобы узнать, как идут дела. Поначалу он был настроен скептически, как и остальная команда.

- Металлическая коробочка? Фальшивый звукосниматель на пружинке? Да вы рехнулись.

Но после того как Текс пришел и взглянул на наше творение, он тут же уверовал в нас, а за ним и другие. За один вечер недоверчивые возгласы превратились в восторженные. «Ух ты! Коробочка! Звукосниматель на пружинке!»

Пока Джим изготавливал коробочку и прочие механические детали, я занимался электроникой. KISS только что стали использовать новейшую технику, беспроводные радиосистемы «Shaffer Vega», для передачи сигнала с гитары на усилитель. Для группы, которая все время скачет по сцене, беспроводная система была очень кстати - меньше проводов, которые можно выдернуть или споткнуться о них.

Однако, моя работа усложнялась, ведь это значило, что мощные лампочки Эйса должны будут работать от батареек.

Решить проблему помог Текс. Он отыскал маленькую фирму, «Фреццолини Электроникс», которая делала аккумуляторы для портативных телекамер. Я отправился к ним – в промышленную зону города Хоторн в Нью-Джерси. Джек Фреццолини и Джим Кроуфорд устроили мне настоящую экскурсию. Было приятно, что со мной обращались, как с солидным инженером, а не как с подростком. Мы вышли в зал, где техник спаивал отдельные аккумуляторы в блоки различных форм и размеров. Готовые блоки затем обтягивались голубым пластиком.

Там же, на монтажном столе, лежали аккумуляторы, изготовленные специально для меня. Размером блок был где-то пять на шесть дюймов и не более дюйма в толщину, а весил пару фунтов.

– Этого вам хватит с запасом, – сказал Джек.

– Вы уверены? – скептически спросил я.

– Черт, да от них автомобиль можно завести! Смотрите.

Мы подошли к паре мощных ламп, и Джек подключил к ним один из моих блоков. Лампы загорелись, залив помещение таким ярким светом, что мне пришлось отвернуться.

– Мы разработали эти аккумуляторы для телевизионщиков, чтобы они могли включать прожекторы и снимать в любых условиях, – объяснил он. – Как, по-вашему, делаются репортажи об автомобильных авариях, или о спасении людей в горах, или о животных в лесу? С помощью наших аккумуляторов, точно таких же, как эти.

Я остался под большим впечатлением. Фирму «Фреццолини» я покинул с двумя блоками аккумуляторов и двумя зарядными устройствами.

– Счет я пришлю группе, – сказал Джим.

Здорово, подумал я. Целая контора людей, которые оплачивают за тебя счета и улаживают дела. Может, когда-нибудь и у меня будет так же.

Когда мои идеи воплощались в жизнь, меня переполнял восторг. Приятно было видеть и слышать, как они становятся частью настоящего шоу. Зрители во все глаза смотрели на мои изобретения и реагировали взрывами аплодисментов и одобрительными криками. В такие моменты я думал, что быть «отщепенцем» не так уж плохо. Если присмотреться, все творческие люди вокруг меня были в каком-то смысле отщепенцами, и я прекрасно чувствовал себя среди них. Единственными «нормальными» были менеджеры, а с ними я редко имел дело. Мне нравились музыканты и их окружение, и симпатия выглядела взаимной.

У меня была девушка и машина. Я сбежал от своих полоумных родителей. Я работал на одну из крутейших групп в мире. И даже получал неплохие деньги. Группа «Fat» платила мне восемьдесят долларов в неделю, а теперь я столько же зарабатывал за пару часов. Спустя долгое время жизнь наконец-то стала налаживаться.

По крайней мере, так мне казалось, когда все шло хорошо. Когда что-то не ладилось, в голове моей начинали шептать голоса:

«Ты просто дуришь людям мозги».

«Эта хрень никогда не будет работать».

«Что люди скажут, когда придут забирать заказ, а увидят кучку деталей на твоём столе?»

Иногда, когда я занимался гитарами KISS, меня охватывала тревога и нервозность. Но я лишь начинал работать ещё усерднее. Что ещё оставалось делать? Я должен был заставить гитары работать так, как обещал.

Нужно было учесть тысячу мелочей. Например, проблема с фальшивым звукоснимателем – пластинкой, которая открывалась и выпускала дым и свет. Она была сделана из нержавеющей стали – покрасить её или нет? Я боялся, что краска испортится от копоти дымовых шашек.

У Текса нашлось идеальное решение: наклейки. У него даже был знакомый, который мог их сделать. Он напечатал нам наклейку, которая выглядела как звукосниматель, и с её помощью мы замаскировали стальную дверцу. Можно было менять наклейки перед каждым концертом, чтобы звукосниматель выглядел как новый. Идея была отличная, и она сработала. Кроме того, я увеличил отверстие в задней стенке гитары, чтобы туда поместились аккумуляторы и прочая электроника.

Дымящаяся гитара была моим первым опытом работы в команде. Аккумуляторы, лампочки, дымовые шашки – чтобы собрать все это воедино, требовались совместные усилия. Джим резал и сваривал металлические детали, Мишка неустанно паяла – вместе у нас здорово получалось.

Наконец, все было готово. Мы превратили обычную гибсоновскую гитару в огнедышащего монстра. Снаружи она выглядела как любая другая гитара модели «Лес Пол». Но если повернуть нижний регулятор громкости, сработает пружина, зажжется дымовая шашка, и из отверстия хлынет яркий свет. Сочетание дыма и света давало потрясающий эффект. Пора было доставить инструмент в Нью-Йорк.

Я никогда раньше не работал на знаменитостей. KISS были одной из известнейших групп в мире, и я гордился, что именно мне они поручили сделать эту гитару. Я размышлял, что же будет дальше. Я тоже стану знаменитым? У меня будет больше работы? Когда я прибыл на место, Эйс взял мою гитару в руки и уставился на её начинку, видневшуюся через прозрачную пластиковую вставку в задней стенке.

– Полный отпад. Надо проверить её в деле. Текс, дай нам сюда пару шашек!

Когда мы подожгли обе шашки, из гитары повалил дым и заполнил всю комнату. Гаснуть они не собирались – более того, разгорелись настолько, что на гитаре лопнули две струны. Увидев это, я испугался, что изоляция не выдержит.

– Обалдеть!

Эйс был в восторге. И зрители тоже, когда это увидели. Дымящуюся гитару Эйс впервые задействовал в песне “2000 Man”. Публика обожала эту песню – а теперь и вовсе редела от восторга, когда в гитаре вспыхивал огонь и изнутри валил дым. После первого выступления Эйс подошел ко мне.

– Слушай, это просто офигенно. Что бы нам ещё такого придумать?

Та гитара стала лишь первой в череде самых разных гитар, которые мы сделали за следующие несколько лет. Эйс просто

фонтанировал идеями. Я приступал к разработке, когда начинались гастроли, и продолжал совершенствовать свои гитары в пути. Спецэффекты становились все лучше и лучше. Мне все это очень нравилось, да и Эйсу тоже.

Всю жизнь со мной никто не желал общаться, а теперь вдруг все переменялось. Родственники, которых я не видел с тех пор, как мне было пять, объявлялись у служебного выхода со сцены, заверяя в своей любви и выпрашивая «парочку пропусков за кулисы, если сможешь». Обычно я мог.

Попадались мне не только родственники. О сексуальных аппетитах наших парней ходили легенды, и я нередко натыкался на их «подружек». Однажды в Мэриленде мы зарезервировали весь верхний этаж лучшего отеля в штате и зарегистрировались под вымышленными именами. Несмотря на наши усилия, поблизости всегда ошивались толпы фанатов. После концерта я устало протащился мимо них и направился к лифтам. Со мной внутрь зашли еще две девушки. Они были довольно красивы и весьма вызывающе одеты. Одну я помню до сих пор – у нее были рыжие волосы и красная шелковая блузка, расстегнутая почти до пупка. И высокие каблуки. Однако, на проститутку она не была похожа. (К тому времени я повидал достаточно проституток, чтобы уловить разницу.) Просто она выглядела весьма *агрессивно*, если можно сказать.

Я нажал кнопку последнего этажа, потом повернулся к ним и спросил:

- Вам куда?
 - Туда же, – ответила девица в красной блузке.
 - А приглашение у вас есть? А то наши охранники вас не пустят.
 - Мы идем отсосать Джину Симмонсу, – невозмутимо сказала она.
- Он нас ждет.

- Понятно, – протянул я. Что я мог еще сказать? Добравшись до верхнего этажа, я направился в свою комнату, а они – к Симмонсу. Их действительно там ждали.

Подобное я наблюдал каждый вечер, но девица в красной блузке почему-то мне особенно запомнилась. Возможно, дело было в ее уверенности. Я же ощущал себя уверенным только с Мишкой. Тем вечером я закрылся в своем номере и принялся работать над усовершенствованием очередной гитары. В одиночку.

Понемногу я становился экспертом по спецэффектам для KISS. Но так было в их мире. Возвращаясь домой, я вновь окунался в свой собственный мир, куда более прозаичный. Толпа, шум, сцена – все исчезало, как будто никогда и не было. Собственно, некоторые жители крошечного Амхерста так и считали – что я все это выдумал.

Перед тем, как отправиться в тур, мы выстраивали все шоу и репетировали его на Лонг-Айленде. Несколько раз я брал с собой Прохвоста. Он был в восторге. В то время он пошел в седьмой класс, и ему задали написать сочинение, как он провел каникулы. И он, разумеется, написал: «Мой брат работает с группой KISS. Он водил меня на репетицию в Нассау, и я там познакомился с Полом Стэнли и Джином Симмонсом. Я видел их без грима, а они рассказывали мне неприличные анекдоты».

В те дни увидеть участников KISS вживую было чем-то фантастическим, тем более, без их сногшибательного грима. Поэтому брата отправили к школьному психологу по поводу его «бурных фантазий», от которых он не желал отказываться.

На следующий день я пошел в школу вместе с ним, чтобы во всем разобраться.

- Какого черта вы прицепились к моему брату? - спросил я психолога. К 21 году я не научился такту, но умел излагать свои мысли прямо и жестко. К тому же, воспоминания о моих собственных школьных злоключениях были еще очень свежи.

Не знаю, что подействовало сильнее - мое честное лицо, мои внушительные габариты или моя грубость. А может быть, фотографии, которые я носил в золотом чемоданчике, подаренном Эйсом и оклеенном изнутри пропусками за кулисы. Как бы то ни было, с тех пор учителя не сомневались в рассказах Прохвоста о группе KISS.

- Вот ведь сборище придурков, - буркнул я брату, выходя из школы.

- Ага, - согласился он. Через несколько месяцев он последовал моему примеру и бросил школу.

Меня всегда забавляла реакция людей на подобные вещи. Им казалась невероятной сама идея, что я работаю с KISS. Для меня это была просто интересная работа. Кому-то надо ее делать - почему бы не мне?

- Поверить не могу, что ты знаком с Эйсом Фрейли! Он же мой кумир! Расскажи, какой он, - тараторила Анна, продавщица в пиццерии «Супериор», куда я зашел за пирожками с перцем и луком. Я никогда не знал, как отвечать на такие вопросы. «Они просто музыканты», - думал я. - «Что тут рассказывать?»

Однажды я попытался ответить.

- Да он обычный парень, - сказал я. - Темные волосы, ростом чуть ниже меня.

- Перестань! - возмутилась она. - Никакой он не обычный! Я без тебя знаю, как он выглядит! - с этими словами она сама принялась расписывать мне, каков ее кумир, и не умолкала минут пять. Я выскользнул из пиццерии и пошел чистить мотоцикл. Надо было как-то отделаться от нее, но я не мог уйти, не получив свой заказ. Анна увязалась за мной.

- Ну, а Джин?

- Какой Джин? - рассеянно спросил я, полируя хромированную выхлопную трубу.

- Джин Симмонс! Говорят, что он может лизнуть себе глаз. Это правда?

«Господи», - подумал я. - «Когда же это закончится...»

- Ну... Язык у него длинный, это да. И девушки его любят.

Я не знал, что еще сказать. К счастью, в этот момент из дверей вышел ее босс с моим заказом, и это позволило мне покинуть Анну и ее Безумный Мир Рок-Звезд.

Не знаю, дело в синдроме Аспергера или во мне, но на меня никогда не действовала чья-то «звездность». Каким бы ни был знаменитым музыкант, для меня он оставался парнем со сломанной

гитарой или идеей насчет спецэффекта. Но мне никак не удавалось донести до других эту простую вещь.

- Ты чересчур скромничаешь, - говорили те, кто относился ко мне хорошо.

- Ты просто самодовольный кретин, - говорили те, кому я не нравился.

Правда была в том, что для меня существовали лишь мои инженерные творения. Гитарист для меня был все равно что пилот гоночной машины. А я - механик, который собирает и чинит двигатели. Мы были в одной команде, но вел машину не я. Я даже не видел гоночной трассы. Моим миром были двигатели.

Глава 15

Паром до Детройта

В первый год моих разъездов с KISS я звонил домой каждую неделю. Мобильных телефонов тогда еще не было, так что позвонить в другой город было сложнее, чем теперь. В мотелях телефоны имелись, но это был настоящий грабеж – некоторые ушлые владельцы брали по доллару за минуту междугородного разговора. Мы возили собственные телефонные аппараты в грузовике с прочим оборудованием. Приезжая на очередную концертную площадку, мы подключали их к линии и начинали названивать.

Я всегда звонил Прохвосту. Похоже, он скучал по мне, и я знал, что он рад меня слышать. В то лето ему исполнилось четырнадцать.

Время от времени он сообщал странные новости о жизни в Нортхэмптоне, куда наша мать отправила его во время своего очередного приступа. Тем летом он жил с доктором Финчем и его приспешниками в старом разваливающемся особняке в центре города. В доме царила атмосфера секты, поэтому я там редко бывал.

Иногда брат о чем-нибудь просил и был весьма настойчив. Однажды я позвонил ему откуда-то из западных штатов, и он сказал:

– Джон Элдер, можно я к тебе приеду? Например, завтра?

Я понял, что у него что-то на уме. «Наверняка хочет, чтобы я ему что-то купил», – подумал я. Учитывая, что отец скатился на дно, а мать не работала и совсем помешалась, я превращался для брата в ходячий кошелек. Порой казалось, что его запросы растут быстрее, чем мои доходы. Когда он был маленьким, то любил наряжаться в алюминиевую фольгу. Теперь же ему хотелось носить дизайнерские вещи, и он решил, что я обязан ему все это покупать. Я уже не мог дождаться, когда он вырастет и пойдет работать.

– Ладно, – сказал я. – Будь завтра к шести вечера в аэропорту Брэдли-Филд у терминала «Эйр-Каман». Я отвезу тебя на наш концерт в Кливленде.

Я приехал за ним на «Кадиллаке». Я всегда брал на прокат «Кадиллак», когда представлялась такая возможность, хотя наш менеджер каждый раз ныл по поводу расходов. Мы с Прохвостом любили эти машины. В прокате они всегда были новые, и у них был свой характерный запах. Кроме того, наша бабушка водила «Кадиллак» во времена нашего детства, так что в нем мы чувствовали себя как дома.

Я всегда бережно обращался с арендованными «Кадиллаками», если не считать случая, когда я одолжил машину нашему пиротехнику, а он дал на ней прокатиться двум стюардессам из Чаттануги. По крайней мере, они называли себя стюардессами. Девушки испарились вместе с машиной, и прокатная фирма хотела списать ее полную стоимость – двадцать тысяч долларов – с моей карточки. Вскоре машину обнаружили возле аэропорта Шарлотт. Стюардесс мы больше так и не видели. Менеджер группы уладил все финансовые вопросы.

С тех пор я больше не давал свои «Кадиллаки» никому из команды.

Кливлендский аэропорт находился на приличном расстоянии от города. Но стоило нам пересечь городскую черту, брат тут же взялся за свое.

- Где тут торговый центр? - спросил он.

«Мы и десяти минут не провели в городе, а ему уже нейдет!» - подумал я. Дома полно торговых комплексов. Для этого не нужно лететь на самолете за тысячу миль.

- Мне нужна новая одежда, - решил он привести веский аргумент.

Не желая отпускать его в магазинный загул, я свернул с шоссе в спальный район.

- Тут нет магазинов, - я обвел рукой темноту.

Прохвост посмотрел по сторонам. Мы оказались в какой-то глуши. Вокруг не было ничего кроме жилых домов, да и они с каждой милей отстояли друг от друга все дальше. Ночь стояла темная, а фонарей на улице было мало. Нам даже не попалось ни одной автозаправки или мелкого придорожного магазинчика.

Но Прохвост знал - если есть жилые дома, то поблизости должны быть и магазины.

И тут меня посетило вдохновение. Может быть, его удастся провести. Теперь, когда он повзрослел, обмануть его гораздо труднее. Но все-таки...

- Прохвост, тут нет магазинов. Вообще никаких. Если ты приехал сюда ради покупок, не обольщайся. Кливленд - это религиозная община. Поэтому он так и называется. Здесь живут кливиты.

- Какие еще кливиты? - недоверчиво спросил он. Но я продолжал раскручивать идею.

- Это очень религиозные люди. Они и основали этот город. Поклоняются святому Кливу, покровителю урожая. Они вроде наших массачусетских шейкеров.³

Что он мог на это возразить? Он видел, как люди поклоняются святым в Мексике. Мать брала его с собой несколько лет назад, когда ездила туда в поисках вдохновения для своих картин. Теперь Прохвост был у меня на крючке, и я продолжил.

- Если честно, я ужасно удивлен, что KISS разрешили здесь выступать. Обычно тут только госпел поют. Ну, ты знаешь, как в других религиозных общинах. Меннониты, амиши, муниты. Они бы никогда не пригласили KISS. Ни за что в жизни. Но времена меняются. Может быть, скоро мы будем выступать перед мормонами в Солт-Лейк-Сити.

Но мысли Прохвоста по-прежнему были заняты покупками.

- Мне *очень* нужна новая одежда. Смотри, я фотки взял.

Он притащил с собой рекламные буклеты «Кельвин Кляйн» и вырезки из журналов «People» и «US» с шикарными одетыми моделями и знаменитостями. Он вырезал особо понравившиеся фотографии и даже соорудил что-то вроде коллажа. Это было бы вполне симпатично, если

³ Шейкеры (от англ. "shake" - «трясти») - протестантская религиозная секта, которая была основана в Англии и затем переместилась в США. Официальное название - Объединенное сообщество верующих во второе пришествие Христа. Религиозные обряды секты сопровождалась экстатическими танцами, или «тряской».

бы с помощью своего творения он не собирался вытрясти из меня полтысячи долларов.

- Не могу я твои картинки разглядывать, я за рулем.

«Надо было его в багажник засунуть», - подумал я. Брат нетерпеливо подпрыгивал на сиденье, сжимая журналы в руках. От своих планов он отказываться не собирался.

- Прохвост, ты не понимаешь. В Кливленде нет крупных магазинов. Совсем нет. Есть только церкви, заправочные станции и бакалейные лавки. Все.

- И что же нам делать? - спросил он таким тоном, как будто это моя проблема.

- Я-то знаю, что буду делать. У нас завтра концерт в «Ричфилд Колизее». Так что я буду работать. Можешь пойти со мной, посмотришь на пиротехнику, которую мы придумали для песни "Rock and Roll All Night".

- Но мне нужна одежда, - теперь он уже откровенно канючил.

Меня посетила новая мысль. Прохвосту повезло, что я умел импровизировать. Большинство старших братьев давно исчерпали бы запас идей и просто отвесили ему подзатыльник. Но я только начал входить во вкус.

- Слушай, если тебе позарез надо в магазин, можешь взять такси до пристани и отправиться на пароме в Детройт. Это в девяноста милях отсюда, на той стороне озера Эри. Но должен предупредить, это жуткое зрелище. Я бы туда не пошел.

Перед моими глазами живо нарисовалась картина паромной пристани. Прямо-таки сцена из Библии. Содом и Гоморра. Поклонение золотому тельцу. Обезумевшие грешники, ждущие кары господней. Все это и многое другое - прямо у кливлендского причала. Воображение у меня разыгралось.

- Там просто ужас что творится, - рассказывал я. - Алчные люди, жаждущие покупать, покупать и покупать. Они пьют, гогочут, толкаются. Толпятся на пристани и ждут парома, как наркоман - дозу героина. Я туда не поеду. И вообще, у меня одежды достаточно, новая мне не нужна.

- Одежда у тебя - отстой, - фыркнул брат. - Вся грязная и замусоленная. И вообще, сейчас никто такое не носит.

- Ну, я не собираюсь тратить целый день, чтобы плавать на пароме за шмотками. Что, если он затонет?

- А может затонуть?

- Черт, Прохвост, через озеро плыть несколько часов. Даже берега не видно! Ты ведь слышал песню об «Эдмунде Фитцджеральде»? Ее поет Гордон Лайтфут. Так назывался корабль - «Эдмунд Фитцджеральд». Девятьсот футов длиной. Он затонул во время шторма - не осталось и следа.

- Ну... слышал вроде, - он явно не знал, что еще сказать.

- Это случилось прямо здесь. На Великих Озерах.

Однако, похоже, образ огромного тонущего корабля его не слишком напугал. Жажда покупок была сильнее.

- Двадцать девять человек утонуло. Весь экипаж.

- Если погода будет хорошая, я все равно поеду.

Раз уж он сделал выбор, я постарался его приободрить.

- Когда доберешься, посмотри на волны. Если будут захлестывать причал, не садись на паром. Ладно?

- Хорошо, - согласился он, наверняка надеясь на погожий день. - Отвези меня туда утром, а там посмотрим.

- Я не знаю, как туда ехать. И мне работать надо. Возьми такси. Я дам тебе двести долларов на одежду, плюс деньги на такси и паром. Но добираться будешь сам.

- Спасибо, Джон Элдер, - похоже, он решил, что выиграл.

Мы добрались до мотеля и пошли в номер. Наша охрана даже поставила заграждение, чтобы фанаты не проникли в нашу часть гостиницы. Но Прохвоста охранники хорошо знали.

Навстречу нам попался Эйс и один из техников.

- Э-эй! Это же мини-Усилочек!

- И большой с ним!

Прохвосту не нравилось, что его звали мини-Усилочком. Он сказал:

- Я отправляюсь в Детройт на пароме. За новыми шмотками.

- Да это ж офигеть как круто. Пива хочешь? - предложил Эйс.

Прохвост попятился от него. Мы дошли до номера, и я показал брату, где он будет спать - на полу у окна. В комнате стояло две кровати, но на одной спал я сам, а другую использовал в качестве монтажного стола.

- Не буду я спать на полу. Убирай свое барахло с кровати.

- Прохвост, ты должен быть благодарен за то, что имеешь. Я извел четыре тысячи галлонов самолетного топлива, чтобы доставить тебя сюда. А теперь тебе кровать подавай?

Мой брат понятия не имел, сколько денег и усилий требовалось, чтобы привезти его в Кливленд. Я, на самом деле, тоже не знал, но он-то об этом не догадывался. Я посмотрел на кровать и обдумал ситуацию. Если положить его на пол, он будет ныть всю ночь. Если выставлю его за дверь и запрусь - закатит сцену. Пусть лучше спит на кровати.

- Ладно, помоги мне аккуратно переложить все на комод. Но сначала нам нужно открутить и перенести телевизор, чтобы хватило места. Дай мне отвертку «Филипс» из чемоданчика.

Вместе мы расчистили ему место для сна. За все это время он не проявил ни малейшего интереса к устройствам, над которыми я работал. Я был разочарован.

Было ясно, что Прохвост не заснет, пока все не выяснит насчет своей завтрашней поездки. Собравшись с духом, он отправился к портю.

Он приподнялся на цыпочки, чтобы опереться о стойку, а потом принял светское выражение лица и осведомился:

- Не подскажете, где здесь ходит паром до Детройта?

За стойкой дежурила прыщавая девица лет двадцати, на вид совсем деревенщина. Она непонимающе уставилась на него.

- Паром до Детройта, - медленно повторил он, на случай, если она была слегка туповата.

- Э-э-э... Не знаю, - промямлила она растерянно. Обслуживающий персонал в мотелях, где мы останавливались, не всегда был высшего класса.

Прохвост быстро вернулся и припер меня к стенке.

- Опять твои шутки, Джон Элдер?

Но у меня уже был готов ответ.

- Сам посмотри и подумай. Ты видел хоть один магазин за то время, что мы здесь?

И Прохвост снова попался.

- Не знаю, - теперь он мямлил, как та девица. Он был в растерянности. Но ему отчаянно хотелось заполучить модную одежду, как в журналах.

- Главное событие года в здешней общине - фестиваль святого Клива, - сказал я. - Наш концерт приходится на начало праздничной недели. Вспомни Мексику, разве ты видел, чтобы люди выходили из церкви и тут же бежали по магазинам?

Он решил, что я могу быть прав.

- Поспрашивай сам вокруг, поищи кого-нибудь, - закончил я разговор.

Прохвост направился по коридору, а я тайком пошел следом, чтобы подслушать. Он подошел к первым, кто попался ему навстречу. Это была приятная пара средних лет.

- Извините, пожалуйста. Вы не знаете, где здесь ходит паром до Детройта? - теперь он был сама вежливость.

- Прости, мы сами из Сан-Франциско, - супруги улыбнулись прелестному мальчику со светлыми кудряшками. Такие вот милые люди покупают детей вроде Прохвоста и выращивают их, как домашних питомцев. Но Прохвост не хотел быть питомцем. Ему нужна была одежда.

Он понял, что ему нужен кто-то из местных. Может, кто-то, кто здесь работает, но потолковее, чем девица за стойкой. В коридоре у служебного входа он обнаружил уборщика. Он-то наверняка местный и все знает.

- Извините, где тут ходит паром до Детройта? - Прохвост по-прежнему был вежлив.

Уборщик уставился на него поверх своей тележки с метлами, швабрами и тряпками.

- Че-го-о?

- Мне нужно в магазин. Как добраться до парома?

- Паром до Детройта? Ты совсем сдурел? Если надо в магазин, иди в магазин! Тут полмили по улице!

Уборщик развернулся и пошаркал прочь. «Бывают же идиоты», - пробормотал он, катя тележку по коридору. Он закашлялся и сплюнул на ковровую дорожку.

Прохвост остался стоять с кислой улыбкой на лице, соображая, что его провели. Он больше не сказал ни слова.

Я удалился в свою комнату, весьма довольный собой. Кто угодно обхитрит четырехлетнего ребенка, но попробуйте разыграть четырнадцатилетнего. Тут нужно быть мастером. Я понимал, что Прохвост становится старше и умнее. Возможно, мне больше не удастся его провести.

Скоро он вырастет, и мне придется придумать ему новое имя. Имя Крис, которым его называли родители, никуда не годится.

На следующий день я сводил его в магазин. После кливлендского концерта он отправился домой с сумкой обновок, более-менее

довольный. Когда я в следующий раз позвонил ему, он попросил у меня велосипед.

Глава 16

Стать частью машины

Многие аспергианцы испытывают особую тягу к технике. Иногда мне кажется, что хороший механизм мне ближе и понятнее, чем кто-либо из людей. Я много размышлял о причинах, и у меня есть несколько предположений на этот счет. Во-первых, машина находится под моим контролем. Мы не взаимодействуем как равные. Неважно, насколько машина велика – я главный. Машины не спорят. Они предсказуемы. Они не хитрят и не делают гадостей.

Я плохо распознаю намерения других людей. Мне сложно, взглянув на человека, определить, нравлюсь ли я ему, или он злится на меня, или просто ждет, чтобы я что-то сказал. С машинами таких проблем нет.

Я ощущаю родство с самыми разными механизмами. Попробую объяснить.

Представьте, что вы находитесь на концерте, и зал забит до отказа. Вы стоите на возвышении – на платформе, где находятся пульта, управляющие звуком и светом. Вы смотрите на море голов перед сценой. В зале кромешная темнота, лишь вдоль стен виднеются знаки «Не курить». Когда ветер дует в вашу сторону, до вас доносится душок марихуаны. (Хотя, казалось бы, откуда в зале ветер?) Потолок так высоко, что кажется, будто под ним клубятся облака. А вокруг движется и бурлит толпа. Огоньки зажигалок и лазерных указок мерцают, как светлячки. Толпа похожа на единый гигантский организм. Хорошо, что вы стоите над ней, на свободном пространстве, а между вами и зрителями – надежное ограждение.

Еще ничего не происходит, но зал гудит. И вы знаете, что эта публика может обезуметь в один миг. Вы прислушиваетесь, не начнется ли стрельба. Беспокоитесь, не пронес ли кто-то с собой ножи. Смотрите вниз, чтобы убедиться, что охранники стоят на своих местах перед платформой. Их вид успокаивает – две мощных фигуры в черных футболках, на которых большими буквами написано «Охрана».

Стоит пятничный июньский вечер, на улице жара. Перед началом концерта администратор говорит, что в зале девяносто две тысячи человек, а очередь у входа растянулась на полмили. Внутри должны работать кондиционеры, но воздух раскален. Вы потеете и ощущаете запах толпы. Вам хочется выйти на воздух, но до двери пятьсот футов, и перспектива продираться сквозь людскую массу вас не прельщает. Вы содрогаетесь при мысли, что тут было бы, случись вдруг пожар.

Чем дольше не загорается свет, тем сильнее нервничает толпа. Единственные огни, что вы видите, это знаки «Выход» и подсветка пультов, где вы стоите. Вы уязвимы. Если толпа взбунтуется, вы знаете, что первым попадете под удар.

Вы думаете об этом, продолжая ждать.

Рядом с вами стоят главный осветитель, звукооператор, администратор тура и начальник пожарной охраны. Толпа заводится, и через пару минут люди начинают скандировать. Почти пора. Перед

вами загорается красная лампочка. Осветитель наклоняется вперед, включает микрофон на своей гарнитуре и говорит: «Пора начинать, парни». Вы протягиваете руку и зажигаете огни. Нажатие первой кнопки отдается в животе. «Что, если ничего не произойдет? Если ничего не сработает?»

Но на сцене вспыхивают огни, и волна света окатывает вас. Они зажглись. Ваши огни.

Это словно бы волшебство – так слаженно все работает, хотя вам это вовсе не кажется волшебством, ведь вы понимаете, как устроен каждый компонент, и знаете, что никакой магии в этом нет. Лишь простейшие принципы электротехники. Вы взяли тысячу безжизненных деталей – лампы, отражатели, автоматические выключатели, реостаты, провода, зажимы и стяжки – и превратили их в живое существо. Вы – его хозяин.

Вы придумали его и создали, а теперь стали его частью. И оно ожило. Электричество – его пища, а вы – его мозг. Вы стали одним целым с машиной. Пока вы остаетесь ее частью, она живет. Без вас она распадется на составные элементы. Но если что-то перегорит, пока вы управляете ею – если вы дадите слишком большую нагрузку или допустите ошибку – это тоже ее погубит.

Чтобы стать мозгом осветительной системы, необходима предельная сосредоточенность и внимание. Легко сказать: «Нажми кнопку, и загорятся лампочки». Реальность куда сложнее. Свет нужно включать постепенно, чтобы лампы не перегорели. Чтобы зажечь их все, пальцы должны танцевать над пультом. Включить первый прожектор, потом второй... если двигаться слишком быстро, можно перегрузить систему, тогда вылетят пробки, и вы останетесь ни с чем. В темноте. Вот ваш худший кошмар во время концерта. В темноте толпа звереет, а этого ни за что нельзя допустить. Вы должны шестым чувством ощущать свою систему, чтобы знать, как она ведет себя – тогда вы будете мастером своего дела.

И вот вы приступаете к работе. Разноцветные снопы света падают с потолка на сцену, омывая ее. Они скользят и меняются, а вы переключаетесь с прожектора на прожектор, и ваши руки непрерывно танцуют над пультом в такт музыке. Дымовые машины за сценой извергают клубы тумана, а ваши огни чертят в них узоры.

Теперь различимы лица людей, их глаза устремлены на сцену. Там разворачивается действие, яркое, громкое. А вы – словно волшебник страны Оз. Вы стоите на открытом месте, но никто вас не видит.

Каждый раз, когда свет меняется по мановению ваших рук, у вас бегут мурашки по коже. Движение двух пальцев – и вы оживили огни мощностью в миллион ватт. Легкий щелчок – и вы переключили ток такой силы, что хватило бы на целый район города. Вся ваша умственная энергия сосредоточена на осветительной системе. Когда концерт идет, нет времени отвлекаться. Вы знаете цвет, фокус и направление каждого из трех сотен прожекторов. Вы пристально следите за ними и выбираете каждый по очереди, в нужное время, внося тончайшие поправки.

Вы так сосредоточены, что даже не слышите музыки, не видите толпы. Вы видите лишь каждую из трех сотен ламп, и каждая – как отдельная личность. Только так можно добиться общей слаженности.

Это как игра на огромном световом органе, и ваши руки безостановочно танцуют над рычажками.

Окажись вы за сценой, возле щитка освещения, вы бы услышали могучее гудение, раздавшееся в тот момент, когда загорелись огни. В пятидесяти футах над полом зажглись три сотни ламп, и от них прокатилась волна жара, словно кто-то открыл дверь топки.

Когда концерт начинается, все происходит одновременно. Загораются огни, стреляет пиротехника, группа начинает играть. Высоко вверху, в противоположной части зала, включаются десятифутовые следящие прожекторы с мощными ксеноновыми лампами – и высвечивают музыкантов, словно нащупывая их длинными белыми пальцами. Звукооператор рядом с вами следит, как на его собственном пульте датчики смещаются из зеленого в красный. Начальник пожарной охраны подносит к глазам шумомер, хмурится и машет им перед носом у администратора. Разговаривать в таком грохоте невозможно. На шкале – 124 децибела, почти как при взлете реактивного самолета в аэропорту Детройта. Это выше, чем разрешено законом, но начальника никто не слушает. Толпа ревет, и музыка становится еще громче.

И этого всегда будет мало. Всегда можно найти прожекторы еще ярче, а усилители еще мощнее. На каждом концерте эти машины выдают сто процентов своих возможностей. Миллион ватт электричества – на кончиках ваших пальцев. С этим не сравнится ничто в мире.

Глава 17

Рок-н-ролл всю ночь

Гастрольный тур «KISS возвращаются» начался летом 1979 года. Первый концерт должен был состояться 15 июня в Лейкленде, штат Флорида. Туда же отправился и я.

С весны я работал над новой коллекцией гитар со спецэффектами для Эйса. Вместе со Стивом Карром, мастером по изготовлению струнных инструментов, мы с Тексом доводили мои творения до ума. Карр занимался резьбой и окончательной отделкой, а Текс играл на готовых гитарах, проверяя их в деле. Я изготавливал и собирал электронную начинку. Группа только что выпустила альбом “Dynasty”, и их песни вновь занимали верхние строки хит-парадов.

В этом туре группа использовала полностью обновленное оснащение. Новые декорации. Новые спецэффекты. Новые костюмы. И все гитары, которые мы сделали, тоже были новыми. Это очень радовало, и лишь одна мысль меня беспокоила – будет ли все это работать?

За неделю до первого концерта команда отбыла во Флориду, чтобы подготовить сцену, а мне приходилось в бешеном темпе все доделывать. Казалось, я работал двадцать пять часов в сутки. Текс и администратор тура ежедневно мне названивали, спрашивая, почему так долго, и я был постоянно на взводе.

– Тебя все заждались, – говорил Текс. – Тур вот-вот начнется!

А мы сидели в мастерской и до последней минуты все собирали и налаживали. Сработает ли это на настоящем концерте? Перед толпой зрителей? Оставалось только надеяться.

Наконец, жарким солнечным утром, за два дня до концерта, я прибыл в Орландо. В обрезанных голубых джинсах, с бородой и длинными волосами я больше смахивал на байкера, чем на туриста, но главное, что я был на месте. При мне была сумка с одеждой, ящик, где лежали инструменты, запчасти, пиротехника и оружие, и два чехла с гитарами. Сойдя с самолета, я оказался среди сотен мамаш с детьми, прилетевших в Диснейленд на выходные. Они были шумные, бесцеремонные и источали странные запахи. Большинство старалось держаться на почтительном расстоянии от меня.

От выхода до терминала нас доставили на монорельсе. Пока я ждал своего багажа, какие-то дети скакали прямо по сумкам и чемоданам. Я пытался вспомнить, что читал о законах Флориды насчет огнестрельного оружия, и прикидывал, какие из них нарушил.

На улице, за пределами терминала, воздух был горячим и влажным, как в турецкой бане. Я летел первым классом, а во Флориде взял на прокат «Линкольн», машину с самым мощным кондиционером, которая у них имелась. Все это я записал на счет группы. Если гитары отработают как надо, мне возместят любые расходы. Если же что-то пойдет не так – до новой жизни на Карибах отсюда всего час лету.

Я направился в гостиницу – приземистое двухэтажное здание с облупившейся штукатуркой, плесенью и слабым запахом тины. Во

Флориде везде пахло тиной. Тут кругом было болото кроме тех мест, где люди осушили его, вымостили улицы и построили дома. Мне дали номер на первом этаже с двумя кроватями и телевизором.

От дорогой сети отелей я ожидал совсем другого. Вся гостиница выглядела дешевой и запущенной. Кровати жесткие, стулья расшатанные, а открывалка для бутылок прикручена к умывальному столику прямо рядом с унитазом. В общем, это было одно из тех мест, где лучше ничего не трогать голыми руками, и где в бассейн мочатся даже взрослые. Но я подумал – сойдет. В конце концов, мне здесь только две ночи провести.

Закрыв дверь, я распаковал гитары и аккуратно положил их на кровать, чтобы не поцарапать. В обеих использовались аккумуляторы «Фрецолини», поэтому я включил зарядные устройства и убедился, что индикаторы горят. Кажется, в дороге ничего не сломалось.

Чтобы на гитарах можно было играть, их следовало заряжать не меньше часа. Коротая время, я вытащил свой револьвер и служебный пропуск со дна чемодана. Из другой сумки я достал пули – даже в те времена запрещалось проносить заряженное оружие на борт самолета. Я зарядил револьвер и сунул его под двойное дно фирменного чемоданчика «Халлибертон».⁴

Когда гитары зарядились, я взял ту, что с подсветкой, и повернул один из регуляторов. Гитара ожила, и по ее корпусу побежали полосы света. Похоже, все 750 крошечных лампочек работали. Я ощутил, как они греют мне руку сквозь прозрачное пластиковое покрытие. Я выключил их, чтобы не расходовать батарею.

Следом я взял в руки дымовую гитару и проверил ее начинку. Щелкнув переключателем, я пару секунд глядел, как светится лампочка, потом осмотрел содержимое.

Больше делать было нечего. Все готово – тянуть бесполезно. Я отнес гитары в машину.

Когда я добрался до арены, большая часть установочных работ была уже закончена. Кто-то из команды перекусывал, стоя возле буфета. Один парень запускал модель самолета над рядами сидений. Два плотника ушли за сцену и там накачивались кокаином, дорожка за дорожкой. Мне они тоже предложили. Кокаин может придать энергии, но я и так был достаточно взбудоражен. Меня не отпускала тревога, сработают ли мои изобретения, и наркотики были ни к чему.

Я прошел мимо кокаинщиков и отнес гитары в примерку, где мы их и включили. Большая часть команды еще ни разу их не видела, и в комнату сразу набилось столько людей, что некоторым пришлось остаться в дверях. Текс и Пол – два наших гитарных техника – подошли поближе, чтобы как следует разглядеть инструменты.

Все радостно заулыбались, когда Текс включил гитару с подсветкой, и белые полосы забегали вверх-вниз по ее корпусу. Блики света скользили по стене, как рябь на озере в солнечный день, только гораздо ярче.

– Это же просто класс. Невероятно!

Все столпились вокруг. Никто раньше не видел ничего подобного.

4 “Zero Halliburton” – компания по производству престижных дорожных и деловых кейсов. Этой же фирмой изготовлен знаменитый «ядерный чемоданчик» президента США.

- Черт, ну и яркая же она!

Кто-то выключил верхний свет, и мы продолжили созерцать гитару. Похоже, что все получилось.

Вскоре появился Эйс. Он взял гитару и осторожно повернул ее в руках - словно она была живая и могла укусить. Я понимал его. Когда держишь ее в руках, то ощущаешь, как тепло лампочек скользит по твоей коже. Она действительно казалась живой. Если положить ладонь на корпус, гитара словно ластилась о твою руку.

- Ну, Усилок, ты даешь. Рехнуться можно!

Мы вынесли гитары на сцену и подключили к комплекту из шести усилителей «Маршалл». Звук разнесся по пустому концертному залу. Эйс был в восторге, а я выдохнул с чувством облегчения и гордости. До концерта оставалась всего одна ночь.

Сценическое оформление также делалось по особому заказу KISS, и мне нужно было кое-что приварить к алюминиевому каркасу со стороны сцены, где стоял Эйс, чтобы дополнительные «примочки» для гитар были у него под рукой. Я объяснил старшему плотнику, что мне нужно, и он пообещал, что за вечер все сделает.

- Имей в виду, я тебе делаю большое одолжение. С тебя галлон джина «Танкерей», - сказал он. Я согласился - что еще оставалось делать? После нервотрепки с гитарами я был слишком взвинчен, чтобы уснуть, но через какое-то время пошел в свой номер и просто отключился.

Когда я проснулся, в окна ярко светило солнце. Мой номер выходил на лужайку, которая шла под уклон и спускалась к зарослям высокой болотной травы. Вид был вполне живописный, портил его только знак футах в десяти от двери:

*Осторожно
Берегитесь рептилий
За знак не заходить*

Заметил я эту надпись только сейчас - впрочем, когда я приехал, меня вообще мало что волновало кроме гитар. Решив сфотографировать табличку, я открыл дверь и чуть не наступил на большого черного щитомордника, гревшегося на солнце на бетонном патио. На патио моего номера.

Это была здоровенная змея фута три длиной и толщиной чуть не мою ногу. Выглядела она весьма агрессивно. Змея заметила меня, отпрянула и раскрыла бледную бело-розовую пасть, готовясь к атаке. Я видел таких раньше, на ферме деда с бабушкой. Гремучие змеи уползали прочь, если их не трогать, но щитомордники защищали свою территорию и могли напасть. По крайней мере, этот явно собрался атаковать. Я захлопнул дверь и стал думать, что делать дальше.

Первый раз я увидел ядовитую змею, когда мне было лет восемь. Но даже тогда я знал, как поступить. Я пошел в дом, взял энциклопедию, открыл статью «Змеи» и все о них прочел. Водяные щитомордники были опасны, как и гремучие змеи, и медноголовые, но я выяснил, что в других краях водятся куда более опасные виды. Я сразу решил, что ни за что в эти места не поеду.

В детстве я читал, что риск умереть от укуса змеи меньше, чем вероятность утонуть в бассейне или погибнуть в автокатастрофе. Но сегодня от статистики было мало прока. В двух футах от меня находилась разъяренная ядовитая змея, от которой меня отделяла хлипкая металлическая дверь. Я должен был что-то предпринять. Если лечь спать дальше, горничная, которая придет убирать номер, запустит ее внутрь. А мне совсем не хотелось, чтобы по моей комнате ползала змея. Если я хотел оставить себе возможность утонуть в бассейне или разбиться на машине, нужно было избавиться от нее или ускользнуть живым. Шансы, что она меня укусит, сейчас были как нельзя высоки.

Жители северных штатов говорят: «Зачем убивать змей? Они не страшные. Они не тронут вас, если их не провоцировать». Южане такого не скажут, и у них есть на то причины. У моего деда был наемный работник, Джеральд, и однажды он ткнул щитомордника палкой, думая, что тот уползет. Как бы не так. Змея молниеносно влезла по палке и цапнула его. Вся рука у Джеральда стала лиловой, и он чуть не умер.

Когда мне было пятнадцать, змея свалилась с ветки прямо в лодку, на которой я плавал. Я выстрелил в нее шесть раз, потом ударил веслом, и она все еще пыталась меня укусить. Лодка в итоге чуть не потонула. Когда-то давно мой прадед Данди дал мне лучший совет, как справиться со змеей: «стреляй дробью, шестым номером».

Именно такой дробью он заряжал свой обрез, когда ходил по болотам и высокой траве.

Обреза у меня не было, но имелась неплохая альтернатива. Я открыл чемодан и достал револьвер. Высыпав патроны на кровать, я быстро зарядил его «змеиными пулями». По сути, это мелкая стальная дробь, заключенная в гильзу. Вы спросите, зачем мне змеиные пули на гастролях с рок-группой? Не спрашивайте. Я всегда носил с собой оружие и не раз проводил лето на Юге. Я прекрасно знал, что водится в болотах Флориды.

Теперь я был готов. Я распахнул дверь, опустил револьвер и через порог выстрелил в змею дважды, прежде чем она могла напасть на меня. Первый выстрел опрокинул ее на спину. Второй отбросил футов на десять в траву. Я шагнул наружу и выстрелил еще четыре раза, чтобы наверняка. Когда звуки выстрелов стихли, я огляделся.

Облако порохового дыма медленно рассеивалось. Змею разорвало пополам, ее хвост еще дергался. Купающиеся в бассейне люди пригнулись и попрятались – кто нырнул в воду, кто под шезлонг. Никто не двигался с места.

– Все в порядке, это просто была змея! – я улыбнулся и успокаивающе помахал револьвером.

Никто не шелохнулся. До меня дошло, что я стою в одних трусах и размахиваю оружием неподалеку от бассейна, где полно детей и загорающих родителей. Я развернулся и пошел к себе.

В номере я заглянул под обе кровати – убедиться, что в комнату не успел заползти какой-нибудь родственник той змеи. Потом перезарядил револьвер и натянул штаны и рубашку. Нет ничего бесполезнее, чем разряженное оружие в номере мотеля.

Я позвонил на стойку регистрации и попросил к телефону управляющего. Когда он взял трубку, я сказал:

- Ко мне под дверь приполз ядовитый щитомордник. Но все уже в порядке, я его застрелил. Можете прислать уборщика, чтобы он прибрал во дворе?

Я ожидал благодарностей, однако управляющий на меня накинулся.

- Вы палили из пистолета в моей гостинице! Совсем спятили? Вас ждут большие неприятности, мистер! Я вас в тюрьму засажу! Оставайтесь на месте. Я вызываю полицию!

Через пару мгновений он возник у меня на пороге - взбешенный, с багровым лицом - и продолжил орать, нарушая мой покой.

Вскоре появился и шериф. Здоровенный мужик весом не меньше 250 фунтов, в зеркальных солнечных очках, какие любили носить полицейские на Юге. Выглядел он не слишком дружелюбно, но я знал, что это лишь видимость. Я уже успел с ним познакомиться, когда он заходил в концертный зал для проверки мер безопасности. Оказалось, он служил во Вьетнаме. Мы поговорили о противотанковых гранатометах M72 LAW, из которых ему довелось стрелять, и я сказал, что было бы неплохо использовать снаряды от них для сценических эффектов. Потом я показал шерифу некоторые пиротехнические устройства, которые мы применяли на концертах. Я как раз начинал работать над «ракетными» гитарами.

- Что здесь произошло? - спросил он, растягивая слова на южный манер.

- Я открыл дверь, а там была змея, которая собиралась меня ужалить. Поэтому я ее застрелил, - сказал я. - Хорошо, что у меня было оружие, и я был начеку. Будь я невнимателен, она бы здорово меня цапнула.

Шериф кивнул. Он отметил выщербину в бетоне, которую оставила первая пуля не более чем в двух футах от моей двери. С такого расстояния разъяренный щитомордник легко мог напасть. Он повернулся к управляющему и сказал:

- Черт побери, Фред, тебе повезло, что парень был настороже. Ты бы проблем не обобрался, если бы змея укусила его или какого-нибудь ребенка.

Управляющий вздрогнул, но кивнул. Он явно не разделял точку зрения шерифа. Наверняка он предпочел бы, чтобы змея заползла в чей-нибудь номер, ужалила постояльца и скрылась. Прислуга обнаружила бы лиловый труп, и сотрудник похоронной конторы потихому вывез бы его из гостиницы. Без выстрелов. Без лишней суеты. В конце концов, мертвецы были обычным делом в номерах флоридских отелей. А вот стрельба нет - по крайней мере, не в Лейкленде.

Потом шериф повернулся ко мне и спросил:

- Из чего ты ее уложил, сынок?

Я показал ему револьвер. Он осмотрел его, вернул мне и сказал:

- Отличное оружие. Если бы я не смог убить из него змею, я бы бросил пушку и медленно-медленно отошел назад, пожелав змее всего наилучшего.

Он не спросил, откуда парня вроде меня большой револьвер в золотом чемоданчике. Оружие тогда носили все. Это была Флорида 1979 года. Шериф не стал задерживаться и ушел.

А я переселился в «Хилтон», где проблем с рептилиями у меня больше не было. Но сначала я настоял, чтобы в прежнем отеле мне возместили стоимость номера, поскольку условия проживания оказались совершенно неудовлетворительными. Возможно, то, как решительно и твердо я разобрался с ядовитой змеей, убедило менеджера в справедливости моих аргументов.

Приключение со змеей отвлекло меня от тревожных мыслей, но я все еще беспокоился, как мои изобретения поведут себя на первом концерте. Мы с Тексом подключили обе гитары и снова и снова проверяли их до последнего. Потом я вышел на улицу и принялся наматывать круги вокруг концертного зала, потому что не мог усидеть на месте. Зрители все прибывали, и когда я вышел на третий виток, на парковке собралось, наверное, тысяч десять человек.

Я направился к главному входу, где столпилось не меньше полусотни байкеров-неформалов, ожидающих, когда откроются двери. Я решил подойти и поглядеть на их мотоциклы. Один из байкеров заметил мой служебный пропуск.

- Эй, чувак, не проведешь меня с приятелями внутрь? У нас есть кислота и прочая дурь.

Я побоялся сказать, что в жизни не прикасался к ЛСД. К байкеру присоединились еще двое. У одного на шее болталась тяжелая цепь. Все они были куда более грязными и вонючими, чем когда-либо доводилось бывать мне. Казалось, грязь у них была возведена в культ.

- Пива хочешь?

Полиция уже поглядывала на байкеров, раздумывая, не арестовать ли их за распитие алкоголя в общественном месте. Байкеры, в свою очередь, смотрели на полицейских, прикидывая, хватит ли тем смелости их арестовать. Пока что была ничья.

К нам вразвалочку подошел еще один байкер, у которого не хватало передних зубов, и широко осклабился. Теперь я был окружен.

- Ну, сколько человек ты сможешь провести?

- У нас клевая дурь.

- Может, тебе телку надо? У нас их тоже много. Вон Элли - просто огонь.

У Элли передние зубы тоже отсутствовали.

Я не знал, как отказаться от предложения, поскольку байкеры выглядели угрожающе. Но меня не интересовала беззубая, немытая и наверняка черт знает чем больная байкерша. Не зная, как сформулировать вежливый ответ, на пару секунд я застыл на месте. Они истолковали это по-своему.

- Ты педик, что ли?

- Ладно, парни, я посмотрю, что можно сделать, - наконец сказал я.

Я вытащил пропуск, подошел к двери и заколотил в нее. Когда охранник открыл, я махнул перед ним пропуском, буркнул «спасибо» и как можно скорее протиснулся внутрь, подальше от байкеров. Возвращаться туда не стоило. Урок общения с публикой я усвоил.

Но и за кулисами мне не сиделось на месте. Ожидание убивало. Я продолжал себя спрашивать: «Сработают ли мои гитары? Сколько еще минут до начала?» Я выглянул через служебный вход, надеясь, что на улице воздух будет посвежее. Там стояла такая же духота. Но с этой

стороны здания хотя бы не было байкеров, поэтому я решил выйти наружу.

У служебного входа начали собираться фанаты, жаждущие посмотреть на прибытие группы. Я спрятал пропуск подальше, чтобы не маячил на виду. Там были и люди, одетые и раскрашенные под KISS, и десятилетние девочки с матерями, и даже парень в наряде средневекового колдуна. Толпа все прибывала, оттесняя меня к краю газона.

Я обошел здание кругом, вернулся к главному входу, поглядывая под ноги – нет ли и тут змей – вошел внутрь и направился к сцене. Между сценой и зрительскими местами стояло шестифутовое ограждение, а вдоль него прохаживались взад-вперед охранники, как сторожевые собаки в тюрьме. На ходу я с каждым из них обменялся кивком. У некоторых из них были дубинки. У меня имелся при себе револьвер. Мы были готовы. Я увидел, как в зал хлынул поток зрителей. Сработают ли мои гитары?

Наконец, концерт начался. Группа сыграла “King of the Night Time World”, затем перешла к “Radioactive”. Я так нервничал, что даже не слышал музыки. И вот настал решающий момент. Эйс взял в руки дымовую гитару и заиграл соло. Когда его пальцы повернули рычажок, запускающий шашки, я затаил дыхание. В динамиках раздался щелчок, из гитары вырвалась вспышка света и наружу повалил дым.

Эйс продолжал играть, и дым сгущался. Зрители вскочили на ноги. Они аплодировали! Моей гитаре! Я был потрясен. На меня нахлынуло такое облегчение, что когда песня закончилась и музыка стихла, я чуть не рухнул в обморок. Свет на сцене померк, Эйс отдал дымовую гитару помощнику и взял обычную. Но оставался еще один инструмент моего изготовления...

Спустя несколько песен Эйс взял мою вторую гитару и повернулся спиной к зрителям. Сцена погрузилась в темноту. Все видели, как в руках у него что-то вспыхивает, но никто не знал, что это. Он взял первые аккорды “New York Groove”, развернулся лицом, и публика взревела от восторга. Я не мог поверить в происходящее. Наверное, это был величайший триумф в моей жизни – видеть, как зрители реагируют на мою гитару. Она стала гвоздем программы, этот фрагмент концерта даже показали в новостях по телевизору. Меня охватила эйфория. Наконец-то все меня любили.

После концерта, за кулисами, Эйс засыпал меня градом вопросов:

– А ты можешь сделать гитару, чтобы она стреляла сигнальными ракетами? А девятимиллиметровыми пулями? А лазерную гитару можешь? А такую, чтобы одновременно дымилась и летала? А можно вообще ее взорвать в конце песни?

– Конечно, сделаем, – уверенно сказал я, хотя голова у меня шла кругом. Но я знал, что мне это под силу. И не сомневался, что Джим и Мишка мне помогут. У Эйса было в запасе пять новейших гитар «Лес Пол». Я взял одну из них и удалился к себе, чтобы поразмыслить над следующим изобретением.

Проснувшись на следующий день, я ощутил себя другим человеком. Мои гитары не подвели. Я доказал, что чего-то стою. Прежде я боялся, что все обернется провалом, и я с позором вернусь домой. И вот я оказался на вершине мира. Тур только начался, и мне

предстояло еще много дел. Я вдруг понял, что не взял с собой ни смену белья, ни даже носков. При мне была только одна пара штанов и две футболки. Нужно было обзавестись чистой одеждой.

Потратив два часа и пять сотен долларов, я преобразился. Исчез прежний парень по прозвищу Усилок в драных голубых джинсах и байкерской футболке. Теперь у меня имелся запас приличных шортов и рубашек с рисунком из крокодилов и лошадей. Если бы в Орландо был яхт-клуб, меня бы там приняли за своего. Так или иначе, за время тура мне предстояло посетить многие города, и теперь дети и продавцы больше не будут от меня шарахаться.

Я даже подумал, не подстричься ли, но ограничился тем, что принял душ. Потом подошло время обеда. Официантка мне улыбнулась!

- Мне два гамбургера, суп из морепродуктов и четыре стакана чая со льдом. А чуть позже - шоколадный кекс с мороженым.

Молчание.

- Спасибо, это все.

Я старался быть вежливым и при этом не остаться голодным. В конце концов, я действительно хотел есть.

В «Линкольне» начинало пахнуть грязной одеждой, валявшейся на заднем сиденье. Я упаковал все в коробку и отправил домой за счет группы. (Когда я вернулся домой спустя несколько месяцев, запах уже выветрился, но одежду я, конечно, все равно постирал.) Потом я вернулся в концертный зал и обсудил с Эйсом будущие гитары. Цель была поставлена. Я вернулся в гостиницу и принялся рисовать чертежи и схемы.

После второго концерта я собрался отдать плотнику обещанный галлон джина, но обстоятельства сложились по-другому. Пока я убирал свою аппаратуру, на входе началась какая-то суматоха. К нам явились представители управления по борьбе с наркотиками. Они вломились в двери и направились напрямик за кулисы. Я нырнул за чехлы с аппаратурой и съежился, стараясь стать незаметнее. Не прошло и минуты, как двоих наших плотников вывели в наручниках, а следом вынесли набитый чем-то пакет. Текс потом мне сказал, что у них нашли фунт кокаина. Там, куда повели плотников, мой галлон джина им не понадобится. Я таскал эту бутылку с собой целый месяц, пока не нашел, кому ее отдать.

После Лейкленда я продолжил путешествовать с группой. Это была нелегкая, но веселая жизнь, и меня всегда радовало, как люди реагируют на мои творения. Кроме того, это была разгульная жизнь, какой у меня никогда не было раньше, и порой я не знал, что со всем этим делать. Мы играли концерты на юге Флориды, где наркочилеры запросто приходили к нам за кулисы и бесплатно предлагали кокаин на пробу.

- Давай, приятель, угощайся.

На столах были подносы с дорожками кокаина и целые вазы порошка - большие, размером с миски, в которых замешивают тесто. «Колеса» у них тоже имелись. И многое другое.

И это еще не все. За кулисы являлись девицы и тоже предлагали, так сказать, попробовать бесплатно. Люди часто меня спрашивали: «Наверно, много их у тебя было, а?» Видимо, они считали, что девушки

вешались гроздьями лично на меня, а я с радостью принимал их предложения. Это не так. Я по-прежнему стеснялся знакомиться, а потому никогда не заговаривал первым. Мне даже не приходило в голову провести с кем-то ночь и распрощаться на утро. Сама идея меня отталкивала.

И, конечно же, у меня уже была девушка. «Да какая разница?» – смеялись надо мной парни. – «Когда я уезжаю из дома, то открываю охотничий сезон. Сколько подцеплю, все мои!»

Меня этот подход как-то не привлекал. Мысль о том, чтобы каждый раз с кем-то знакомиться заново, была слишком пугающей.

Пытались ли эти девушки клеиться ко мне? Я даже не знаю. Я плохо распознаю поступки и намерения других людей, так что попытки флирта, если они и были, проходили мимо меня. Видя вокруг пары, я часто чувствовал себя одиноко, но не знал, как изменить положение дел, поэтому все оставалось как есть.

Когда все вокруг выпивали и нюхали кокаин, я испытывал замешательство. Мне не нравилось терять над собой контроль, и я уже видел, какие дикости люди вытворяют спьяну или под кайфом, а на следующий день ничего не помнят. От одной мысли, что я могу вытворять подобное, меня передергивало. Поэтому я не знал, что делать.

– Расслабься, приятель! Вынюхай дорожку, глотни пива!

Со стороны можно было подумать, что меня повсюду окружали соблазны, но мне все это ничуть не казалось заманчивым. Иногда я выпивал немного и принимал пару доз – чисто из вежливости. У меня никогда не возникало желания выпить все пиво в пределах досягаемости или вынюхать весь кокаин. Мне не нравилось, какие ощущения вызывали у меня наркотики и алкоголь.

В те немногие разы, когда я был пьян или под кайфом, я закрывал глаза, и мир начинал кружиться. Я думал: «Когда закончится этот бред? Какого черта я вообще это сделал?» Очень быстро я все это «перерос», если можно так выразиться. Я перестал пить и принимать наркотики и никогда к этому не возвращался.

Кульминацией каждого гастрольного тура было возглавить концерт на Мэдисон-Сквер-Гарден в Нью-Йорке. В середине гастролей мы должны были выступить там несколько раз. Когда техники налаживали оборудование и подключали гитары Эйса, на одной из гитар сработала ракета, и Текс угодил в больницу с ожогом пальцев. Запасной такой же гитары у нас не было, так что мне пришлось срочно ее чинить. Близилось время концерта, и персонал толпился вокруг меня, поторапливая.

– Если подведешь, и мы опоздаем, с нас сдерут штраф в десять тысяч баксов за каждую минуту. Чтоб быстро все работало! – подгонял меня Фритц, наш администратор, нависая надо мной.

Я и не собирался подводить. Я спасал его жалкую задницу и спешил как мог.

– Скорее, скорее, скорее. Штрафы, не забывай. Мы не должны опоздать!

Мы вынесли гитару на сцену. Концерт начался вовремя, и все сработало как надо.

К 1980 году мои гитары со спецэффектами стали неотъемлемой частью шоу. У каждого из музыкантов имелся свой трюк. Джин взлетал в воздух, извергая кровь и огонь. Он играл на бас-гитаре в виде окровавленного боевого топора. У Пола был обведенный звездой глаз и гитара с зеркальной поверхностью, сверкавшая в свете прожекторов. А Эйс играл на гитарах с моими спецэффектами. На каждом концерте он начинал песню "2000 Man" Мика Джаггера, играя на обычном черном «Лес Поле». В середине песни он отходил к краю сцены и менял гитару на дымовую. Эйс начинал соло и в нужный момент поворачивал рычажок, который запускал дымовые шашки и включал лампы внутри. Они были такими яркими, что луч света бил через весь зал, а из отверстия валил дым. Казалось, гитара и вправду горит.

Можно было даже не смотреть на сцену – по одним воплям зрителей становилось понятно, когда Эйс зажигал гитару. Публика обожала эти моменты. Мы знали, что многие фанаты KISS приходят именно ради зрелища, и я прилагал все силы, чтобы их не разочаровать. Наш главный пиротехник сказал:

– У нас на каждом концерте больше фейерверков, чем во многих городах на День независимости.

И я был склонен ему верить.

После нескольких концертов мы еще больше усовершенствовали дымовую гитару. Второй поворот рычажка поджигал другую шашку, еще более мощную. Эйс почти полностью скрывался в облаке дыма, потом дым расползлся по сцене, а струны гитары лопались от жара, пока Эйс продолжал играть. Каждый раз, когда струна лопалась с громким звоном, публика сходила с ума.

В этот момент мы спускали с потолка невидимый кабель. Над сценой был установлен механизм, который позволял опускать кабель, цеплять к нему что-то, поднимать обратно и раскачивать – все с помощью дистанционного управления. К кабелю был присоединен мощный электромагнит, которым управлял один из нас. На гитаре имелся стальной крюк. В конце своего соло Эйс начинал размахивать гитарой, словно рубил ею воздух. Когда он чувствовал, что крюк зацепился за кабель, он бросал гитару вперед, в сторону зрителей, и она начинала раскачиваться. Один из наших техников медленно сматывал кабель, так что гитара поднималась вверх. В это время я стоял сбоку с устройством радиоуправления в руках, которое собрал из модели самолета. Я нажимал кнопки, и лампы внутри гитары то вспыхивали, то гасли. Вращаясь и мерцая, она была похожа на фонарь маяка, поднимавшийся на высоту в пятьдесят футов над сценой.

На такой высоте вспышки были видны с самых задних рядов, в каком бы огромном зале мы ни играли. Некоторые из этих площадок действительно были большими. На таких аренах, как «Понтиак Сильвердом» в Детройте, от последнего ряда до сцены было, наверное, не меньше четверти мили. Пока все смотрели на возносящуюся гитару, Эйс брал в руки другую, с ракетами.

Ракетная гитара была сделана на основе модели «Лес Пол», такой же, как и две предыдущие. На конце грифа было закреплено устройство для запуска трех ракет. Эйс снова начинал играть, а потом выходил на край сцены, топал ногой, отводил гитару влево и выстреливал первой ракетой. Зрители слышали залп и видели, как

гриф гитары извергал вспышку. Над залом, футах в ста от сцены, мы заранее подвешивали мешок со смесью пиротехнического пороха и конфетти – и взрывали его, когда Эйс делал выстрел. Зрителям казалось, что у них над головой разорвалась авиабомба. Эффект был потрясающий. Публика была в восторге.

Потом он разворачивал гитару вправо и стрелял снова, а мы взрывали еще один мешок конфетти. В течение секунд десяти бумажки осыпались на зрителей. А тем временем Эйс направлял гитару вверх и делал финальный выстрел – по первой, все еще горячей и дымящейся гитаре. Мы взрывали самый большой заряд конфетти, а я с помощью радиоуправления гасил гитару, висевшую в воздухе. Все погружалось во тьму, и зрителям казалось, что он действительно подстрелил одну гитару другой.

Все это работало прекрасно до нашего выступления на Олимпийском стадионе в Мюнхене. На том концерте ракета, выпущенная Эйсом, по-настоящему угодила в дымовую гитару. Та рухнула с высоты в семьдесят футов и вдребезги разбилась об ограждение перед сценой. Началась давка, толпа зрителей кинулась подбирать обломки. Гитару растащили полностью – от нее не осталось ни кусочка.

Я помчался на самолете домой, чтобы изготовить замену, а потом полетел обратно в Германию, взяв два билета первого класса. Один для себя, другой – для гитары.

Глава 18

Настоящая работа

В конце 70-х, несмотря на успешное сотрудничество с KISS, я едва сводил концы с концами. Я работал со знаменитыми группами и выкладывался на полную, но они нуждались во мне только на время гастролей. Как только я возвращался домой, деньги быстро заканчивались, и я снова оказывался на мели.

В Техасе, во время тура, я ужинал за счет группы в ресторане «Особняк» на улице Тертл-Крик. Я ел изысканные блюда, поданные на тонком фарфоре безукоризненно одетыми официантами. В Атланте я бывал в ресторане «Рысаки», где стены были увешаны картинами, изображавшими скаковых лошадей и жокеев. С места на место меня доставляли лимузины и частные самолеты.

Дома, в Амхерсте, у меня был «Кадиллак Эльдорадо» с откидным верхом, но не хватало денег на бензин. Я питался макаронами с сыром, купленными в дешевом магазине. Когда у меня не было денег на молоко, чтобы сделать соус, я разводил порошковый сыр водой и смешивал с макаронами прямо так. Я подбирал нетронутые куски пиццы в забегаловке «Бруно», а на десерт таскал со столиков приправы. Вместо отеля «Плаза» с его прекрасными обоями и мраморными ванными, я жил на Федерал-стрит, 288, где стены были оклеены газетами, а крошечная ванная площадью четыре квадратных фута состояла из душевой кабинки и пластиковой раковины.

Отказывать себе во всем было не так уж сложно. Любое жилье лучше, чем шалаш под деревом – а когда я впервые ушел из дома, мне случалось жить и так. Тяжелее был контраст между роскошью и безденежьем. Это все равно что вчера быть умным, а сегодня проснуться полным тупицей, но помнить свой прежний ум. Мне нужна была стабильность. Лучше получать двести долларов в неделю, но десять недель подряд, чем зарабатывать три тысячи за день, а потом три месяца жить впроголодь.

– Тебе надо переехать в Лос-Анджелес! Ты мог бы работать со мной в киностудии.

– Поезжай в Нью-Йорк. Там работы будет хоть отбавляй.

Все вокруг засыпали меня добрыми советами, куда мне стоит поехать и чем заняться. Мне регулярно напоминали, какое светлое будущее меня ждет, если я переберусь в большой город. Но я вырос в глуши. Моими любимыми местами были фермы Джорджии и леса Шутсбери. Я не любил города. В них слишком много людей – людей, которые нагоняли на меня нервозность, людей, с которыми у меня не было ничего общего. Я понимал животных, я понимал землю. В лесу мне было хорошо и спокойно. В городе или среди толпы – никогда.

Был и еще один человек, о ком мне приходилось думать. Мишка училась в Массачусетском университете Амхерста, и мы только что стали жить вместе. Она не могла бросить учебу, а я не мог оставить ее.

«Да, мне страшно, но что, если действительно переехать?» Этот вопрос я задавал себе по меньшей мере раз в день. Но я сомневался,

что кто-то захочет взять меня на работу. Ничто в моей жизни не длилось долго. Я бросил школу. Моя семья распалась. Мысль о том, чтобы начать новую жизнь за две тысячи миль отсюда, была слишком пугающей.

Кроме того, я боялся оставить родителей без присмотра. При всей моей к ним неприязни, я не хотел уехать, а потом узнать, что они заползли каждый в свою нору и умерли. И еще оставался мой брат. Пока он жил с доктором Финчем, я чувствовал, что должен держаться поблизости и быть начеку. Лишь много лет спустя я узнал, через что именно ему пришлось пройти, но и сейчас инстинкт подсказывал мне не бросать его.

Отец звонил мне каждую неделю.

- Сынок, мне так жаль, что я был для тебя обузой. Больше тебе не придется обо мне беспокоиться.

Речь его была невнятной, но это не имело значения - он всегда говорил одно и то же. Он звонил мне пьяный, лежа на полу своей квартиры, потом ронял трубку. Приходилось ехать к нему и проверять - умер он или просто отрубился? Повсюду валялись винные бутылки, сигареты и мусор. С ним приходилось возиться, как с ребенком.

- А ну вставай, а то полицию вызову. Поднимайся! Живо!

- Прости, Джон Элдер, мне так тяжело...

Он был пьян в стельку, руки и ноги его не слушались, но с пола он все-таки поднимался. Пять лет назад он меня избивал, а теперь превратился в пускающего слюни младенца. Похоже, он достиг дна. У него не было денег. Он потерял дом. Потерял семью. У него оставалась машина стоимостью пятьдесят долларов и работа охранником в Хэмпширском колледже, чтобы хоть как-то оплачивать счета.

Навещать мать было еще тяжелее. Она переехала в городскую квартиру и продолжала крутить романы с женщинами. Ее подруга годилась мне в тетушки. Все это казалось противоестественным. Другие женщины, которых я у нее встречал, больше походили на жриц какого-то культа, чем на ее любовниц.

Иногда случались и более странные ситуации.

- Это моя дочь Анна. Она твоя новая сестра, - однажды сообщила мать.

Неужели она и вправду думала, что какая-то девица, которую она приютила, станет от этого моей сестрой? Она тронулась умом. Снова. Как только мать в очередной раз оказалась в больнице, «сестренка» выкинула ее вещи на задний двор и заняла квартиру.

Я слишком стыдился своих родителей, чтобы кому-то - даже другу - рассказывать правду о них. «Они преподают в университете», - говорил я. - «Отец занимается философией». С моих слов, они выходили приличными интеллигентными профессорами, а не помешанными и опустившимися до животного состояния людьми, которых впору держать под замком.

По крайней мере, у меня была Мишка. Она знала о моих родителях всю правду.

Я знал парней, чьи родители отправляли их в престижные колледжи - в Дартмут или Макгилл. У них была учеба и был дом, куда они могли вернуться. У меня - ничего. Я приезжал на мотоцикле в Сандерленд, крошечный городок рядом с Амхерстом, в трехкомнатную

квартиру, которую делил с Мишкой и двумя ее соседками. Мне не на кого было рассчитывать, и мне срочно нужна была работа.

Я решил что-то предпринять. Мы с Джимом Боутоном занялись установкой звуковой и световой аппаратуры в местных ночных клубах. Мы начали с Амхерста и окрестностей, а потом двинулись на юг, к Спрингфилду. Затем отправились дальше, в Бостон и Хартфорд. Платили за такую работу немного (или мы тогда не догадывались потребовать больше), но стабильный заработок у нас имелся.

Ходить на дискотеку ночью или устанавливать там оборудование днем – совершенно разные вещи. В полдень в зале абсолютно тихо и нет дневного света, потому что окна и двери покрашены черной краской, чтобы люди не заглядывали с улицы. Служебные люминесцентные лампы, которые никогда не горят вечером, окрашивают все в однообразно серые тона. В помещениях стоит запах сигаретного дыма и пролитого алкоголя. Кроме туалетов – там все забивает вонь мочи и рвоты. Любая поверхность покрыта пленкой из смеси дыма, пота и жира. Если провести по стене белым полотенцем, оно приобретет цвет крепкого чая.

В таких местах мы с Джимом и работали. Мы целыми днями устанавливали цветные неоновые лампы на потолке и динамики в пыльных углах, десятилетиями не видевших света. Подключали «вертушки» и микшерные пульта в новых диджейских будках, только что установленных напротив танцпола.

«На жизнь хватает», – говорил я себе. – «И все-таки это связано с музыкой». Мы с Боутоном стали возвращаться по ночам, чтобы полюбоваться на результаты своих трудов. Мишка с нами в такие места почти не ходила. Мы ехали в один клуб, проводили там около получаса и направлялись в следующий. «VIP», «Викинг», «Инфинити», «Тысяча и одна ночь», «Марк Антоний». Нас знали все охранники и пропускали бесплатно. Если нам везло, бармены тоже нас узнавали и наливали за счет заведения. Не то чтобы я вообще много пил.

Я смотрел на девушек в платьях, девушек в юбках, девушек едва прикрытых одеждой. Они приходили компаниями и поодиночке. Иногда уходили так же, как и пришли. Иногда им везло, и они уходили с парнями. По крайней мере, я полагал, что им повезло.

Я никогда не уходил из клуба с девушками, но часто жалел, что не так уверен в себе. Я жалел, что не мог подойти к незнакомому человеку и завязать разговор. Не знаю, что бы я стал говорить или делать, но мне хотелось обладать этой смелостью и легко заводить знакомства. Я наблюдал, как люди болтают возле бара. Как они танцуют на площадке. Лучи моих стробоскопов выхватывали их силуэты, и на миг они застывали, как на фотографии. На их телах мерцали красные отсветы установленных мною лазеров и яркие блики зеркального шара. Диск-жокеи всегда запускали зеркальный шар на медленных танцах.

Я все знал о том, как подсветить танцпол и посетителей, но сами люди оставались для меня загадкой. Я не мог их понять.

Сам я выходил на танцпол лишь в том случае, если что-то чинил или устанавливал. Я не умел танцевать. Я был неуклюж и не сомневался, что буду выглядеть невероятно глупо. А к тому времени я научился не ставить себя в ситуации, где надо мной бы смеялись. В

любом случае, я был слишком стеснителен, чтобы пригласить кого-то на танец, и слишком неуверен в себе, чтобы принять приглашение. Я смотрел, как люди нюхали кокаин и глотали таблетки за столиками прямо напротив диджейского пульта. Иногда кто-то кололся на ступеньках черного хода.

Героин меня пугал. Я читал, что он вызывает зависимость с первых же доз, и видел, как жили наркоманы. Они ночевали на помойках и валялись без сознания в подъездах. «Я ни за что до такого не докачусь», – решил я. Это было еще хуже, чем пьянство моего отца.

Я смотрел на все это с той же отстраненностью, которой научился с пяти лет, когда дети не хотели брать меня в свои игры. Теперь надо мной никто не насмеялся, но я по-прежнему не мог вписаться в компанию. Мне хотелось заводить знакомства, но я не желал заниматься тем, что делали эти люди. Поэтому я наблюдал. И работал. И оставался здесь, убежденный, что лучше быть нищим в Амхерсте, чем в Нью-Йорке.

Проблема была в том, что мне хотелось создавать все более сложные спецэффекты. Я начинал использовать в своих разработках микропроцессоры, но не мог позволить себе оборудование, чтобы собирать и тестировать микросхемы у себя дома. Мне нужна была лаборатория, но я не хотел возвращаться в университет, потому что они бы втянули меня в какую-нибудь учебную программу, а учебы мне уже хватило сполна. Мне требовались ресурсы какой-нибудь корпорации.

Я понял, что пора искать настоящую работу. Все люди вокруг работали, кроме всякого отребья, без дела сидящего на ступенях домов в центре города. Я не хотел быть одним из них. Поэтому я стал изучать объявления в рубрике «Требуются инженеры-электрики». Я не был уверен, возьмет ли меня кто-нибудь. Большею частью мне попадались безликие скучные объявления безликих фирм. Но одно привлекло мое внимание настолько, что я помню его до сих пор:

*Проблемы с деньгами?
Устали от женщин?
Скрываетесь от закона?
Вы обретете новый дом
в рядах Иностранного Легиона!*

Я решил, что это шутка, но нет. Иностранный Легион действительно искал наемных солдат. Жаль, что меня не привлекало то, что они могли предложить: приключения, дисциплина, мужская компания и шанс воевать вдали от дома.

Я сосредоточил свое внимание на местных объявлениях. Автоматическое управление обработкой данных. Наладчик реактивных двигателей. Инженер службы технического контроля. Техническое обслуживание в условиях эксплуатации. Инженер службы сбыта. Программирование устройств с ЧПУ. Я не мог представить себя ни на одной из предлагаемых должностей. По большей части, я даже не знал, чем там нужно заниматься. Наконец, на последней странице воскресной газеты, в самом низу, я увидел:

*Требуются инженеры-электрики.
Стань частью команды и создавай
электронные игры завтрашнего дня!*

Это была работа по мне. Я сразу же позвонил туда, и меня попросили прислать резюме. Резюме? Я никогда в жизни его не составлял. Поэтому я принялся читать, как это делается. К следующему дню я соорудил превосходное резюме, и большей частью – за исключением моего возраста и образования – оно было вполне правдиво. Наверное, я действительно хорошо постарался, потому что через день мне позвонила Кэтрин из отдела кадров и назначила собеседование. Также она рассказала немного подробнее, что им требуется.

Компания занималась разработкой звуковых эффектов. Они хотели создавать игры, которые разговаривали и воспринимали голосовые команды. Им нужны были люди со знанием цифрового и звукового дизайна. «В этом я разбираюсь», – уверенно сказал я.

Меня спасло умение, свойственное людям с синдромом Аспергера – максимально сосредотачиваться и быстро учиться. За восемь дней, от момента, как я прочел объявление, и до собеседования, я успел сносно разобраться в том, что такое цифровой дизайн. Голова у меня шла кругом, но я усвоил содержимое трех технических пособий из библиотеки студенческого научно-исследовательского центра.

Когда настал день собеседования, я надел костюм и поехал в город. На самом деле, мне повезло, что костюм у меня вообще был. Я купил его прошлым летом в Чарльстоне, когда KISS давали интервью на телевидении во время тура по южным штатам. Это был фирменный костюм из серой чесучи, от Кристиана Диора. Купил я его за счет группы, так что за мой респектабельный вид на первом в жизни собеседовании мне стоило благодарить KISS.

Это был долгий день вопросов и ответов. Сначала со мной беседовал Пол, менеджер отдела исследований и разработки. Потом я познакомился со старшим инженером Клаусом. Затем пообщался с Дэйвом, математиком, который разрабатывал систему синтеза речи. Наконец, со мной поговорил Джим, вице-президент компании. Мне невероятно повезло, что им требовалось именно то, в чем я разбирался лучше всего. И, что еще лучше для меня, они не нашли ни одного претендента, который разбирался бы в звуковых эффектах.

Конечно, я постарался создать впечатление, будто разрабатывал свои устройства в настоящей лаборатории – а не на кухонном столе, или в номере мотеля, или прямо на полу за кулисами, как обычно и бывало. В тот момент меня волновала «неформальность» моей прежней работы, но теперь я понимаю – не важно, где я создавал эти вещи. Важно было то, что я умел это делать. Я делал это для KISS и смогу сделать для кого-то еще.

– Что вы знаете о цифровых фильтрах? – спросили меня.

«Ничего, но я быстро учусь», – подумал я.

– А что вы знаете о звуковых эффектах? – вот тут я оказался в своей стихии.

– Я разрабатывал фильтры для модификации звука музыкальных инструментов и создавал различные виды сигнальных процессоров для

усилителей и звукозаписи. Также я создавал схемы для монофонических и полифонических синтезаторов... – на свою любимую тему я мог говорить без остановки.

Два дня спустя мне прислали письмо. В нем было написано: «Отдел электроники компании «Милтон Брэдли» рад предложить вам должность инженера в группе исследований и разработки. Ваш начальный оклад составит 25 000 долларов в год».

Я не мог поверить глазам. Потом меня охватила гордость, но вместе с ней и страх. Справлюсь ли я? Скоро станет ясно. Я сразу же им перезвонил и согласился приступить к работе с ближайшего понедельника. Я решил, лучше начать поскорее, пока они не передумали.

В первый же рабочий день, к собственной радости, я обнаружил среди коллег немало таких же «отщепенцев», не вписывавшихся в стандарты общества. Большинство инженеров оказались моими ровесниками. Они четыре года отучились в колледже, а я четыре года провел в разъездах с музыкантами. Но поскольку я вырос в университетском городке, я легко вписался в их круг. Некоторые даже окончили этот же университет, и у нас нашлись общие знакомые среди профессоров.

Среди нас было несколько главных инженеров, которые были значительно старше, и предполагалось, что они должны за нами приглядывать. Ко мне приставили Клауса, с которым я познакомился во время собеседования. Клаус оказался ворчливым стариканом, но ум у него был блестящий. Мы неплохо поладили.

Я никогда раньше не работал в организации, поэтому внимательно наблюдал, как в ней все устроено, и как в эту схему вписываюсь я. Возглавлял компанию старший вице-президент, светловолосый немец, который носил дорогие костюмы и с низами вроде нас не общался. В другом конце здания у него был огромный офис, на подступах к которому сидели две секретарши.

Вторым в иерархии был еще один вице-президент, бывший морпех, которого мы называли Фрукт. Это прозвище дали ему Боб и Брэд, мои коллеги-инженеры, и оно к нему прочно пристало. Он говорил: «Вам, ленивым задницам, не хватает армейской дисциплины!» В этом и состояла суть его отношения ко мне и другим инженерам.

Следующий уровень в пищевой цепочке занимал Пол, менеджер нашей группы. Пол считал, что должен улыбаться и быть с нами вежливым, поэтому улыбался все время. Если Фрукт действовал кнутом, то Пол – пряником. Я ему не доверял. Я плохо разбирался в выражениях лиц, но знал, что люди улыбаются, когда они рады и счастливы. Не мог же он все время радоваться. По крайней мере, я не радовался с утра до ночи. Большую часть времени я был довольно мрачен. И, уж конечно, не ходил с постоянной улыбкой на лице. Почему улыбался Пол? Наркотиков он вроде не употреблял. Что-то с ним было не так.

А в самом низу были мы, инженеры. Одним из первых, с кем я подружился, оказался Боб Джеффи, который работал в кабинете напротив, в отделе проектировки. Боб был типичным «ботаником» – высокий, худой, с наметившимися залысинами. Он носил белую рубашку, из нагрудного кармана которой торчали три авторучки и

маленькая отвертка. Я быстро выяснил, что Боб ко всему относится с юмором. Может быть, в школе я и считался главным шутком класса, но здесь мастером веселья был он.

– Я слышал, ты работаешь на Уродца?

У Боба для каждого имелось прозвище. Фрукт. Мистер Чипс. Бандит. Пятак. И даже Земля-Ветер-Огонь.

Я улыбнулся. Прозвище «Уродец» Клаусу несомненно подходило. Но я очень многому у него научился. Так что я никогда не называл его Уродцем, только когда разговаривал с Бобом.

Наша группа создавала первые говорящие игрушки, и Клаус поручил мне работу над аналого-цифровым преобразователем, который он спроектировал. Преобразователь должен был использоваться в лаборатории для анализа голосов и звуков. Задача мне пришлась по душе. На новом месте с самого начала восхищались моими изобретениями – и они работали. Дела мои шли в гору.

Прежде я волновался, каково мне будет на настоящей работе. Но когда я попал сюда, все оказалось легко. Никто не стоял надо мной с плеткой. Я не разу не слышал: «Давай, пошевеливайся. Чтоб быстро все было сделано!» Похоже, здесь мне были готовы платить за то, чтобы я занимался своими разработками в удобном мне темпе и на собственном рабочем месте. Мне с трудом в это верилось.

В кабинете был чистый воздух. Нигде не висела пелена испарений и сигаретного дыма. Работали кондиционеры. Никто, насколько я видел, не носил оружие. В коридорах не валялись пьяные, и никто не путал раковину с унитазом. На парковке не ошивались наркодилеры и проститутки, и в конце рабочего дня можно было спокойно дойти до своей машины.

Я вдруг понял, что мои коллеги понятия не имеют, как им повезло. Они принимали все это как само собой разумеющееся. За первую неделю работы я твердо решил, что никогда не вернусь к жизни на дне.

Не прошло и года, как я стал вести собственные проекты. Похоже, я наконец-то нашел свое место в нормальном мире. Если вести себя осмотрительно, решил я, никто не узнает о моем прошлом.

Глава 19

Визит начальства

Теперь, когда у меня была настоящая работа, я решил, что пора вести себя по-взрослому. В конце концов, мне почти двадцать три года. Я инженер в крупной компании. И у меня собственная лаборатория, оснащенная по последнему слову техники – даже лучше, чем в университете.

Впервые в жизни я каждое утро надевал рубашку, застегнутую на все пуговицы, и галстук. И даже почти не опаздывал.

Станным было лишь то, что на территорию фирмы я попадал через заводской пропускной пункт. Отдел электроники стремительно разрастался, и для него не хватало места. Позже к старому зданию пристроили новое удобное крыло, где мы и разместились, но тогда оно еще только строилось. Поэтому мне выдали пропуск с фотографией, в котором значилось, что я сотрудник руководящего отдела, и каждое утро я проходил через заводские двери вместе с полутора тысячами литейщиков и печатников. По крайней мере, сотрудникам нашего отдела не приходилось стоять в очереди с рабочими и пробивать табельную карточку по минутам.

Не знаю, чего я ожидал от серьезной работы, но точно не того, что мне придется ходить через цех, где стоят машины для отливки пластмассы. И отпрыгивать в сторону, когда машина высотой с двухэтажный дом решит выплюнуть полсотни фунтов горячего пластика мне под ноги и окатить мои новые ботинки фирмы «Балли» мелкими раскаленными брызгами.

Я собирал комки поменьше, фунтов по пять-десять, и раскладывал у себя во дворе как будто навозные лепешки от некой коровы, откормленной химикалиями. Лепешки были желтые, красные, синие, а то и разноцветные. Гости, заходившие ко мне, посматривали на них, но никто не решался спросить, что это такое.

– Скоро вам не придется ходить через завод, – сообщил Пол, наш начальник.

Фрукт и другие старшие по рангу уже перебрались в новое здание. Но пока крыло не достроят, нам, младшим сотрудникам, придется оставаться на заводе. А отдел исследований и разработки, в котором работал я, размещался прямо над литейным цехом, в душном и перегретом помещении под самой крышей завода.

Только представьте – семнадцать инженеров, секретарша, менеджер и стажер, все набились в чердачное помещение и работают не покладая рук. Летом там была душегубка, потому что снизу поднимался весь жар из цеха, а сверху жгло солнце, расплавляя гудрон на крыше. В тот август на красивом подвесном потолке стали проступать черные пятна. Я сбежал в лабораторию наших технологов, которая находилась в более прохладной части завода.

За технологов отвечал Вито, а за Вито отвечал я. В каком-то смысле. Вито был неуправляем. Но мы неплохо ладили. Как хороший сержант в армии, Вито показывал нам некоторые хитрости. Например,

он научил нас, как изящно избавиться от назойливого продавца-коммивояжера.

Для подобного гамбита требовалось двое. Вито всегда начинал. Происходило все следующим образом: если продавец Вито не нравился, тот говорил: «Когда будете разговаривать с боссом, спросите его о сестре. Она только что выиграла чемпионат по плаванию в колледже. Он ею очень гордится».

Продавец встречает меня и через пару минут разговора непременно вставляет фразу: «Я слышал, ваша сестра выиграла чемпионат по плаванию» – или еще какую-нибудь ерунду. Я делаю шокированное лицо и умолкаю.

Продавец спрашивает: «Что-то не так?»

А я отвечаю: «Как вы могли такое сказать! У моей сестры полиомиелит. Она с пяти лет прикована к инвалидной коляске».

Реакция была разной, но всегда забавной. Иногда посетитель начинал извиняться, иногда ошеломленно умолкал. И то, и другое меня устраивало. Выдержав паузу, я говорил: «Знаете, мне нужно работать». Продавец был только рад убраться отсюда поскорее. Вито к тому моменту незаметно исчезал. А я выпроваживал сконфуженного продавца за дверь.

После этого ни один коммивояжер не приходил к нам дважды.

Технологи работали среди печатных станков, наносивших рисунки для паззлов на большие листы готового картона. Затем листы переправлялись на другие огромные станки, которые нарезали их на сотни и тысячи фигурных кусочков. А потом паззлы упаковывали в коробки и отправляли в магазины. Рабочее помещение когда-то было кабинетом контролера производства – футов десять в ширину и пятьдесят в длину. Из окон с одной стороны открывался вид на зал, где производились паззлы, а с другой – на глухую стену, побеленную известкой. В самом кабинете стены были выкрашены в жуткий светло-зеленый цвет, словно кто-то наелся одуванчиков, запил их пивом, а потом его этим вырвало.

Здесь, на территории завода, обычные правила, касающиеся офисного интерьера, формы одежды, языка и поведения не действовали. В конце концов, мы были на фабрике, а не в директорском крыле. Поэтому технологи позволили себе расслабиться. На стенах висели календари с девушками, в охладителе для пленки хранилось пиво, а в ящике с инструментами – складные ножи.

Однажды утром к нам зашел Пол, тот самый менеджер с вечной улыбкой.

– Ребята, приведите-ка в порядок свое рабочее место. Скоро прибудет большое начальство.

Пол был очень вежлив. Они никогда не ругался и не повышал голос. Но мы знали, что на самом деле он имеет в виду: «Эй, вы, засранцы, разгребайте свой свинарник. Чтоб стены были чистые и пол сверкал, пока нас всех не поувольняли к чертовой матери. Живо!»

Технологи взялись за уборку, пряча календари и порножурналы подальше в ящики столов, чтобы достать их снова, как только визит закончится. Вито подмел пол, смахнув мусор вниз через перила. С фабричного этажа десятью футами ниже донеслись возмущенные вопли, так как мусор упал на влажные листы паззлов, выходившие из-

под пресса. Окурки и куски мусора припечатало к картону – интересное будет дополнение к чьему-нибудь рождественскому подарку.

Вито было плевать, а если бы рабочие решили подняться к нему по лестнице, он спустил бы их обратно при помощи швабры.

Пока технологи наводили порядок, я оглядывался по сторонам, не зная, чем заняться. Мне хотелось показать себя хорошим корпоративным роботом. Чем я мог помочь? Подмести или вытереть пыль мне не пристало, поскольку по должности я был все-таки выше.

Тут я нашел в углу осколок зеркала. Битое стекло нам точно было ни к чему. Я бросил взгляд на белые пластиковые столы, и мне в голову пришла идея. Я попросил у Вито бритву и начал скоблить ею стол, собирая белый пластмассовый порошок в аккуратную горку. Прошел час, и горка заметно выросла. Помещение уже было прибрано, но я продолжал трудиться. Холмик белого порошка смотрелся тысячи на две долларов, а то и больше. Мелкие крупинки слегка поблескивали.

Я собрал весь порошок на зеркало. Потом взял еще одно лезвие и разделил порошок на дорожки. Довольно широкие. Вынул из бумажника двадцатку, плотно свернул ее в трубочку и положил рядом с дорожками. Натюрморт был готов. Я аккуратно задвинул зеркало под угол стола – так, чтобы было видно, но не бросалось в глаза. Будто кто-то, убираясь впопыхах, забыл его припрятать как следует.

Я надеялся, что мою двадцатку никто не украдет. Я подумал было взять из столовой соломинку и обрезать, но двадцатка лучше смотрелась.

В остальном кабинет сиял чистотой. Мы были готовы к встрече начальства, и оно прибыло точно в срок. Наше небольшое помещение наполнилось людьми среднего возраста в дорогих костюмах. У некоторых на лацканах были бирки посетителей. Они задавали вежливые вопросы, но было ясно, что они не понимают, чем мы тут занимаемся, а большинству и вовсе на это плевать. Двое из них громким шепотом обсуждали гольф прямо рядом со мной. Я стоял в углу возле двери и видел, что в сторону зеркала с порошком не раз поворачивались головы. Но, как я и думал, никто не сказал ни слова. Вскоре визит закончился. Поскольку я был руководителем, перед уходом все они пожали мне руку.

Было уже поздно, и мы решили подождать до утра, чтобы привести помещение в прежний вид. Мы обсудили начальство и наше зеркало. Многие ли его заметили? Что они потом скажут? Мы предвкушали, что сейчас сюда вломится охрана, поднимет шум, конфискует зеркало с порошком и отправит его на проверку, чтобы провести над нами показательную расправу. Честно говоря, мы удивились, когда к пяти вечера так ничего и не произошло. Мы отправились по домам, заперев за собой дверь.

«Может быть, облава будет завтра», – подумал я.

Я живо себе представил, как заводская охрана врывается в помещение, изображая отдел по борьбе с наркотиками. А потом после химического анализа выяснится, что конфискованные наркотики были... горсткой пластмассового порошка. Мы встревоженно ожидали, что фирма ужесточит меры против наркомании. Но служба безопасности так и не явилась.

- Неужели порошок никто не заметил? – спросил я. Никто из нас не понимал, в чем дело.

Утром я заглянул в свой кабинет на чердаке, а потом отправился в лабораторию. Войдя, я сразу увидел, что парни не теряли времени даром. Календари снова красовались на стенах, а над дверью висел плакат с новой «Мисс Пентхаус». Но была проблема. Почти половина моего «кокаина» исчезла. Я показал его Вито.

- Могли бы и поаккуратнее. Я столько времени потратил на эту фигню, а вы половину смахнули!

- Ничего мы не трогали! Смотри, даже двадцатка твоя на месте.

Вито уверял, что технологи ни при чем. Может быть, он говорил правду, а может, и врал. Посмотрим. Я взял новую бритву и изготовил еще одну горку порошка. Теперь она тянула на две с половиной тысячи долларов. Часть я ссыпал в полиэтиленовый пакет. Я слышал, за 35 тысяч можно купить целый килограмм, но не был уверен, что со столов удастся столько наскоблить. Однако, теперь у меня была цель. К обеденному перерыву пакет заполнился наполовину.

На следующий день горка снова уменьшилась. Я продемонстрировал ее Вито.

- Кто-то с нами шутки шутит, – сказал я.

Вито согласился. У него возникла идея.

- Надо организовать видеозапись.

Прошлой осенью мы проводили эксперименты с роботами, и у нас осталось несколько видеокамер. Мы установили одну из них так, чтобы она смотрела в сторону двери и рабочего стола, а фокусировку настроили на зеркало с порошком. Затем мы отключили датчик сигнализации и подсоединили его к кнопке пуска камеры. Туда же мы подключили таймер, который собрали из подручных деталей и микросхемы «555». Теперь, когда кто-то откроет дверь, камера включится и будет вести запись в течение пяти минут. Учитывая, сколько здесь стояло электронного оборудования, мы были уверены, что лишнюю камеру никто не заметит.

На всякий случай мы оставили включенным радио и несколько дурацких игрушек, чтобы заглушить звук камеры. Кроме того, на заводе всегда было шумно. Задумка была простая, но вполне могла сработать.

Мы полагали, что над нами шутит кто-то из своих. Поэтому установили камеру только после того, как технологи ушли домой.

На следующий день пакет исчез. Вито заметил пропажу первым.

- Кто-то опять нас обчистил!

Мы включили запись и в шоке уставились на экран. Это было все равно что купить порнофильм и увидеть в главной роли свою мать. На экране происходило следующее: один из вице-президентов, тех, что приходили на неделю, вынюхал дорожку «кокаина» и прибрал к рукам наш пакет. Он воровато огляделся, сунул пакет в карман и вышел за дверь. Прямо у нас на глазах. И все это было записано на пленку.

Мы потеряли дар речи. Таким, как он, положено быть образцом моральных принципов для всей фирмы. Это люди вроде нас годились на роль воров и наркоманов.

Вито считал, что надо предъявить ему видеозапись и уличить в воровстве. Я не был в этом так уверен. Оставив в лаборатории

фальшивый кокаин, я не рассчитывал поймать на нем вице-президента. Я просто хотел пошутить. Устроить нелепый скандал – чтобы нас обвинили в незаконном хранении пластмассовой пыли. Я не ожидал, что после работы в наш кабинет явится кто-то из начальства и украдет у нас наркотики. Причем добытые нелегким трудом – чтобы их изготовить, я несколько часов скоблил самые чистые участки столов. Если бы наркотик был настоящим, и мы бы сдали вора полиции, ему светило бы пять-десять лет в тюрьме.

Может быть, наша история с кокаином была лишь вершиной айсберга. Я сказал Вито:

– Кто знает, что эта сволочь еще тут ворует у других людей.

Я опасался, что если мы припррем его к стенке, он выдаст нас отделу кадров, а то и службе безопасности, и нас уволят. Или того хуже. Я считал, что зеркало и порошок лучше выбросить и замять это дело.

В итоге, мы все же решили включить камеру еще на одну ночь. Может быть, он одумается и раскается. Может, он вернет мой кокаин.

Тем вечером я выложил на зеркале шесть хороших дорожек. Наутро осталось две. О чем он только думал? Сам-то я думал следующее: «Этот тип уже пятый день нюхает пластмассовый порошок и приходит за добавкой. Может, нам стоит продавать этот порошок? Возможно, стоит выяснить, откуда взялись эти столы».

Вито посмотрел новую видеозапись, и мы решили припереть вора к стенке. У Вито было больше опыта в таких делах, поэтому вести разговор я предоставил ему. У него был дядя, который выбивал долги с клиентов местного букмекера. В детстве, когда Вито было не с кем оставить, дядя брал его с собой. Так что Вито был пятилетним бандитом, который вырос в электротехника.

Вито позвонил в дирекцию и записался на прием. На следующий день он поднялся по лестнице, вошел в кабинет к вице-президенту и демонстративно плотно прикрыл дверь.

– Я хотел бы вам кое-что показать, – сказал Вито. У него с собой была пленка и переносной видеомаягнитофон. Он включил запись, где были зафиксированы оба посещения. Зрелище было неприятное.

В кабинете повисла тишина, но Вито догадывался, о чем думал вице-президент.

«Черт побери, откуда у них камеры?»

– Знаете, вам еще повезло, что к пакету была подцеплена видеочамера, а не граната, – небрежно сказал Вито. – Шеф у меня чокнутый.

Мы с Вито знали случаи, когда гранаты и противопехотные мины, привезенные с войны во Вьетнаме, использовались некоторыми людьми, чтобы охранять делянки марихуаны в лесу. Иногда на них подрывался олень, иногда турист оставался без ноги. В газетах время от времени мелькали об этом заметки.

Вито продолжал:

– Шеф очень огорчен вашим поступком. И предпочел бы получить компенсацию. Он хотел сам разобраться, нанять кое-кого из мафии, но я сказал, что схожу к вам и попробую все уладить. По-хорошему.

Вито был итальянцем и знал, как вести такие разговоры.

Вице-президент совершенно перепугался. Он даже не пытался нам угрожать. Вито милостиво согласился на пять сотен долларов и отдал ему пленку. Нам было не жалко – у нас остались еще копии.

Вито сказал:

– Вы ведь понимаете, что в будущем вам придется покупать свою дурь в другом месте.

Тот кивнул. Он был рад, что ушел живым и дешево отделался.

В выходные мы с Вито закатили шикарную вечеринку для коллег. Они принесли собственные наркотики. Я забрал свою двадцатку и потратил ее, только не на кокаин. Ее краткая карьера наркоманского аксессуара закончилась.

С того дня любые наши запросы в дирекцию выполнялись незамедлительно и без единого отказа. Но это продлилось недолго. Экономическая ситуация изменилась, продажи упали. В течение нескольких лет кто-то из нас уволился, кого-то сократили. Я прочел в газете, что того самого вице-президента арестовали в центре города, на улице, где собирались сутенеры, проститутки и наркоторгилеры.

«Почему он так опустился?» – спрашивал я себя. Я оставил жизнь на дне общества, едва мне представился шанс, сменив дискотеку на настоящую инженерную лабораторию. А этот человек вырос в роскоши, у него была хорошая работа и должность вице-президента в крупной компании – и он скатился в яму по собственной воле.

Прежде я считал, что люди, которые рождены и воспитаны для престижной работы «белых воротничков», по самой природе превосходят недоучек вроде меня. Но я заблуждался.

Глава 20

Логика и светские беседы

Я – человек логики. Психологи говорят, эта черта вообще свойственна людям с синдромом Аспергера. Но она может создавать сложности в общении, поскольку обычный разговор не всегда развивается логично. Чтобы улучшить свои навыки общения, я пробовал изучать компьютерные программы, которые разговаривают с людьми. Лучшие из этих программ следуют определенным логическим цепочкам и в соответствии с ними выдают подходящую реплику. То, что получается, однако, не всегда звучит естественно. И я не уверен, что справляюсь с разговором лучше, чем машина.

К примеру, на прошлой неделе моя знакомая по имени Лори сказала:

– Одна моя подруга завела роман. И у ее парня такой же мотоцикл, как у тебя!

Сообщение Лори поставило меня в тупик. Большинство бесед начинается с вопроса, а это – утверждение. Должен ли я выразить мнение об этом высказывании? Или сам задать вопрос? Я начал анализировать то, что услышал.

У Лори есть подруга. Ну да, у нее много подруг. О какой из них идет речь?

Данная подруга завела роман. Зачем сообщать об этом мне? Я с ней знаком? Или с ее парнем? Или это завуалированный способ сказать, что мне тоже стоит завести роман, раз я езжу на мотоцикле?

У парня есть мотоцикл. Что ж, это сужает круг вариантов. Большинство парней водят машины, а не мотоциклы. Значит, он входит в 5% мотоциклистов, а не в 95% автомобилистов. Может, я все-таки его знаю?

Мотоцикл такой же, как у меня. Насколько Лори разбирается в мотоциклах? Имеет ли она в виду, что у него «Электра Глайд Классик» или просто большой черный байк?

Я не мог вычислить подходящий ответ, опираясь на эти фразы. Что она хотела мне сказать? Между частями ее сообщения не было логической связи. Уставившись в пол, я стал думать, как поступить, но знал, что решать нужно быстро. Когда я задумываюсь слишком сильно, мне обычно говорят: «Ты меня слышишь?» или «Ты не отвлекся?»

Я знал, что Лори ждет осмысленного ответа, как-то связанного с тем, что она сказала, а не просто: «А-а». По опыту и наблюдениям я усвоил, что реплика наподобие: «В прошлые выходные я ездил в Ньюпорт на джазовый фестиваль» – ее не устроит. Я решил, что нужно продолжать собирать сведения до тех пор, пока не сформулирую вразумительный ответ. Сложные компьютерные программы вели себя именно так. Поэтому я задал вопрос:

– О какой из подруг ты говоришь?

Лори выглядела удивленной.

– Зачем тебе это знать? – спросила она.

Я не ожидал нового препятствия. В голосе Лори звучало подозрение. Я подвигал ушами и подумал еще немного. Ее реакция означала, что она ждала другого ответа. Но что же я должен сказать?

Возможно, мне стоило сочинить аналогичную историю. Я мог бы сказать: «Мой приятель Спайк тоже завел роман. И у его девушки такой же мотоцикл, как у меня». Но это было бы полной чушью. А я никогда не несу чушь, если только не хочу кого-нибудь разыграть. Я не мог отделаться от мысли, что в реплике Лори заложен какой-то скрытый смысл. А значит, и ответить мне нужно осмысленно.

Может быть, стоило прикинуться простачком. По моим наблюдениям, если воскликнуть «Ого!» и широко улыбнуться, это сойдет за ответ практически в любой ситуации. Но я не умею улыбаться по команде и не намерен вести себя, как кретин. Хотя, наверное, «Ого!» не так встревожило бы Лори, как мой вопрос.

Когда я говорю: «Мой коллега сегодня попал в аварию» – я готов к тому, что меня спросят, кто это был. Если я собирался держать его личность в тайне, зачем бы я вообще стал о нем говорить?

Можно было сосредоточиться на теме мотоцикла. Я мог бы спросить Лори: «Какой у него мотоцикл?» Но и тогда я ожидал бы какого-то иного ответа, чем: «Не твое дело!»

Я спросил Лори, что ее так насторожило, и она вновь ответила вопросом:

– Какая разница, как ее зовут? Мало ли что будет, если я тебе скажу. Вдруг слухи дойдут до ее мужа?

И только позже я выяснил, как мне следовало себя вести. В ресторане я случайно услышал разговор двух женщин:

– У Дженни из бухгалтерии интрижка на стороне. А ее любовник водит «Корвет»!

Мне тут же вспомнилась реплика Лори, поэтому я наострил уши.

– Ничего себе! А он женат? – спросила вторая женщина.

Я понял, что это и был верный ответ. После их беседы я вдруг осознал, что Лори хотела поразить меня или рассказать что-то интересное, и в ответ мне стоило выразить восхищение или удивление. Однако, тогда это не пришло мне в голову. Видимо, обычные люди наделены способностями к ведению разговора, превосходящими мои, хотя их ответы часто не имеют ничего общего с логикой. Подозреваю, что нормальные люди от природы умеют считывать социальную информацию и подсказки, которые недоступны мне.

Подобные разговоры – да и любые разговоры, выходящие за рамки простого обмена информацией – всегда представляли для меня сложность. В детстве я усвоил, что людям не нравится, если в ответ на их слова я озвучиваю первую мысль, пришедшую мне в голову. С тех пор я стал постепенно учиться вести беседу – и в большинстве случаев мне это удается. Я научился вначале задавать вопрос, например: «Как у тебя дела?» Я усвоил, какие вопросы считаются приемлемыми. Однако, мой арсенал реплик весьма ограничен, а другие люди, похоже, умеют подстраиваться под ситуацию гораздо лучше.

Теперь я знаю, что мои логически обоснованные ответы на фразы вроде сказанной Лори, иногда воспринимаются как чрезмерное любопытство или назойливость. Но мне это совершенно непонятно. Я озвучил первый же разумный вопрос, исходящий из того, что я

услышал. Моя реакция была дружелюбной. Почему Лори встревожилась? В конце концов, она первая завела этот разговор. На мой взгляд, если ты не желаешь расспросов о чем-либо, не стоит и заводить об этом речь. Но мир не всегда устроен логично.

Я злюсь, когда вспоминаю разговоры вроде того, что состоялся у меня с Лори. Человек вдруг подходит ко мне и вываливает сведения, которых я не просил. А не получив ожидаемого ответа, обижается. Если же я не отвечаю вообще ничего, то он обижается уже на молчание. Так и так я оказываюсь в проигрыше.

Иногда все это наводит на мысль – зачем вообще разговаривать с людьми? Многие аутисты и не разговаривают, возможно, как раз по этой причине. И все же мне почему-то хочется нравиться всем этим людям, подобным Лори. Я не хочу, чтобы меня считали ненормальным. Возможно, я человек со странностями, но ненормальным быть не желаю. Поэтому я не сдаюсь. Я тренируюсь говорить то, что сказал бы «обычный» человек.

Судя по всему, другие люди заучивают некий набор стандартных вопросов и задают их, чтобы заполнить паузу. Например, встретив человека, которого давно не видели, они говорят:

«Как твоя жена?»

«Как сын?»

«Ты хорошо выглядишь – никак, похудел?»

Люди произносят эти фразы без видимого повода, без каких-либо внешних подсказок, указывающих на изменение веса или значимые события в жизни жены или сына. Мне попадались люди, у которых, похоже, имелась в запасе не одна дюжина таких вопросов. И я никогда не мог понять, откуда они знают, какой из них задать в тот или иной момент.

Когда к вам подходит знакомый, ничто в его облике, как правило, не говорит о переменах в жизни его жены или сына. Спрашивать о весе тоже обычно нет повода – внешность большинства людей не меняется неделями, а то и месяцами. И все же люди произносят эти фразы, а собеседник улыбается и отвечает теми же банальностями.

«С женой все хорошо».

«Сына в январе освободят досрочно».

«Мне сделали операцию, ушили желудок, вот я и потерял пятьдесят фунтов».

А потом, что удивительно, добавляет: «Спасибо, что спросили».

Откуда нормальные люди знают, какие вопросы задавать, для меня остается загадкой. Может быть, их память лучше моей, или они просто спрашивают наугад? Должно быть, это и есть способность подстраиваться под других, которой я совершенно лишен.

Когда я встречаю своего друга, я не спрашиваю, как дела у его жены, потому что мне интересен разговор именно с ним, и мысль о жене просто не приходит мне в голову. Если точнее, ничто в его внешнем виде не дает мне повода интересоваться благополучием его супруги. Если он мой близкий друг, я предполагаю (возможно, справедливо), что, если бы в его семье произошли какие-то важные события, он бы сам сказал об этом мне или другим своим друзьям. Так зачем спрашивать?

Что же касается веса – если человек раздался вширь, я скажу: «Ты вроде потолстел с последней нашей встречи». Жизненный опыт говорит мне, что люди набирают вес по разным причинам, в большинстве своем, благоприятным. Хотя я знаю, что многие считают прибавку в весе недостатком и не любят, когда им на это указывают. Но мой рот выпаливает: «Ты потолстел!» быстрее, чем мозг подсказывает: «Невежливо говорить человеку об этом».

Потеря веса – другое дело. Если человек стал заметно тоньше, я, возможно, спрошу: «Ты сильно похудел – не болеешь, случайно?» Я знаю, что некоторые сидят на диетах. Но люди моего возраста с немалой вероятностью могут похудеть из-за проблем со здоровьем. Может быть, у них рак или еще что похуже. Поэтому если я вижу, что кто-то сильно сбросил вес, я не хожу вокруг да около, а задаю прямой вопрос.

Считается, что фразы наподобие «Как ваш сын?» помогают завести разговор и «разбивают лед» между собеседниками. Но мне не приходит в голову это спросить, если только я не готовлюсь к разговору сознательно. Стоит мне подойти к людям, у меня словно сводит язык, пока кто-то не заговорит со мной первым. Если я и решаюсь начать разговор, то часто говорю что-то, что сбивает собеседника с толку или кажется грубым – особенно, когда я говорю правду, которую человек не хочет слышать.

Поэтому несколько лет назад я научился произносить неопределенное «хм!», когда мне нужно начать разговор или заполнить паузу. Люди не всегда знают, что сказать в ответ, но хотя бы не считают это грубостью. А я стараюсь использовать любую реакцию как способ развить беседу.

В прошлом, когда меня упрекали за неподобающие вопросы, мне становилось стыдно. Теперь я понимаю, что обычные люди ведут себя искусственно и зачастую фальшиво. Вместо того, чтобы позволить им задеть меня, я прямо выражаю свое недовольство. Я отстаиваю свое право на логику и рациональность.

Мои сложности в общении – пример проблем, с которыми аспергианцы сталкиваются каждый день. Когда у человека есть явная инвалидность – например, он передвигается на коляске – к нему относятся с пониманием, потому что его особенности всем видны. Никто не скажет ему: «Скорее! Побежали через улицу!» А когда он не побежит, никто не удивится: «А что ему мешает?» Наоборот, ему предложат помощь.

Моя инвалидность в плане общения никак не выражена внешне. Поэтому, когда я допускаю оплошность в разговоре, люди говорят: «Вот ведь надменный кретин!» Я жду того дня, когда к моим особенностям будут относиться с таким же уважением, как к проблемам человека в коляске. И если к уважению будет прилагаться выделенное место на парковке, я возражать не стану.

Хм!

Глава 21

Молодые руководители

Когда мы только начинали работать в «Милтон Брэдли», мы были молоды и полны энтузиазма. Я и мой коллега Боб не сомневались, что наши игры изменят мир. Порой мы засиживались до полуночи, спеша подготовить к выпуску новейшую электронную игрушку. И для этого не требовалось умение вести светские беседы. Мы работали, чтобы создавать новые устройства и решать задачи, а не поражать людей своим красноречием.

И все же нам не помешало бы лучше разбираться в том, как устроена большая компания изнутри. Еще в начале работы мы очень быстро столкнулись с корпоративной политикой. В 1981 году фирма выпустила свою популярную новинку – игру под названием «Темная башня». По сути, это была электронная версия старой ролевой игры в стиле фэнтези. Главной ее деталью была вращающаяся башня, которая останавливалась перед каждым игроком. Вот только оказалось, что останавливается она не тогда, когда нужно. И поскольку Боб был инженером в команде разработки, решать эту задачу предстояло ему.

Он чесал в затылке, гадал, размышлял и экспериментировал, пытаясь понять, что делать. А я, имея возможность наблюдать за процессом разработки изнутри, поражаюсь, насколько технически сложной может быть электронная игрушка за тридцать девять долларов. Во многом такие игрушки были куда сложнее аппаратуры, с которой я имел дело в музыкальном бизнесе, притом что некоторые из тех устройств стоили в тысячу раз дороже.

На первый взгляд, игрушка была проста. Включаешь моторчик – он крутится, выключаешь – останавливается. Но именно тут крылась загвоздка. Моторчик продолжал какое-то время вращаться по инерции – как тормозящий автомобиль проезжает некоторое расстояние, прежде чем остановиться. Проблема была в том, что нельзя было предугадать, когда именно башня остановится.

– Если бы на детали нам выделили бюджет в пятьдесят долларов, было бы куда проще, – задумчиво произнес Боб.

– Ну да, – ответил я. – Вот только нам надо придумать, как уложиться в двадцать пять центов.

И в этом был корень проблем. Бюджеты в производстве игрушек были крошечные, и требовалось все наше техническое мастерство, чтобы эти игрушки работали при минимальном количестве деталей и простейшей конструкции. Когда нам это удавалось, мы испытывали определенную гордость за свои элегантные и эффективные решения. Но так выходило не всегда.

Целый месяц мы работали по шестьдесят часов в неделю, и наконец Боб нашел ответ.

– Надо сделать ограничительную схему! – заявил он. – Мы используем транзисторы, чтобы фиксировать мотор, и он будет останавливаться сразу же, как мы отключим питание.

– Как динамические тормоза на локомотиве, – догадался я. Идея меня восхитила. Кто бы мог подумать, что тот же принцип, который помогает удержать товарный поезд на крутых склонах, может притормозить и маленькую игрушку?

Идея Боба сработала. Теперь башня останавливалась там, где надо. Игра была готова к продаже.

Но через месяц Боба ждал неприятный сюрприз.

– Ты слышал?! – он кипел от возмущения. – Алан присвоил мою разработку, и премию дали ему! Он украл мою идею!

Мне нечего было сказать. Наш юношеский энтузиазм постепенно угасал – слишком часто наши творческие порывы шли вразрез с корпоративными нравами.

Тем временем, моя группа не покладая рук трудилась над первой «говорящей» игрой. Мне поручили разрабатывать систему для записи речи и перевода ее в цифровой формат. Я занялся аналоговыми компонентами, а Клаус – собственно цифровыми. Для сбора и хранения данных мы использовали один из первых в мире микрокомпьютеров – IMSAI 8080. В итоге получилась этакая «машина Голдберга»⁵, где сотни деталей соединялись кучей проводов и кабелей, и все это располагалось на монтажном столе в моей лаборатории. Как только устройство было собрано и протестировано, мы сразу пустили его в ход. Я сидел перед монитором, держа палец на клавиатуре. Управление было элементарным. “G” означало “Go” – после нажатия этой клавиши система записывала все, что слышала в следующие шесть секунд. “S” означало “Save” – сохранить результат. Мы начали собирать и оцифровывать речь.

«Эй, давай, игру начинай!» – раздавалось в лаборатории. К нам по очереди приходили все сотрудники и начитывали дурацкие фразы, которые должны были стать игровыми репликами. «Вы выбрали три!» И классическое: «Мой ход!» Каждый инженер и техник мог попробовать силы в озвучивании новой игры. Однако, в продажу вышла та версия игры, которая говорила голосом одного из наших вице-президентов, Майка Мейерса.

Возможно, это было глупо, но я гордился своей разработкой, и мою идею никто не пытался украсть. Наши специалисты взяли записи, собранные моим устройством, и превратили их в короткие потоки байтов, поступающие на новую звуковоспроизводящую микросхему. Мы ужали и упростили фразы как могли – от записей осталась самая малость, все равно что крошки от еды, валявшиеся в кармане моей рубашки. Удивительно, но после всех манипуляций реплики все равно звучали неплохо.

Сегодня, наверное, у каждого ребенка есть какой-нибудь “Game Boy” или другая карманная приставка. В конце 70-х ничего такого не было. Но близилась новая эпоха. Вскоре после того, как я начал работать в компании, мы выпустили первую карманную видеоигру со сменными картриджами.

Называлась она “Microvision” и представляла собой консоль с набором картриджей. Внезапно она стала объектом мечтаний миллионов детей, как и игры, шедшие с ней в комплекте –

⁵ Машина Голдберга – «заумная машина», излишне сложное устройство, которое выполняет очень простое действие.

«Блокбастер», «Пинбол», «Боулинг» и прочие. После Рождества мы поняли, что спрос на “Microvision” будет огромный. В прошлом году лидером продаж стала наша же игра «Саймон», и вот теперь, судя по всему, у нас появился новый хит. Праздники закончились, а спрос на игру был такой, что мы едва успевали штамповать новые партии.

Однако, в начале следующей осени из производственного отдела стали доходить тревожные новости. «Слышали про “Microvision”?» – сказал Брэд, один из инженеров, работавших над ее выпуском. – «Консолидохнут одна за другой, их возвращают тоннами. Вчера одна безумная мамаша явилась на завод на Федерал-сквер и устроила скандал из-за того, что у ее сына сломалась игра. А теперь и на конвейере проблемы. Уйма брака».

Брэд не выглядел сильно обеспокоенным. В конце концов, наш отдел занимался разработкой, а это была проблема производства.

Зато на заводе встревожились не на шутку. Близилось очередное Рождество, объемы производства росли, и уровень брака взлетел до небес. За несколько недель процент дефектных консолей поднялся с 5% до 60%. Руководство ударило в панику. Заказов поступило на миллион экземпляров, не меньше, и мы попросту не справлялись. Это был худший кошмар производителя.

За всю столетнюю историю компании не случилось ничего подобного. В конце концов, паззлы и шахматы никогда не ломались. Электронные игрушки были новой разработкой «Милтон Брэдли». Сотрудники-старожилы с ностальгией вспоминали времена, когда «новый продукт» означал, что в игре будут синие шашки вместо красных.

Первыми на амбразуру были брошены инженеры-технологи и отдел контроля качества. И те, и другие быстро зашли в тупик. Руководство было в отчаянии. Оно стучало кулаками по столу и топало ногами, пока наконец не решило обратиться к «этим чудикам из разработки». Вызвали нашего начальника, и он сказал: «У меня есть парень, который вам нужен. Он занимается аналоговой техникой и сможет посмотреть на ситуацию свежим взглядом».

Так я получил новое задание. Я начал читать книги по производству. Затем – по контролю качества. Иногда я засиживался до часу ночи. А еще я задавал вопросы:

– Что изменилось в производственном процессе?

– Ничего.

– А в тестировании или доставке?

– Тоже ничего.

– Может быть, детали другие? Партия бракованная?

– Нет. Мы закупили двести пятьдесят тысяч комплектов деталей еще весной и до сих пор их используем.

Снова тупик.

Вернувшись в лабораторию, я обсудил дела со своим приятелем Бобом из отдела разработки. Мы уже начали носить на работу галстуки и спортивные пиджаки. Предполагалось, что инженеры носят галстуки, а технологи – нет. От нас ожидалось, что мы будем соблюдать стиль «молодых руководителей», хотя мы слабо представляли, что это означает. Вернее, наши представления о стиле сильно отличались от представлений начальства.

Мы, конечно, пришли сюда, чтобы разрабатывать электронику, но кроме того, нам хотелось веселья и развлечений. Например, клеиться к девушкам из отделов приемки и художественного оформления. Наше начальство, в свою очередь, было здесь исключительно ради работы. Вернее, для того, чтобы *заставлять работать нас*. В этом и заключалось определение «руководства» – делать так, чтобы другие выполняли вашу работу. И этими другими были мы.

Проблема с “Microvision” сулила много неприятностей, и мне это не нравилось.

– Может быть, кто-то устроил саботаж? Как думаешь, это возможно? – спросил я.

Боб скептически хмыкнул. Он проработал на производстве дольше меня, и, по его словам, обстановка на заводе была довольно мирной.

– Я уже давно не вижу там ни потасовок, ни следов крови на полу. Вряд ли кто-то портит консоли намеренно.

Я задумался над его словами. «Давно не вижу». То есть, раньше в цехах случались драки и кровопролития? Похоже, что да. Вот поэтому я туда и не ходил.

Понемногу я начинал нервничать. С конвейера каждый день сходили сотни нерабочих консолей, и паника начальства сменилась бешенством. Но я знал, что смогу во всем разобраться. По крайней мере, я на это надеялся. А если не смогу – всегда найдутся другие сотрудники.

Мне требовалась помощь, и я снова позвонил Бобу. Он предложил встретиться и все обсудить. Мы договорились, что увидимся через несколько часов.

К назначенному времени я уже был на месте и расхаживал из стороны в сторону, поглядывая на часы. Я гнал машину, чтобы успеть вовремя – Боб же, кажется, не спешил.

Я зашагал быстрее. Мне казалось, будто тяжесть всего мира лежала на моих плечах. Мобильных телефонов тогда еще не было, и оставалось только ждать.

Я начинал злиться. Когда мне приходилось ждать перед совещаниями с руководством, я хотя бы мог зайти в бар, выпить что-нибудь или перекусить. Но мы с Бобом назначили встречу у пристани, и кроме парковки вокруг не было ничего. Я проработал в серьезной компании чуть больше года, но уже начал вникать в тонкости корпоративной жизни. И она оказалась не такой, как я предполагал.

Наконец я увидел Боба. По крайней мере, мне показалось, что это он.

Точнее сказать было сложно – катер шел в миле отсюда, хотя приближался довольно быстро. Через пару мгновений я убедился, что это действительно «Морской луч» Боба, а вскоре разглядел и его самого. Я пробежал по причалу и прыгнул в катер, как только он пристал.

– Извини, опоздал, – сказал Боб, протягивая мне бутылку пива. – Нужно было заправиться. А потом в пиццерии оказалась очередь.

Он отчалил от дока, развернул катер и направился вниз по реке. Я взял кусок пиццы и стал есть, глядя на волны, разбегавшиеся за кормой. Боб вел катер, а я размышлял над будущим “Microvision”. Сто

двадцать рабочих в цеху собирали консоли без отдыха. И пока мы не найдем ответ, шесть из десяти игр будут отправляться на свалку. Но здесь, на реке, коробки бракованных консолей не мозолили глаза. Стоял погожий осенний день. Листья только-только начали желтеть. Отличное место, чтобы поразмыслить над бедами нашей компании.

- Так что ты об этом думаешь? - спросил я Боба.

- Пиво в холодильнике, - откликнулся он. Боб работал над еще одной игрушкой под названием «Биг Трак». Это был программируемый танк, который ездил по полу и издавал разные звуки. Мы в нашем отделе постоянно искали способы расширить его скромные возможности.

- Знаешь, Боб, я тут подумал. Мы могли бы приделать к танку электрошокер, чтобы он жалил в лодыжку. Тогда он сможет постоять за себя. Вот будет сюрприз для какого-нибудь пацана, который решит его пнуть.

Боб улыбнулся - он представил, как какое-нибудь девятилетнее чудовище, решившее стукнуть танк молотком, хлопнется на пол, получив удар током.

Наша идея опережала время. С тех пор прошло больше двадцати пяти лет, но и сейчас, когда я пишу эту историю, игрушки по-прежнему не могут постоять за себя. И дети уничтожают их, к большому огорчению разработчиков. Но мы с Бобом предусмотрели это еще тогда.

Впрочем, на следующем совещании руководство отклонило наши идеи по усовершенствованию танка.

Будучи «молодыми руководителями», мы успели заметить, что высокое начальство решает самые важные вопросы на поле для гольфа. Мелкие совещания проводились в конференц-зале. Более значимые - в зале совета директоров. Но самые важные - те, что длились целый день, а то и несколько дней - проходили в загородном гольф-клубе. Нас с Бобом еще не допускали в это святилище, но мы были намерены туда попасть. И следовали примеру наших руководителей, решая сложные проблемы нашей компании на природе.

- Может быть, дело в самой конструкции микросхемы? - спросил Боб. Мы уже хватались за любую мысль.

- Я правда не знаю, - сказал я.

- Или проблема в питании?

Что-то подсказало нам ответ - может быть, сноп водяных брызг от встречного катера. Я до сих пор не знаю, как мы додумались. Но за такие идеи нам и платили. Как сделать игру, которая содержит меньше пяти деталей, стоит дешевле десяти центов и к обеденному перерыву спасает мир.

Едва я нашел ответ, он показался мне очевидным. Лето сменилось осенью, и воздух стал суше. Меньше влажность - больше статического электричества. Консоли убивало то же явление, из-за которого потрескивают и топорщатся волосы, когда вы надеваете свитер.

- Статика! - выпалил я.

- Что?

- Вот что убивает консоли. Статика.

- Статика... Статика, - Боб задумчиво повторил это слово еще несколько раз. - А ведь ты, наверное, прав.

Мой мозг лихорадочно заработал – я начал думать, как доказать свою гипотезу. И что делать дальше, если я прав? На кону миллионы долларов, вложенные в бракованный продукт, и рабочие места множества людей. Это не какая-то отвлеченная задача из тех, что решает отдел разработок. Речь шла о производстве. А производство – куда более жестокий мир. Я слышал рассказы о том, какие методы там использовались, чтобы подстегнуть работников в критической ситуации. Ставили по три инженера в ряд и двоих вышвыривали с работы. Оставшийся начинал пахать как заведенный.

Управление там строилось на совершенно других принципах. Мы с Бобом читали книги о производстве, трудовых отношениях и истории таких отраслей промышленности, как добыча угля и сталеварение. Мы не знали, насколько наша фабрика была похожа на сталелитейный завод начала XX века, но выяснять это на собственном опыте нам не хотелось.

Руководство наших отделов мотивировало нас поощрениями и поддержкой. Начальство улыбалось и вело себя воспитанно. На сталелитейном заводе хорошие манеры и похвала были все равно что иностранный язык. Управляющие, которые знали, как добиться результата, ходили со сбитыми костяшками, некоторые носили кастеты. Начальники держали в кабинетах бейсбольные биты, выщербленные от многократного использования.

Тем временем, пицца закончилась, но мы уже придумали план и, вернувшись к причалу, размышляли над следующим шагом. Возможно, необходимо улучшить заземление? У меня имелся запас медной фольги на липкой основе, которую я использовал в другом проекте. Может быть, с ее помощью удастся рассеять статический заряд, чтобы он не причинял вреда. Я приклеил полоску фольги к передней стенке консоли так, чтобы она соприкасалась с дорожкой заземления печатной платы. Затем наклеил такой же кусок фольги на крышку, закрывавшую картридж, и еще один – на заземляющий слой разъема.

Это сработало. Когда картридж вставлялся в консоль, кусочки фольги соприкасались первыми, и статический заряд рассеивался. Пора было проверить это на готовой продукции. Я потребовал коробку новых игр, только что сошедших с конвейера. Ее доставили через пару минут, что подтверждало, как важен был для руководства наш успех.

Я несколько раз снял и надел свитер, а потом прошелся по полу в ботинках на резиновой подошве. Когда я дотронулся до выключателя, между ним и пальцем проскочила искра. Удовлетворенный силой заряда, я еще несколько раз стянул с себя свитер и надел обратно, а затем взял в руки консоль, в которой еще ничего не менял. Она вырубилась у меня в руках. Тогда я взял экземпляр с улучшенным заземлением, и он продолжил работать как ни в чем не бывало.

Я проделал это еще раз и еще, пока мусорный ящик не наполнился сломанными консолями. Ни одна из моих игр не подвела. Я пришел в абсолютный восторг. Ответ найден. Теперь меня точно не уволят.

В итоге все оказалось так просто. Но ведь и скрепки для бумаг тоже просты. Многие из лучших инженерных творений элементарны по своей сути. Временами мы действительно мастера очевидного.

С этого момента битва за “Microvision” была выиграна. Оставались лишь мелкие доработки. Я немного изменил схемы и кое-что добавил, чтобы улучшить защиту от статики. Технологи подобрали материалы для антистатического покрытия, которым выстелили помещения сборки. В цехах установили систему увлажнителей, распылявших водяной пар над рабочими местами, чтобы статика не возникало вовсе.

У нас с Бобом был свой прекрасный источник водяных брызг – река Коннектикут. Мы продолжили устраивать там наши совещания по поводу и этого проекта, и других. Я приступил к работе над «Милтоном» – следующим электронным чудом, а Боб вернулся к «Супер Саймону». «Милтон» был первой в мире говорящей электронной игрой. Говорящие игрушки существовали уже много лет, но все они использовали механические способы воспроизведения звука, подобно старинным грамофонам. Были куклы вроде «Болтушки Бетти», которые произносили фразу, если ребенок дергал за веревочку. Но интерактивная электронная говорящая игра была первой. В итоге «Милтон» и вправду заговорил, но, к сожалению, покупатели не пожелали его слушать. Через год игра бесследно исчезла с рынка.

Уверен, мое решение проблемы со статикой сохранило фирме сотни тысяч долларов, если не больше. Но, как в случае с Бобом и «Темной башней», награда не дошла до моих рук – премия оказалась на чужом банковском счету. В нашей пищевой цепочке все деньги оседали где-то уровнем выше.

В закрытый гольф-клуб мы тоже так и не попали. Лет десять спустя Боб прославился как конструктор и один из создателей интерактивных кукол “Diva Starz” и “Cabbage Patch Kids”, выпущенных компанией «Маттел», а также электронной игры “Whack-A-Mole” тех же «Милтон Брэдли». Мне же той осенью предложили новую должность – директора отдела разработки в компании, производившей пожарные сигнализации и электронные таймеры. Я зашагал вверх по корпоративной лестнице, оставив Боба в его мире игрушек. Проблема была в том, что чем выше я поднимался, тем больше мне требовалось умение общаться с людьми, и тем меньше значили мои творческие и технические способности. Для такого человека, как я, это был верный путь к провалу.

Я перешел на новую работу в компанию «Симплекс» в Гарднере – примерно в часе езды от дома. Я стал носить костюм. У меня был свой кабинет с отдельной дверью и личный секретарь, охранявший к ней подступ. Спустя год под моим началом уже было двадцать человек. Но это оказалось ошибкой. Работа не приносила мне радости. Меня преследовало чувство, что я окружен посредственностью – и в смысле людей, и в смысле продукции. Раньше я создавал игрушки, и это было увлекательным делом, а теперь руководил производством электронных часов, отмерявших рабочие смены на заводах, и в этом не было ничего увлекательного.

К сожалению, путь назад был закрыт. Вскоре после того, как я покинул «Милтон Брэдли», дела у них пошли плохо. Компания потеряла 30 миллионов долларов на вложениях в компьютерные игры, и Боб лишился работы, как и большинство моих прежних коллег. Спустя некоторое время компания была продана. Я начал понимать, что высокая должность еще не гарантирует стабильную работу.

В разгар моей борьбы за то, чтобы влиться в ряды корпоративной Америки, я женился. Мы с Мишкой заключили брак летом 1982 года. Мне было двадцать пять. Первое время мы жили счастливо, но потом ситуация на работе ухудшилась, я начал приносить рабочие проблемы домой. Я был расстроен и подавлен, а Мишка с головой ушла в дела университетского клуба любителей научной фантастики – после перерыва в пару лет она снова вернулась к учебе. В 1984 году, уже после того, как потерял работу Боб, я сам попал под сокращение в «Симплексе», где тоже начались финансовые проблемы. Нам с Мишкой приходилось нелегко, поскольку я был единственным кормильцем, пока она училась. Мало того, пока я сидел без работы, ее брат Пол погиб в автомобильной аварии. Под грузом всех этих бед мы начали отдаляться друг от друга. Это было тяжелое время для нас.

К счастью, новую работу я нашел довольно быстро. Я пошел в небольшую фирму «Айсорег», производившую электрические трансформаторы. Правда, теперь дорога до работы занимала полтора часа. Жизнь руководителя выходила совсем не такой, как ее изображали по телевизору.

К 1988 году я сменил еще два места работы и корпоративным миром был сыт по горло. Я успел смириться с тем, что писалось в моих годовых характеристиках. Я не был командным игроком. Мне с трудом давалось общение с людьми. Я был груб и бестактен. Мой ум и изобретательность не имели значения – я по-прежнему оставался отщепенцем.

Меня душила постоянная критика. Душила сама жизнь. В буквальном смысле. Я заболел астмой, и каждые пару месяцев меня увозили на «скорой». По утрам мне ненавистна была сама мысль, что нужно вставать и идти на работу. И я понял, что нужно сделать. Нужно перестать принуждать себя делать то, на что я не способен. Я никогда не стану частью большой компании, группы, команды.

Когда мне было пять лет, я больше всего на свете хотел быть в команде. Лет в семь я пробовал вступить в Младшую бейсбольную лигу, но меня не взяли. С тех пор я больше не пытался к кому-то присоединиться. Возможно, даже двадцать лет спустя все эти случаи, когда я был отвергнут, давали о себе знать.

– Ты должен влиться в коллектив, – слышал я снова и снова.

«И что, стать еще одним идиотом в костюме? Ну, нет уж», – думал я.

– Нужно быть дипломатичнее, когда указываешь на недостатки в работе других людей.

«Такая конструкция – полный бред. Она никогда не будет работать. Я в пятнадцать лет делал штуки получше», – думал я.

– Ты, наверное, думаешь, что твоя разработка – лучшая в мире, но она не соответствует направлению нашей компании.

«Значит, вы хотите использовать другую разработку – которая в половину менее эффективна и обойдется в два раза дороже – только потому что Дэн стелется перед вами на совещаниях и не говорит в лицо, какой вы кретин, как это делаю я. Так ведь?»

Я потратил десять лет и сменил четыре работы, прежде чем понял тщетность своих усилий.

Кстати, годы спустя, в 1998 году, меня все-таки приняли в элитный гольф-клуб. Только мне это было уже не нужно. Я уже не был руководителем. Да и в гольф я играть не умел.

Глава 22

Путь к нормальности

Я много размышлял о том, как мне удалось пройти путь от человека, который не вписывается ни в какие рамки, до того, кто кажется почти нормальным. Это был постепенный процесс.

Мне кажется, есть некая шкала – от аутизма к синдрому Аспергера и от него к нормальности. На одном ее конце находятся дети, которые с рождения полностью обращены внутрь себя. Они живут, погруженные в свой мир и свои мысли, так что родители и окружающие едва могут достучаться до них. На другом конце шкалы – дети, которые полностью обращены вовне. У них почти нет способностей к глубокому самоанализу или выполнению сложных расчетов в уме. Такие люди редко становятся хорошими инженерами, но они могут многого добиться благодаря своей коммуникабельности, ведь навыки общения считаются одной из главных составляющих успеха.

А посередине находятся такие люди, как я – одни функционируют лучше, другие хуже. Мы умеем глубоко погружаться в свои мысли, но и не лишены способности взаимодействовать с людьми и внешним миром.

Некоторые люди с синдромом Аспергера умеют сосредотачиваться чрезвычайно сильно, и тех из нас, кто развивает этот дар до крайности, иногда называют савантами. Эта особенность часто имеет свою цену: такой человек обладает феноменальным талантом в одной узкой области, но прочие его способности крайне ограничены. Вряд ли меня можно считать савантом, просто у меня очень высокий интеллект. Но подозреваю, что в детстве я был близок к тому, чтобы им стать, и мое более позднее умение визуализировать математические функции и работу электрических схем тоже было из разряда савантизма.

До недавнего времени не было доступной информации о том, как на самом деле мыслят и воспринимают мир саванты и люди с синдромом Аспергера. Лишь в последние годы стали выходить книги и исследования, проливающие на это свет. Когда я прочел книгу Дэниела Таммета «Рожденный в голубой день»⁶, меня поразило, как похож описанный им мыслительный процесс на мое собственное мышление. Читая слова Темпл Грандин о том, как она мыслит картинками, я тоже заметил много общего с собой. Думаю, чем больше информации будет появляться из первых рук, от таких людей, как мы, тем больше удивительных открытий нас ждет об аутизме и синдроме Аспергера.

В юности мозг человека постоянно развивается, образуя новые связи и меняя способ мышления. Вспоминая свое взросление, я замечаю, что у меня бывали периоды, когда моя способность сосредотачиваться на внутреннем мире и выполнять сложные умственные операции развивалась очень быстро. Я с легкостью решал разнообразные технические и математические задачи, но при этом

⁶ Daniel Tammet, "Born on a Blue Day".

больше отдалялся от людей. На смену этому периоду приходил другой – когда стремительно росло мое умение общаться с людьми, а способность глубоко сосредотачиваться, казалось, падала.

Полагаю, есть дети, которые находятся посередине шкалы или ближе к ее высокофункциональной части, но не получают вовремя необходимой стимуляции – в итоге они настолько замыкаются внутри себя, что уже не могут жить в обществе, даже если они невероятно талантливы в какой-то узкой области, например, в абстрактной математике.

Ученые уже давно исследуют так называемую «пластичность мозга» – его способность перестраивать нейронные пути на основе нового опыта. Судя по всему, в разном возрасте у человека преобладают разные виды пластичности. Вспоминая свое детство, я думаю, что период с четырех до семи лет сыграл решающую роль в моей дальнейшей адаптации. Именно тогда я рыдал и мучился от того, что со мной никто не дружит. Я мог бы отдалиться от людей, чтобы избежать новой боли, но этого не произошло. К счастью, мне удавалось общаться с адекватными взрослыми – родственниками и их университетскими друзьями – и благодаря этому я не утратил желание иметь дело с людьми.

Но я легко могу представить ребенка, которому совершенно не с кем общаться, и от этого он уходит в себя. А если ребенок в пять лет полностью замкнется, потом выманить его наружу будет очень сложно.

Что касается меня самого, еще одно значительное перестроение моего мозга произошло после тридцати лет или даже позже. Я это вижу, потому что могу сравнить свое нынешнее мышление с записями своих мыслей и чертежами устройств, сделанными лет двадцать пять назад.

Все, что я писал тогда, было сухим и бесцветным, лишенным эмоций. Я не писал о своих чувствах, потому что сам не понимал их. Теперь я гораздо лучше разбираюсь в своей эмоциональной жизни и могу выражать свои переживания и устно, и письменно. Но за этот рост эмоционального интеллекта пришлось заплатить. Я смотрю на свои разработки двадцатилетней давности, словно их создал кто-то другой.

Некоторые мои устройства были прямо-таки шедеврами экономичности и функциональности. Многие люди говорили мне, что это гениальные творения. Но сегодня я совершенно не понимаю, как все это сделал. Когда я смотрю на свои старые чертежи, мне вспоминается книга, прочитанная в юности – «Цветы для Элджернона». Ученые взяли умственно отсталого человека и превратили его в гения, но эффект оказался недолгим, и его ум начал угасать снова. Именно так я иногда себя чувствую, когда гляжу на свои прежние творения. Все они были порождены той частью разума, которой у меня больше нет. Я больше не смогу изобрести гениальное устройство. Может быть, мне придет в голову идея в духе световой гитары Эйса Фрейли, но воплощать ее придется кому-то другому.

Мою историю нельзя назвать печальной, потому что мой интеллект не погиб и не ослабел. Он начал работать по-другому. Я уверен, что мой мозг так же силен, как и раньше, но его фокус стал шире, если можно так сказать. Никто из тех, кто знал меня тридцать лет назад, не мог предвидеть, что я научусь общаться, как сейчас, или

выражать эмоции, мысли и чувства, о которых вы читаете в этой книге. Я и сам не мог этого предвидеть.

Но обмен того стоил. Гениальность никогда не помогала мне заводить друзей и уж точно не приносила мне счастья. Моя нынешняя жизнь несравнимо счастливее, богаче и разнообразнее прежней – благодаря непрерывному развитию моего мозга.

Подозреваю, что когда я был ребенком, взрослые в достаточной мере поощряли меня, чтобы я продолжал общаться и двигаться по пути социализации. Взрослые лучше детей умели справляться с моими ограничениями. Они поддерживали разговор, даже если я отвечал невпопад, и чаще проявляли интерес к тому, что я говорил, какими бы странными ни были мои реплики. Если бы мне не помогли сочувствующие взрослые, я бы, наверное, еще больше погрузился в аутизм. Может быть, я вообще перестал бы общаться.

Даже в шестнадцать лет я легко мог утратить навыки общения и запереться в своем внутреннем мире.

Вспоминая те годы, я вижу путь, который мог увести меня куда-то далеко – возможно, к полному аутизму или туда, где обитают саванты, способные перемножать в уме десятизначные числа. В конце концов, я хорошо ладил со своими устройствами, и они никогда не смеялись надо мной. Они обеспечивали меня сложными задачами, но никогда не были жестоки. Примерно в тот год, когда я бросил школу, я словно стоял на развилке двух дорог, и от моего выбора зависела вся дальнейшая жизнь.

По сути, выбор за меня сделали обстоятельства – безумная обстановка в семье, потребность сбежать от родителей, необходимость найти работу, чтобы выжить одному. И я пошел по первой дороге, прочь от мира машин и устройств, уютного мира приглушенных красок, неяркого света и механического совершенства. Я двинулся навстречу миру людей, яркому, беспокойному и непредсказуемому. Оценивая свой выбор тридцать лет спустя, я думаю, что те дети, которые выбрали другую дорогу, возможно, в итоге так и не смогли вписаться в общество.

И когда я думаю о детях, пошедших по второму пути, меня, как взрослого человека с синдромом Аспергера, глубоко тревожит одна вещь. Очень часто в описаниях аутизма и синдрома Аспергера говорится, что такие люди «не желают контактировать с окружающими» или «предпочитают играть одни». Я не могу утверждать за других детей, но хотел бы очень четко выразить свои собственные чувства: я *никогда* не хотел быть один! И все те детские психологи, которые говорили: «Джон предпочитает играть сам по себе» – категорически заблуждались. Я играл один, потому что у меня не получалось играть с другими. Я был один из-за собственных ограничений, и одиночество стало одним из самых горьких переживаний моего детства. Боль от этих ранних неудач еще долго преследовала меня и во взрослом возрасте, даже когда я узнал о синдроме Аспергера.

В молодости мне повезло открыть мир музыки и влиться в круг музыкантов, звукооператоров и мастеров по спецэффектам. Те, кто работает в этой области, привыкли иметь дело с необычными людьми.

Я был умен, талантлив, изобретателен, и для них этого было достаточно.

В каком-то смысле, я совершил ошибку, покинув тот мир, где меня принимали и где я чувствовал себя своим. Работая в корпорации, я редко ощущал подобное. Но при моем катастрофическом финансовом положении я не мог позволить себе и дальше работать над электронными устройствами для музыкантов. Мне нужна была настоящая работа.

В корпоративном мире я начинал как инженер, зарабатывая 25 тысяч долларов в год. Тогда, в 70-е годы, это были весьма неплохие деньги. По мере моего продвижения вверх зарплата росла. Ведущий инженер, менеджер по разработке новых продуктов, заместитель директора отдела проектирования, директор инженерного отдела. И, наконец, главный управляющий по энергосистемам. Спустя десять лет я стал получать 100 тысяч в год. Мне завидовали все, кто находился ниже меня по должности. Но я попался в коварную ловушку.

Вначале я проектировал электросхемы. Я любил и умел это делать. Десять лет спустя мои обязанности свелись к тому, чтобы руководить людьми и проектами. Мне был приятен высокий статус и уважение, но руководитель из меня был плохой, и мне не нравилось этим заниматься. Однако, если бы я захотел снова стать инженером, мне пришлось бы уйти в другую компанию и согласиться на зарплату вдвое меньше. Подтекст был ясен: менеджеры ценятся выше, чем инженеры. И меня это злило. Я не собирался жертвовать деньгами и карьерой лишь ради того, чтобы заниматься творческой работой. Мне хотелось всего сразу: хорошей зарплаты, независимости и свободы творчества.

- Вам следовало бы работать на самого себя, - говорило мне начальство.

Было ли это предвестником фразы «Вы уволены?» Дважды меня уже сокращали - иначе говоря, отвергали вновь. В 1983 году я потерял, казалось бы, вполне стабильную работу с зарплатой в 60 тысяч и оказался на пособии по безработице - 197 долларов в неделю. И мне пришлось отстоять целый час в очереди и заполнить два бланка, чтобы получить хотя бы это. В тот год я решил, что больше никогда не буду безработным.

Я понимал, что комментарии начальства справедливы. Я не годился для работы в команде, и мне действительно было бы лучше работать на себя. Но чем я мог заняться, чтобы зарабатывать деньги? Я долго размышлял над тем, как взять судьбу в свои руки. Я умел разрабатывать электронные схемы и умел чинить автомобили. Это были два любимых дела, с которыми я вырос. И то, и другое могло стать карьерой. Получится ли у меня сменить деловой костюм на рабочий комбинезон и начать ремонтировать машины вместо того, чтобы руководить инженерами?

Машины я любил всегда. С тех пор, как начал жить самостоятельно, я покупал старые автомобили, возился с ними, чинил, ездил на них, потом продавал. Теперь я всерьез задумался над идеей бросить электронику и стать механиком или торговцем автомобилями. Я поделился своими мыслями кое с кем из друзей и коллег.

- Я не могу здесь больше работать. Надоело терпеть всю эту дребедень. Никакого интереса не осталось.

Мне либо не верили, либо решали, что у меня приступ депрессии.

- Ты хочешь бросить электронику ради ремонта машин? У тебя одна из самых высокооплачиваемых должностей в компании! Знаешь, сколько людей душу бы продали за такую работу?

Или:

- Что-то ты темнишь. Со мной можешь говорить начистоту, я же твой друг. Если конкуренты предложили место получше, так и скажи. Может быть, я тоже туда уйду.

Всем казалось, что я хитрю или что-то задумал. Но я совсем не хитрил.

- Если уйдешь из нашей отрасли, через пару лет будет очень сложно вернуться. Посмотри на Тома.

Том работал у нас инженером, но ушел, чтобы вместе с шурином заняться постройкой домов. Когда он захотел вернуться, то смог устроиться лишь технологом - на несколько ступеней карьеры ниже.

Но я был тверд в своем решении.

- Я пришел сюда, потому что хотел что-то создавать. Разрабатывать, конструировать. А теперь я просто администратор.

Все коллеги, похоже, решили, что я свихнулся, но мне уже было не важно, что они думают. Важнее было, что думал я сам. А я был сыт этой работой по горло.

Пора было попытаться удачи в одиночку. В 1989 году я уволился и занялся торговлей автомобилями. Это означало, что я не смогу внести вторую часть ипотеки за свой дом. Эти 30 тысяч долларов должны были стать моим стартовым капиталом, и их предстояло растянуть надолго, потому что больше у меня ничего не было. Я начал покупать подержанные европейские автомобили, ремонтировать их и перепродавать. Кроме того, я занимался техобслуживанием покупателей. Моим первым приобретением стал пятилетний «Мерседес 300 SD», который я вычистил, отремонтировал и продал, получив полторы тысячи прибыли. Начало казалось неплохим.

Конечно, ремонт и продажа машин - не творческое занятие, в отличие от разработки звуковых эффектов, но в нем были свои плюсы. Не нужно было тратить время на дорогу. Я снова мог быть самим собой. Я больше не трясся за свое место, потому что никто не мог меня уволить. Я больше не чувствовал себя притворщиком и самозванцем. Мой успех в ремонте и продаже машин зависел только от меня. Никто не ставил под сомнение мою пригодность для этой работы.

Если бы все было так просто. К тому времени, как я понял, что еще многого не знаю, я потерял свои 30 тысяч долларов и задолжал еще 50 тысяч сверху. Первые машины приносили выгоду в полторы тысячи долларов, но на следующих я стал терять по две-три тысячи - в экономике наступил спад, а я принимал неверные решения. Но назад пути не было. Я обязан был удержаться на плаву. Я все еще помнил, как покупал макароны за 30 центов, а на молоко денег уже не хватало. Я поклялся никогда не возвращаться к такому состоянию.

Меня спасли мои познания в технике, подпитываемые желанием, свойственным людям с синдромом Аспергера - знать как можно больше о том, что особенно интересует. А машины меня действительно

интересовали. Может быть, я не умел зарабатывать деньги на их продаже, но я знал, как починить их даже в самых безнадежных случаях, и люди платили за это деньги. Более того, клиенты меня хвалили, и это придавало мне уверенности и заставляло двигаться дальше, несмотря на финансовые потери. А проблемы с электронной начинкой машин, над которыми ломали голову другие механики, для меня оказались элементарными.

В течение десяти лет я выслушивал реплики начальства о том, что я не умею общаться и работать с другими людьми. Теперь ставки были выше. И оказалось, что общаться у меня все-таки получается. Как я это понял? Потому что люди возвращались ко мне. А некоторые даже заходили просто повидаться, когда работа была уже сделана.

Я нашел нишу, где многие мои аспергианские черты, на самом деле, помогали. Стремление знать о машинах все что можно делало меня хорошим мастером. Любовь к точным формулировкам помогала объяснять сложные проблемы простыми словами. Благодаря прямолинейности, я без прикрас сообщал людям то, что им следовало знать о своих машинах, и в большинстве случаев их это устраивало. А неумение считывать язык тела или оценивать внешний вид человека – в сфере автосервиса, где царит дискриминация – означало, что я ко всем клиентам относился одинаково.

Поначалу я терял деньги, потому что только учился вести бизнес, и, в каком-то смысле, это было для меня уроком смирения. До того как заняться этим всерьез, я всегда считал, что автосервис по своей сути куда проще инженерного дела. Поработав и в той, и в другой области, я понял, что это не так. Если на то пошло, вести авторемонтное дело было сложнее, потому что для этого требовались другие способности – которые я никогда не развивал, будучи инженером. Мне пришлось осваивать широкий спектр новых умений, и осваивать очень быстро. Прежде всего, нужно было научиться быть любезным с клиентами, чтобы они захотели прийти снова. В прошлом мне это давалось с трудом, но теперь обстоятельства изменились. Вероятно, новая обстановка пошла на пользу, и у меня появилась надежда, что я научусь общаться с людьми так, чтобы они покидали автосервис если не счастливыми, то хотя бы довольными.

Как оказалось, не последнюю роль в моем успехе сыграл и выбор машин. Я предпочитал работать с машинами высшего класса, например, «роллс-ройсами» и «лендровеерами», потому что мне нравилось, как они сделаны. Мне нравился салон «роллс-ройса» – он напоминал гарнитур элегантной дорогой мебели. Каждый «роллс-ройс» был уникальным произведением искусства, и меня, как страстного любителя машин, приводил в восторг. Но мне была по душе и грубоватая простота «лендровеер-дефендера». С тех пор, как я увидел эту марку на странице журнала “National Geographic”, меня к ним просто тянуло. «Когда-нибудь у меня тоже будет такой», – говорил я себе.

Машины, над которыми я работал, как правило, принадлежали состоятельным и образованным людям. У таких клиентов лучше получалось найти общий язык с эксцентричной личностью вроде меня, к тому же, у них были на то причины. В наших краях мало кто был готов заняться ремонтом «роллс-ройса» или «лендровеера». Во многих

случаях, для этого пришлось бы ехать в Бостон или Хартфорд – а это лишний час пути. Поэтому у владельцев таких машин был повод налаживать отношения со мной, тогда как отремонтировать «шевроле» или «тойоту» можно было на каждом углу.

Поначалу я всем занимался в одиночку – ремонтом, выпиской счетов, закупкой, планированием. Через пару лет, когда дела пошли в гору, я взял себе в помощь механика, потом еще одного и еще. Сейчас, спустя почти двадцать лет, в фирме «Робисон Сервис» работает около дюжины человек.

Когда я работал в крупной компании, я вынужден был навязывать своим подчиненным приказы вышестоящего начальства. Я часто ощущал, что эти приказы – прихоть и самодурство, и мне сложно было заставлять других выполнять дурацкие распоряжения. Теперь, став владельцем фирмы, я отдавал подчиненным только собственные распоряжения и поступал так, как сам считал правильным. И делать это было гораздо легче.

До того как я открыл свой бизнес, у меня был очень узкий круг общения. Коллеги-инженеры, люди из отдела маркетинга, семья, несколько друзей – вот и все, кто меня как-то знал. Новая сфера работы внезапно заставила меня иметь дело с широкой публикой. Мне мог позвонить любой человек, у которого возникла проблема с машиной, и мне приходилось с ним говорить. Никогда прежде я никогда не сталкивался с таким разнообразием людей.

Во многих смыслах, это пошло мне на пользу. В первые же годы ведения бизнеса моя способность взаимодействовать с людьми значительно улучшилась. Те, кто окружал меня в то время, стали замечать перемены. Друзья удивлялись, каким я стал «вежливым и любезным».

Кроме того, от своих постоянных клиентов я многое узнавал о том, как успешно вести дела. Они объясняли мне, что такое торговля недвижимостью, банковское и инвестиционное дело, общие принципы бизнеса. Эти знания были бесценны, и я не получил бы их ни в одной школе.

В течение следующих пятнадцати лет я строил вокруг себя мир машин, в центре которого занял надежное положение. Мы брались за все более дорогие машины и все более сложные случаи. Мы стали мастерской «последней надежды» – куда автовладельцы обращались, когда никто не сумел им помочь. Благодаря тому, как глубоко и основательно я разбирался в машинах, наша фирма стала уникальной в сфере автосервиса. К нам переправляли «роллс-ройсы», «лендрроверы» и «мерседесы» за сотни и даже тысячи миль. Я наконец нашел место, где чувствовал себя уверенно и спокойно.

А потом раздался телефонный звонок. В это время я как раз возвращался с обеда.

– Алло, мистер Робисон? Это Тэри из «Сберегательного банка Чикопи». Вы могли бы сейчас побеседовать с мистером Вагнером?

Билл Вагнер был президентом банка, с которым я вел дела. Долгие десять секунд я ломал голову, что могло случиться. Затем Билл взял трубку.

– Что-нибудь случилось? – спросил я.

- Да нет, ничего, - сказал Билл. - Джон, у меня к вам предложение. Надеюсь, вы не откажетесь вступить в совет директоров банка?

Я потерял дар речи. Меня? В совет директоров?

- Буду очень польщен, - смог выдать я. В тот момент я понял, что наконец-то обрел достойное положение в обществе. Я больше не был отщепенцем.

Глава 23

У меня появился Медвежонок

Весной 1990 года, когда я только-только начал свое дело и постоянно терпел убытки, у меня родился сын. Поскольку матерью его была Мишка, я, разумеется, назвал его Медвежонок. В свидетельстве о рождении значилось имя Джек, в честь моего деда, и мама звала его именно так, но для меня он всегда был и остается Медвежонок.

Хотя я с нетерпением ждал его появления на свет, Медвежонок родился в сложный период моей жизни. Мы с Мишкой прожили несколько лет вместе, а в 1982 году поженились. Но спустя четыре года, после того как ее старший брат Пол погиб в автокатастрофе, у нас наступил разлад. Я надеялся, что с появлением Медвежонка наши отношения вновь наладятся. Для меня это были беспокойные месяцы. Во время беременности Мишка постоянно болела, и я опасался, что Медвежонок тоже родится больным.

Еще я боялся, что у него будет две головы или три руки.

Он появился на свет в родильном отделении больницы «Кули Дикинсон» в Нортхэмптоне. Вечером 11 апреля я отвез туда Мишку на старом сером «ягуаре». Мы приехали и зарегистрировались в 23:45, а в 00:15 он уже родился. Я присутствовал при родах. Поскольку я заранее прочел об этом несколько книг, то, в целом, знал, чего ожидать. На первый взгляд, все прошло нормально. Хотя меня удивило, какой же он крошечный.

Я высчитывал сроки с того самого дня, как узнал, что Мишка беременна. По словам врачей, Медвежонок родился на неделю раньше положенного. Из прочитанного я знал, что дети сильнее всего набирают вес именно в последние три недели, поэтому предвидел, что он будет маленьким. Но он оказался еще меньше, чем я ожидал.

Он весил всего шесть фунтов и шесть десятых унции.⁷

– Маленький, но здоровый, все будет в порядке, – сказал врач. – Инкубатор ему не понадобится.

Конечно, врачи понятия не имели, все ли будет в порядке. Они просто говорили так, чтобы нас успокоить. Они даже не сделали никаких анализов – всего лишь осмотрели новорожденного. Хотя я изучил статистику младенческой смертности и знал, что у этой больницы показатели лучше других.

Я сделал вывод, что если все пойдет как надо, надолго мы тут не задержимся. Одна ночь – а потом Мишку с ребенком выпишут домой. В тот же вечер я тайком замерил его длину по своей руке и оглядел со всех сторон. Он лежал спокойно и ничего не делал, поэтому я рассмотрел его как следует, чтобы запомнить и отличить потом от других детей. Я опасался, что не узнаю его на следующий день, а это было бы очень неловко.

Мишка была взволнована, и наши родители тоже.

Я убедился, что Медвежонку надели на ногу кольцо и прикрепили нейлоновую бирку с номером – только тогда позволил увезти его туда,

⁷ Примерно 2,739 кг.

где держали остальных новорожденных. Это был большой зал, где младенцы рядами лежали за стеклом под теплыми лампами, как цыплята на сельскохозяйственной выставке. Некоторые находились в отдельных инкубаторах, но большинство просто лежали в больших лотках. Я был рад, что Медвежонок пронумерован – что бы ни говорили о том, что мать всегда узнает своего ребенка, все новорожденные были похожи как две капли воды, разве что пол можно было определить. Наверное, если бы у Медвежонка была лишняя рука или не хватало ноги, его легко было бы отличить, но, в целом, все дети выглядели на одно лицо.

На следующее утро в родильное отделение наведались мои родители. Они приехали порознь, так как были давно разведены, а отец за это время женился снова. Первой прибыла мать, затем отец и его жена. Потом появились отец и мачеха Мишки. Ее мать жила во Флориде со вторым мужем, поэтому они не приехали, но позвонили. В тот день гости шли один за другим.

- Только посмотрите на него, какая прелесть!
- Привет, парень! – и тычут ему пальцем в живот.
- Он просто вылитый ты!

Стандартные глупости, думал я, особенно по поводу сходства со мной. Как может ребенок шести футов весом, со сморщенным личиком и головой не больше яблока быть похожим на меня?

Я был рад, что запомнил номер на его браслете. Не думаю, что кто-нибудь намеренно бы его подменил, но ошибки случаются. На случай, если браслет потеряется, я пометил Медвежонка несмываемым маркером прямо на коже.

На второй день оказалось, что все мои страхи беспочвенны. Когда я пришел, Медвежонок был уже в палате вместе с его мамой. Для верности я сравнил бирку и свои метки. Все было в порядке. Медвежонка выписали, и с тех пор он ни разу не ночевал в больнице. Так что, благодаря своей предусмотрительности, я могу быть уверен, что мальчик, живущий сейчас в моем доме – тот же самый, которого Мишка родила семнадцать лет назад.

Вечером мы привезли его домой. Я купил корзинку, которая одновременно служила и средством его транспортировки. Мишка запеленала сына и пристегнула. Из больницы ее вывезли на коляске, а корзинку она держала на коленях. Когда мы уезжали, я понял, что за 4400 долларов, уплаченных больнице, мы получили не так уж много. Ни одежды, ни игрушек, ни других полезных вещей. Только ребенок.

Я так и не понял, почему врачи настаивали, чтобы Мишку везли на коляске. В конце концов, в больницу она пришла на своих ногах и при этом разговаривала. Сейчас она хорошо себя чувствовала и весила на двадцать фунтов меньше. Их настойчивость напомнила мне, как автомобили привозят на ремонт своим ходом, а обратно оттаскивают на прицепе. Хотя следовало бы наоборот.

Медвежонок был таким крошечным, что лежа на моей руке и вытянувшись во всю длину, не доходил мне и до локтя. Приехав домой, мы выстелили мягкой тканью маленькую корзину для белья и устроили его там. Через несколько недель он перерос эту корзинку, и мы переложили его в другую, побольше, где он и обитал почти весь первый год своей жизни.

Когда ему было три дня, я взял его на работу и стал показывать всем вокруг. Люди хвалили Медвежонка и восхищались им. Он ничего не говорил, но наверняка все впитывал и запоминал.

Мы повсюду носили его с собой, потому что считали – чем больше он будет находиться среди людей, тем лучше научится с ними ладить. К моменту рождения Медвежонка я еще не знал о синдроме Аспергера, но помнил, как трудно мне было общаться в детстве, и хотел, чтобы Медвежонку было легче. Я долго размышлял, что для этого сделать, и решил, что нужно показывать ему как можно больше интересных людей. Пока он был маленьким, носить его с собой было несложно, и он внимательно разглядывал людей и вообще все вокруг. Я застегивал свою куртку до половины и носил его за пазухой. Его ручки торчали наружу, а молния надежно держала его на месте. Но для верности я всегда затягивал кулиску внизу куртки, чтобы Медвежонок не выпал. Люди часто провожали нас удивленными взглядами, но обычно ничего не говорили.

– Это Медвежонок, – говорил я, указывая на куртку, из которой он спокойно взирал на мир. Я им очень гордился и хотел, чтобы он скорее вырос и научился разным вещам. Я мечтал о том времени, когда его можно будет приспособить к работе – постричь лужайку, например, или вымыть машину. Должен сказать, этот день до сих пор не настал. Он и вправду вырос большим, но заставить его сделать что-то полезное оказалось очень трудно – почти невозможно. Но я забегаю вперед.

Когда Медвежонок был маленьким, я старался показывать ему самые разные взрослые занятия. Когда я чинил машину, то брал его с собой и сажал в тени под капотом. В те дни он еще ничего не говорил, так что не знаю, что он думал по этому поводу.

Поначалу он был не очень занимательным, потому что ничего особенного не делал. Временами он начинал кричать. Тогда я вынимал его из корзинки и клал себе на грудь. Я читал, что ребенка успокаивает биение родительского сердца. Если он продолжал кричать, я крепко прижимал его к себе.

У меня была для него особая мантра: «Спокойная и смирная зверюшка. Спокойная и смирная зверюшка. Спокоооойная и смиииииирная зверюшка». Через какое-то время, если я крепко прижимал его к себе и долго бормотал это заклинание, он переставал брыкаться и засыпал.

Мне нравилось, когда он спал у меня на груди, не считая моментов, когда он пускал слюни, писался или срыгивал. Но я всегда беспокоился, что во сне могу повернуться и задавить его. Впрочем, наверное, у родителей существует инстинкт на этот счет – ничего страшного не случилось.

Когда он немного подрос, то начал ползать. Большая корзина для белья пригодилась снова – я переворачивал ее, и под ней он мог ползать сколько угодно. Однако, он рос очень быстро и вскоре мог с легкостью из-под нее выбраться. Тогда мы купили манеж.

Потом он заговорил. Несколько раз на дню он подходил ко мне и просился «полетать». И тянул вверх ручки, чтобы я наверняка его понял. Я поднимал его и начинал подбрасывать в воздух. «Летать» Медвежонку никогда не надоедало. Он был твердо уверен, что я всегда его поймаю. На его месте я бы никогда не согласился вот так

«полетать». Я бы боялся, что взрослый уронит меня, и я шлепнусь на пол.

Мы начали вместе читать. Ему очень нравились книжки доктора Сьюза.⁸ Я так часто читал их ему, что выучил наизусть и листал страницы не глядя. Вскоре мне надоело твердить одно и то же, и я стал вносить в стишки небольшие изменения.

Рыбка первая, вторая,
Черная и голубая.
Рыбку я поймаю, съем –
Вот и рыбки нет совсем.

Или:
Человек принес ружье,
Очень страшное оно.
Все кричат, все бегут,
А не то их всех убьют.

Мне нравились мои импровизации – читать одно и то же было слишком скучно. Но хотя я искусно вплетал эти новшества в сказки доброго доктора, Медвежонок замечал подмену и бурно возмущался.

– Читай правильно, папа! – кричал он.

Со временем я стал сочинять для Медвежонка собственные истории. Так он не знал заранее, чего ожидать, но, с другой стороны, мне было сложнее, потому что сочинять приходилось на ходу. Особенно ему нравились истории про летучих ящериц, которых звали Горко, Ууду и Вууду. Они жили в Стране летучих ящериц, но иногда прилетали сюда. Я вплетал в свои истории фрагменты и персонажей других детских книжек, которые уже читал Медвежонку. Особенно он любил слушать про Паровозика Томаса – например, о том, как большие ящерицы-охотники поймали его в огромную сеть и унесли в свою страну.

Мы часто катались на машине и смотрели в окно – не появятся ли на горизонте летучие ящерицы, планирующие на ветру.

Еще я рассказывал Медвежонку, откуда он появился. Похоже, всех детей интересует этот вопрос. Я рассказал, что мы увидели его на витрине Магазина Младенцев, и он нам сразу понравился. Медвежонок возгордился, услышав, что он был младенцем самой дорогой и продвинутой модели. Позже, пойдя в школу, он узнал другие версии ответа на вопрос, откуда берутся дети. Но до тех пор мой вариант вполне его устраивал.

А еще мы вместе строили. Медвежонок обожал конструктор «Лего», но всегда настаивал, что собирать нужно строго по картинкам. Мишка его в этом поддерживала, а я терпеть не мог таких ограничений – мне всегда хотелось что-нибудь поменять.

Особенно Медвежонка возмущали мои попытки приделать игрушечным человечкам две головы или три руки. «Делай правильно, папа!» – пищал он.

Когда он был маленьким, я много работал, поэтому многие решения по его воспитанию принимала Мишка. Она сидела с ним дома,

⁸ Доктор Сьюз (Dr. Seuss) – знаменитый американский детский писатель и мультипликатор.

так что все его базовые навыки – ее заслуга. Наверное, это и к лучшему – сам я не так уж хорошо воспитан, так что едва ли мог служить примером для подражания. Но когда он научился как следует ходить, я начал брать его с собой, и мне это нравилось. Воскресенье было нашим с ним днем. Каждое воскресное утро он просыпался и говорил: «Сегодня день приключений, папа!»

Я водил его по разным местам, которые любят мальчишки. Железнодорожные депо. Свалки старых автомобилей. Корабельные верфи. Аэропорты. Музеи. Рестораны и бары. Многие выходные мы проводили на вокзале «Конрейл» в Вест-Спрингфилде, где смотрели на поезда. Однажды, когда Медвежонку было пять, его пустили в кабину маневрового локомотива, который переводил вагоны из Вестсайда в Спрингфилд. Еще мы как-то раз прокатились в локомотиве товарного состава через Беркшир до сортировочной станции в Селкирке, штат Нью-Йорк.

А еще Медвежонка всегда манили к себе пингины. Мы часто ходили в океанариумы в Бостоне и Мистике посмотреть на них. Иногда, если там было тихо, он начинал говорить с пингинами. Когда Медвежонку было семь, мы поехали в самый крупный океанариум в Новой Англии, но опоздали. Океанариум был закрыт, но в дверь тянулась вереница богато одетой публики, а вывеска над входом гласила, что здесь проходит некий прием. Пока привратники отвлеклись, мы с Медвежонком проскользнули внутрь.

Все гости сидели за складными столиками лицом к аквариуму. Вольер с пингинами находился ярусом ниже и был погружен в полумрак, горела только ночная подсветка. Мы спустились туда. И Медвежонок начал тихонько разговаривать с пингинами.

– Кри-и! Кри! Кри-и-и-и!

И пингины стали ему отвечать, вот что поразительнее всего. В тот вечер он беседовал с ними не меньше часа. Потом мы выскользнули через служебный вход и отправились домой.

В те годы мы объездили всю Новую Англию, и я люблю вспоминать эти дни. С Медвежонком было здорово путешествовать.

Однажды мы отправились в Бостонский порт. Мы оба любили технику и транспорт, особенно большие корабли. Я сказал Медвежонку, что мы пойдем посмотреть на грузовые суда и, может быть, увидим буксир или танкер.

– Здорово! – сразу обрадовался он. Медвежонку было всего пять, и он почти всегда готов был делать то же, что и я. И это было замечательно. Я знал, что когда-нибудь он начнет бунтовать против меня, но пока наши вкусы и интересы полностью совпадали.

По дороге в Бостон я сказал ему:

– А ты знаешь, что Санта-Клаус работает в таком же порту?

– Неправда! – воскликнул Медвежонок. Он всегда возмущался, когда я рассказывал ему что-то необычное о детских персонажах вроде Санты. Но мне никогда не нравились все эти пряничные традиционные истории, и хотелось их как-то оживить.

– Чем же, по-твоему, Санта занимается весь остальной год, когда нет Рождества? – спросил я.

Медвежонок озадаченно умолк. Он явно никогда не задумывался, что Санта может чем-то заниматься. Как и большинство детей, он забывал о нем через день после Рождества и до следующего ноября.

- У Санты есть работа, как у любого взрослого, - сказал я.

- И что он делает? - Медвежонок смотрел на меня недоверчиво, насколько на это вообще способен пятилетний ребенок.

- Санта работает на грузовом кране в Роттердаме, в Европорту. Он весь день разгружает корабли. Мы сейчас увидим точно такие же краны, как у него. А еще у него много друзей в разных портах. Может быть, и здесь мы встретим кого-нибудь из них.

Медвежонок помолчал пару секунд, а потом спросил:

- Что такое грузовой кран?

Вот теперь я его заинтересовал.

- Это такая машина, которая поднимает контейнеры с грузом и переносит их с корабля на берег, а потом ставит на грузовики, чтобы их развезли по магазинам, складам и фабрикам. Мы посмотрим сегодня, как разгружают корабль.

Минуту-другую Медвежонок размышлял о том, как Санта работает в порту. Потом спросил:

- А мы увидим эльфов Санты?

- Может быть, - сказал я. - Смотри внимательно на всех, кого увидишь на корабле. Многие грузовые корабли набирают экипажи из эльфов и матросов с Филиппин. Они похожи с виду, но если приглядеться, эльфов можно отличить - они меньше людей. Их трудно заметить, потому что, когда корабль подходит к берегу, они прячутся, чтобы их не похитили злодеи.

Медвежонок не спросил, зачем злодеям похищать корабельных эльфов, но было видно, что он глубоко задумался.

Тем временем, мы прибыли в порт. Мы миновали ворота и складские помещения и оказались на причале прямо напротив большого желтого крана, разгружавшего корабль. Кран напоминал огромного паука-сенокосца, упировавшегося в причал четырьмя длинными ногами. Он вытягивал вперед стрелу с крюком и цеплял им контейнеры, стоявшие на палубе корабля. Стрела двигалась вперед и назад, так что кран мог поднять контейнер, перенести на пару сотен футов и сложить в штабель на берегу. На борту корабля виднелась ржавая надпись: «Остров Фугу». Я прочитал Медвежонку название, и он тут же спросил:

- Что такое остров Фугу?

- Это остров в Тихом океане, где живут эльфы. Как раз на пути в Страну летучих ящериц.

При упоминании знакомой страны Медвежонок задрал голову, чтобы посмотреть, не кружат ли над гаванью большие ящерицы. Обычно мы видели их вдалеке, на западе. Но в тот день их не было - одни только чайки.

- На этом корабле непременно должны быть эльфы, - сказал я.

Мы наблюдали, как кран разгружает корабль, и я читал Медвежонку надписи на контейнерах. «Хёндэ». «Ханьин». «Коско».

Я сказал:

- Это названия транспортных компаний. Им принадлежат контейнеры. Когда люди хотят что-то перевезти, они звонят в такую компанию, заказывают контейнер и складывают туда свой груз.

Медвежонок начал понимать, о чем речь.

- Это называется грузоперевозки, - добавил я.

- Трудное слово, - сказал Медвежонок.

- Трудное, - согласился я. - Как «геликоптер».

- Да, - сказал он. - Ге-ли-коп-тер. - Это слово Медвежонок очень любил.

- Большая часть твоих игрушек приехала из Китая вот в таком контейнере. И твои ботинки. И мамин компьютер.

Медвежонок поразился. Он даже не представлял, что его одежда и игрушки проделали такой путь через полмира.

Через некоторое время крановщику, видимо, надоело разгружать корабль. Он принялся поднимать контейнеры из другого штабеля и переносить их на судно. Мы продолжали смотреть, как стрела крана движется то вперед, то назад. Может быть, кому-то это показалось бы скучным, но только не нам.

- Смотри внимательно, Медвежонок. Иногда кран роняет контейнер в воду, и тогда появляются контрабандисты и утаскивают добычу.

«Остров Фугу» был длиной не меньше 750 футов - таких огромных кораблей Медвежонок еще не видел. Проплывавший мимо буксир казался рядом с ним детской игрушкой. Я указал на пятнышко, мелькавшее между двумя рядами контейнеров на палубе.

- Смотри, там эльфы!

- Точно! - воскликнул Медвежонок. - Эльфы!

Как только мы их заметили, эльфы сразу исчезли. Похоже, они почуяли, что мы на них смотрим. Потом мы еще несколько раз замечали эльфов краем глаза, но они тут же скрывались из виду.

- Была бы у нас сеть, - мечтательно вздохнул Медвежонок. Потом его мысли вновь переключились на Рождество. - А как же олени, пап? Что они делают летом?

- Ну, на самом деле, - начал я, - олени теперь просто для красоты. Сам подумай, сколько в мире детей. Людей стало гораздо больше с тех пор, как Санта открыл свое дело сотни лет назад. Он бы ни за что не успел доставить все подарки, если бы ездил на оленьей упряжке. Сейчас рождественские подарки развозят корабли и грузовые машины. А оленей только фотографируют для открыток и прочего. Все остальное время они живут на ферме в Финляндии. Может быть, когда-нибудь мы их повидаем.

Тем временем, на причале появилось несколько грузовых машин, которые готовились увезти контейнеры, снятые с корабля.

- Смотри! - сказал я. - Там за рулем, это же Здоровяк, друг Санты.

Медвежонок помахал ему. Здоровяк помахал в ответ, направляя машину к воротам порта.

Похоже, разгрузка закончилась. Из отверстий в бортах судна полилась вода, из труб повалил дым. Медвежонок спросил:

- Они уже отчаливают?

- Наверное, - сказал я. - Но вряд ли прямо сейчас. Буксиров еще не видно. Сомневаюсь, что корабль отплывет до темноты. Знаешь,

Санта и его друзья после работы отправляются в бар «Приют моряка». Тут тоже есть такой. Хочешь, пойдем туда и съедим по гамбургеру?

- Хочу! - Медвежонок уже успел проголодаться.

Мы развернулись и выехали из порта. На другой стороне улицы находилась скупка металлолома и затрапезного вида бар - деревянная вывеска качалась на ветру, в окне мигали огоньки. Я показал Медвежонку вывеску, и он попытался прочесть ее по слогам - к тому времени он уже учился читать.

Мы вошли в бар и уселись прямо под табличкой «Несовершеннолетним вход воспрещен». Медвежонок ее не заметил, а если и заметил, то ничего не сказал. К нам подошел бородатый бармен в кожаном жилете, и я заказал две колы, гамбургер и хот-дог.

Бармен фыркнул и удалился. Медвежонок принялся вертеть головой.

- А где друзья Санты?

В баре было несколько байкеров, водителей грузовиков и портовых рабочих, еще был сутенер и две проститутки. За столом в углу играли в карты пятеро каких-то громил. В центре стола высилась приличная горка купюр.

- Не знаю, - ответил я. - Санта ведь уже старый. Ты сам видел, какая у него седая борода. Он работал в портах по всему миру еще до того, как я родился. Его отец трудился в порту здесь, в Бостоне, у терминала «Черный сокол». Санта унаследовал профессию от него. А его отец - от своего отца. И подарочный рэкет тоже.

- Какой подарочный рэкет? - удивился Медвежонок.

- Санта прикарманивает часть игрушек, которые должен раздарить, и перепродает их на черном рынке в Россию и Монголию - в страны, где нет Рождества. Производители отдают Санте игрушки бесплатно, с условием, что он их подарит, а продавать игрушки ему не положено. Но он частенько выпивает, поэтому не может себя побороть.

Медвежонок нахмурился. Образ пьяницы и пройдохи Санты ему не нравился.

- А видишь вон то здание? - спросил я и указал на огромное строение на другом берегу гавани. На его стене была надпись - «Бостон Эдисон».

- Это электростанция. Там сжигают нефть и уголь, чтобы вырабатывать электричество. Компания «Бостон Эдисон» владеет всеми здешними электростанциями. Она поставляет Санте уголь, который он кладет в чулки детям, если они плохо себя вели.

Мы с Медвежонком не раз наблюдали, как товарные составы развозят сотни вагонов угля по электростанциям.

- Иногда дети так плохо себя ведут, что компания вынуждена послать Санте целый поезд с углем.

Это встревожило Медвежонка. Он, к счастью, получил уголек в чулке только раз в жизни. И даже тогда Санта не оставил его без подарков. Мы решили, что уголь был просто предупреждением.

- Почему Санта не живет в Бостоне, как его папа? - спросил он. - Почему он в Роттердаме?

Медвежонку было всего пять лет, и я не стал его шокировать скандалами и слухами, а просто сказал:

- У Санты начались проблемы с законом, и ему пришлось уехать.

Медвежонок увлекла эта рождественская история. Я видел, что ему уже не терпится пойти домой и поделиться услышанным с мамой и друзьями.

– Видишь ту штуку, похожую на копье? – я указал на огромную стрелу, висевшую за спиной бармена над верхней полкой с бутылками. Медвежонок вытянул шею. Как и большинство мальчишек, он обожал оружие. – Это называется гарпун. Он принадлежал прапрадеду Санты – тот охотился с ним на китов. Может быть, даже защищался от полярных медведей, когда ему приходилось бывать во льдах.

Медвежонок раскрыл глаза от удивления. Он явно представил себе, каково это – обороняться от огромного полярного медведя, бросающегося на гарпун. Даже в темноте бара я видел, что Медвежонок очень впечатлен. Тем временем, нам принесли заказ. Медвежонок выпил обе порции колы и съел половину хот-дога. Даже под созерцание гарпуна на стене его трудно было заставить как следует поесть.

Был уже вечер, когда мы наконец отправились домой. Медвежонок устал, но был очень доволен проведенным днем. Он слез с высокого стула, едва не спотыкаясь протопал к двери и забрался в машину. Я пристегнул его, и он тут же заснул.

Пройдет еще несколько лет, прежде чем он перестанет верить в мои истории. А пока он искал в небе летучих ящериц и высматривал эльфов на каждом корабле, который нам попадался.

Есть немало свидетельств, что синдром Аспергера может передаваться по наследству. Я узнал о своем диагнозе, когда Медвежонок было шесть, и тут же встревожился, что он мог его унаследовать. И у него действительно есть некоторые признаки, но выражены они гораздо слабее, чем у меня. Пока он рос, я внимательно наблюдал за ним и вспоминал то время, когда сам был ребенком. Иногда я видел, как он совершает те же ошибки, и у меня все сжималось внутри. Я старался объяснить ему, что происходит, и, похоже, это помогало. Медвежонок начал заводить друзей и вырос, не унаследовав худшие из моих аутичных черт.

Сейчас он уже подросток, и разница между мною и ним удивительна. Вечерами по пятницам он приглашает шесть-семь друзей, они болтают, смеются, смотрят телевизор и едят пиццу до полуночи. Он стал душой компании – тем, кем я всегда хотел быть, но так и не смог.

В других вещах мы очень похожи. У него мой талант к математике и богатое воображение. В шестнадцать лет он скатился на тройки, потому что ему было скучно, но в алгебре он разбирался лучше учителей. А еще он разделяет мое увлечение пиротехникой. Он изобрел собственный рецепт взрывчатой смеси и теперь взрывает самодельные фейерверки на лужайке за нашим домом. Впечатляющее зрелище.

Я не сомневаюсь, что Медвежонок исполнит и другую мою детскую мечту – закончит школу и выучится в колледже.

За семнадцать с лишним лет Медвежонок вырос и поумнел. Теперь у него есть свои идеи и убеждения, и я ему не очень-то нужен. Годам к девяти его стало очень трудно обвести вокруг пальца. В тринадцать он и вовсе перестал поддаваться на мои уловки. Теперь он пытается обхитрить нас и благополучно разыгрывает других детей.

Прошлым летом, когда он думал, что я не вижу, Медвежонок рассказывал одному из соседских шестилетних мальчишек, что в канализации под нашей улицей живут драконы.

- Мы их подкармливаем мясом, - сказал он, бросая кусочки хот-дога сквозь решетку водостока, - чтобы они не проголодались и не вздумали поджарить нас своим огнем.

Маленький Джеймс слушал с очень серьезным выражением на лице, а потом побежал домой попросить у своей мамы сосисок - чтобы накормить драконов.

В тот момент я испытал за Медвежонка большую гордость.

Глава 24

Диагноз к сорока годам

К тому времени, как мне исполнилось сорок, я сумел обзавестись несколькими друзьями, с которыми у меня сложились крепкие отношения. Один из них – прекрасный психотерапевт Т. Р. Розенберг. Наше знакомство началось с того, что он позвонил мне с намерением купить «лендровер». У меня как раз был выставлен красный «лендровер» на продажу, и я отогнал машину ему домой в Лейден, в Беркшире, чтобы показать.

Для пробы мы решили совершить поездку по окрестностям. У Розенберга был «сузуки-самурай», и он хотел проверить, сможет ли «лендровер» превзойти его как внедорожник. Мы поехали к реке Грин-Ривер, прямо через леса на границе с Вермонтом. Вскоре мы добрались до берега. Путь вел прямо в реку – здесь был брод, по которому раньше водили повозки, запряженные быками. Дорога, идущая к реке, так глубоко врезалась в землю, что мы, по сути, ехали по дну канавы с высокими земляными стенами. Развернуться было нельзя, оставалось ехать только вперед или назад. У воды Розенберг остановился и выбрался из машины.

– Обратно только задним ходом, – сказал он. – Давайте лучше вы, мне ее в гору не вывести.

Я оглянулся на неровную каменистую дорогу, спускавшуюся с холма по крутому склону. Меня тоже не радовала мысль о том, чтобы преодолеть такое расстояние задним ходом. Бычья тропа продолжалась на другом берегу, ширина реки в этом месте была около ста футов. Вода бурлила, обтекая камни. Может быть, пятиться и не придется.

«Если здесь ходили бычьи упряжки, тут должно быть не так глубоко», – подумал я. – «Наверняка можно проехать». Я подошел к самому краю берега. Под бурлящей водой виднелось дно. Я снова сел за руль.

– Поехали, – сказал я. И двинулся прямо через реку. Вода хлынула через капот, доктор Розенберг испуганно вжался в сиденье. «Глубже, чем я думал», – сказал я себе. Я прибавил газу и вывел «лендровер» на мелководье посреди реки. У берега глубина оказалась фута три.

Я слышал, как позади бурлит вода – выхлопную трубу тоже залило. Влага начала просачиваться через щели. Я крутанул руль, сделал разворот в три приема и направил машину к берегу, снова ударив по газам. Колеса немного побуксовали, но мы выбрались на берег, и теперь «лендровер» смотрел в гору.

– Можете снова садиться за руль, – сказал я, освобождая водительское сиденье.

– Ого! – только и смог произнести доктор. Еще некоторое время мы молча слушали, как из «лендровера» выливается вода. Но мотор не заглох ни на секунду. – Черт! Мой «сузуки» так не может.

Оправившись от потрясения, доктор Розенберг сказал, что покупает «лендровер».

Когда несколько дней спустя я пригнал ему машину, мы решили прокатиться еще раз. На этот раз мы заехали в самую чащу леса у границы с Вермонтом. Я долго вел машину по лесной тропе, а когда решил развернуться, то налетел на поваленное дерево, скрытое опавшей листвой. Машина встала.

Мы вышли посмотреть, в чем дело, и Розенберг сказал:

- Колеса как будто смотрят в разные стороны.

Так и было. Ствол погнул поперечную рулевую тягу, и теперь левое колесо смотрело влево, а правое - вправо. Без новой рулевой тяги свежеприобретенный «лендровер» доктора не двинется с места.

Мы решили пешком вернуться к дороге и найти телефон.

- Я съезжу за деталями, а потом вернусь и заберу машину, - сказал я.

Доктор был на удивление спокоен, учитывая, что я только что сломал его новый автомобиль.

Пока мы шли по лесу, вокруг стемнело, начал сыпаться мокрый снег. В те дни из-за стресса у меня обострилась астма, и сейчас она давала о себе знать. Я с трудом переставлял ноги. «Вот черт», - думал я. - «Сначала сломал чужую машину, а теперь закоченею насмерть в этом лесу». Но я не упал замертво, а продолжал идти. Розенберг был по-прежнему невозмутим. Мы добрались до телефона, за нами приехала его жена и забрала нас. Моя астма угомонилась, и на следующий день я вызволил машину из леса.

С того дня мы стали хорошими друзьями. Наверное, для такого роботоподобного и механистичного человека, как я, доктор Розенберг - нетипичный товарищ. Он открытый, приветливый, добродушный и похож на большого плюшевого медведя. Также я убедился, что он очень проницателен. Несколько лет он возглавлял службу психологической помощи в Академии Свифт-Ривер - известной школе для трудных подростков в Беркшире. Позже он создал свою организацию, которая помогает подросткам с различными проблемами адаптироваться к взрослой жизни.

За годы знакомства Т. Р. подмечал мои странности, но никогда не говорил об этом. Однажды, когда мы были знакомы уже лет десять, он все же решил поделиться своими наблюдениями, хотя продолжал беспокоиться, как я отреагирую. В конце концов, большую часть времени я выглядел почти нормальным. Я основал свое дело и добился успеха. Я благополучно общался с людьми, хоть кто-то и считал меня чудаковатым. У меня были жена и сын. Я не имел проблем с законом, не пил и не принимал наркотики.

Доктор Розенберг завел привычку время от времени навещать меня в обед. Однажды он сказал:

- У психотерапевтов есть правило - не анализируй своих друзей, если не хочешь их потерять. Но в этой книге есть описание, которое подходит тебе до последней буквы. Прочти ее и скажи, что думаешь.

И он протянул мне книгу: «Синдром Аспергера» Тони Эттвуда.

Я настороженно взял книгу и спросил:

- Что это еще такое?

А сам подумал: «Десять секунд назад я рассказывал ему, что прочел о новейших бульдозерах фирмы «Катерпиллар», которые

собираются конкурировать с «Комацу» в Азии, а теперь он вручает мне вот это?»

Видя мою подозрительность, Т. Р. быстро продолжил:

- Извини, что так внезапно завел об этом речь. Я много об этом думал. Эта книга так точно тебя описывает, что хоть на обложку ставь. Твоя одержимость поездами и бульдозерами... То, как ты говоришь, как смотришь на людей, как думаешь. То, что тебе сложно смотреть другим в глаза. Все это там есть.

- И что, есть какое-то лекарство? - спросил я.

- Это не болезнь, - объяснил он. - Ее не надо лечить. Это просто твоя особенность.

Я принялся листать книгу прямо за столом. Я всегда читаю, когда ем один, но знаю, что при других читать за едой невежливо. Но этот момент можно было считать исключением. Практически сразу же мне бросилось в глаза следующее:

Диагностические критерии синдрома Аспергера (299.80)

А) Качественное нарушение социальных взаимодействий, выраженное по крайней мере двумя из следующих черт:

Явные затруднения в использовании средств невербального общения, как то: взгляд в глаза, выражения лица, позы тела и жесты.

Что ж, подумал я, это в точности про меня. Я не смотрю людям в глаза, мое выражение лица часто не соответствует ситуации, я жестикулирую, когда не следует... Все так и есть. Плохо дело. Я стал читать дальше.

Неспособность формировать отношения со сверстниками, соответствующие уровню развития.

И это тоже обо мне. В детстве я никогда не мог наладить контакт со своими ровесниками.

Недостаток стремления поделиться радостью, интересами или достижениями (например, отсутствие желания показать, принести или указать на объекты своего интереса другим людям).

Ну, естественно. Если я не мог общаться с людьми, как я мог им что-то показывать? Также про меня.

Недостаток эмоционального отклика и вовлеченности в общение.

И это я не раз слышал в свой адрес.

Я вдруг осознал, что доктор Розенберг прав. Описание синдрома Аспергера соответствовало мне полностью. И это было настоящим откровением. Все психологи и психиатры, к которым водили меня в детстве, совершенно упустили из виду то, что заметил Т. Р.

В детстве мне говорили, что я умный, но ленивый. Читая эту книгу, я понял, что дело не в лени, просто я отличался от других детей.

Я знал, что не могу смотреть в глаза, когда с кем-то разговариваю. Черт, да меня лупили за это сверстники и ругали взрослые все мое детство. Но пока я не прочел эту книгу, я не понимал, что мое поведение необычно. Я не понимал, за что со мной так обходятся – это всегда казалось жестоким, нечестным. Мне даже в голову не приходило, что окружающих сбивает с толку то, что я делаю (или не делаю). Ответ на вопрос «Почему ты не смотришь в глаза, когда я с тобой разговариваю?» скрывался прямо в этой книге.

Осознание было поразительным. «В мире есть такие же люди, как я. На самом деле, нас так много, что для нас придумали отдельное название».

Я читал дальше, жалея, что глаза не могут бегать по строкам еще быстрее. Голова шла кругом.

Почти всю мою жизнь мне говорили, что я заносчив, безразличен или груб. И вот теперь я читаю о том, что люди с синдромом Аспергера часто проявляют мимику, несоответствующую ситуации. Это я действительно знал по себе. В детстве, когда мне сказали, что моя тетя умерла, я широко улыбнулся в ответ, хотя мне было грустно. И получил затрещину.

Я испытывал огромное облегчение, просто читая эти страницы. Всю свою жизнь я ощущал, что не вписываюсь ни в какие рамки. Я всегда чувствовал себя самозванцем, мошенником или, еще хуже, социопатом, которого вот-вот раскроют. Но книга говорила совсем о другом. Я не был бездушным маньяком, который только и ждет, чтобы наброситься на свою первую жертву. Я был нормальным – в своих рамках.

Как могли все так называемые профессионалы это упустить? Как они могли настолько ошибаться?

Справедливости ради, синдром Аспергера был признан самостоятельным диагнозом лишь недавно, когда мне было уже за тридцать. До этого он даже не упоминался в «Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств» – Библии всех американских психиатров и психологов. В итоге получилось, что в течение долгих лет я пытался адаптироваться к состоянию, о котором даже не подозревал. Когда я узнал о синдроме Аспергера, это буквально перевернуло всю мою жизнь.

Одним из самых удивительных фактов оказалось то, что синдром Аспергера – это расстройство аутистического спектра. То есть, это форма аутизма. Если бы в детстве кто-то сказал, что у меня аутизм, я бы сказал: «Ты дурак, что ли?» Я считал, что аутист – это кто-то наподобие Томми, мальчика-аутиста из сериала «Сент-Элсвер».⁹ Он ничего не говорил и почти ничего не делал. Для людей моего поколения быть аутистом означало быть практически живым трупом. Я не представлял, что действительно существует шкала, где на одном конце находятся такие люди, как Томми, а на другом – такие, как я.

Думаю, даже если бы мне поставили диагноз в шесть лет, никто бы в это не поверил. Вероятно, в то время нашему обществу еще требовалось развиваться, чтобы обратить внимание на такие сложные и

9 «Сент-Элсвер» (St. Elsewhere) – американский сериал в жанре медицинской драмы, шедший в 80-годы.

неявные особенности, как синдром Аспергера, и начать различать их на фоне массовых предрассудков.

Если бы мои родители знали, почему я такой, и действовали, руководствуясь этим знанием, моя жизнь могла сложиться совсем по-другому. Мое прошлое наполнено упущенными возможностями из-за того, что я не вписывался в рамки.

Я бросил школу в десятом классе, хотя тесты на уровень интеллекта показывали, что я умнее подавляющего большинства выпускников. Несколько профессоров советовали мне поступить в Массачусетский университет, хоть я и не окончил школу, но я не мог себя заставить. Я был слишком выбит из колеи своими неудачами. Я не хотел, чтобы еще одно учебное заведение попыталось втиснуть меня в свои рамки, не хотел вновь потерпеть поражение. Лет с шести я научился не подвергать себя лишнему унижению со стороны людей или организаций.

Я покинул группу "Fat" – первую рок-группу, с которой работал, потому что не мог справиться с тесным общением и совместной жизнью в доме с десятью людьми. Многие из моих юношеских знакомств и отношений распались из-за моего необычного поведения.

Были и упущенные карьерные возможности. Однажды меня пригласили на собеседование в кинокомпанию Джорджа Лукаса, «Лукасфильм», что было бы идеальным местом для реализации моих творческих способностей. Но я слишком боялся туда идти. Я боялся, что получу работу, а потом меня раскроют как обманщика и уволят – после того, как я проделал путь через всю страну. Поэтому я расстался с музыкальным бизнесом, хотя там я был счастливее, чем на любом другом месте работы.

Изучив книгу, я начал понимать разницу между собственным поведением и поведением «нормальных» людей. Я начал предпринимать сознательные усилия, чтобы смотреть в глаза собеседнику, и даже если смотрел в пол, пока формулировал ответ, я научился время от времени поглядывать на человека.

Я научился выдерживать паузу перед ответом, когда со мной заводят разговор. Моя манера общения стала лишь немного эксцентричной, но не пугающей. Когда кто-то говорит: «Эй, Джон, как дела? Как поживаешь?» Я отвечаю: «Все в порядке, Боб, а у тебя?» – вместо «Я только что прочел о новых дизельных двигателях, которые компания "Американ Президент Лайнс" устанавливает на свои грузовые корабли. У них потрясающая новая электронная система управления мотором».

Я научился запоминать, что происходит с родственниками моих друзей. Когда я встречаю кого-то, с кем некоторое время не виделся, я иногда вспоминаю, что надо спросить: «Как у Мэллори учеба в колледже?» или «Твою маму уже выписали из больницы?» Это оказалось непросто, но я делаю успехи.

Такие перемены очень сильно повлияли на отношение людей ко мне. Из психа я стал чудачком. И, позвольте вас заверить, чудачком считаться гораздо лучше.

Знание о своем диагнозе помогло мне и в других вещах. Я уже упоминал, что чувствовал себя мошенником, которого вот-вот раскроют и вышвырнут на свалку общества. Я чувствовал себя обманщиком,

потому что ничего не мог делать «как нормальные люди». Я не смог закончить школу, не смог сделать карьеру. Я не мог делать все «как положено». И я всегда игнорировал правила.

Из-за этого я никогда не чувствовал себя полноправным членом общества. Теперь, когда я знаю, что такое синдром Аспергера, эти негативные чувства, в целом, исчезли.

Теперь я понимаю, что мои знания подлинны. Когда я работал инженером, моя способность создавать прекрасные усилители и прочее звуковое оборудование была настоящей. Моя способность придумывать спецэффекты была настоящей. И теперь, став старше, я понимаю, что это действительно редкие таланты.

Есть много людей в мире, чья жизнь подчинена правилам и рутине. Такие люди плохо ладят со мной, потому что я не умею подстраиваться. К счастью, в мире также много людей, которым важен результат, и они, как правило, рады иметь со мной дело, потому что синдром Аспергера заставляет меня быть экспертом в той области, которая меня заинтересовала. А основательные знания помогают мне достигать хороших результатов.

Итак, я вовсе не дефективный. На самом деле, в последнее время я начал понимать, что обладатели синдрома Аспергера даже лучше нормальных! И, похоже, ученые с этим согласны: судя по недавним исследованиям, крупица синдрома Аспергера является неотъемлемой частью творческого гения.

Глава 25

Монтегюнцы

Сколько я помню, имена всегда доставляли мне проблемы, потому что чаще всего я называю людей не так, как они ожидают. Бывает, что человек возражает против имени, которое я ему даю, а иногда и просто злится. Мне не раз приходилось слышать возмущенные крики в духе: «Никакая я не Булка! Меня зовут Марта!» Можно возмущаться сколько угодно, но Марта всегда будет для меня Булкой, если только по какой-то причине я не выберу для нее другое имя, например, ее порядковый номер среди сестер.

Почему я назвал ее Булкой? Потому что в то время, когда мы познакомились, она была одержима идеей похудеть. А как еще назвать человека, зацикленного на диетах и собственном весе? Поэтому – Булка. Можно использовать уменьшительную форму – Булочка.

Из вежливости я пытался называть людей иначе, чем придумал сам. Но у меня ничего не выходит. Когда я пытаюсь назвать Булку Мартой, это имя словно застрекает у меня в горле. Оно никак не ассоциируется с ней. Другие могут звать ее Мартой, я не против. Я никому не навязываю свою систему имен.

Свой нынешний дом, где я живу, я называю просто – Дом. Если в будущем у меня появится еще какое-то жилье, я буду называть их «Жилище-1» и «Жилище-2», но пока имя «Дом» вполне подходило всем местам моего обитания.

Единственным исключением из этого правила были недолгие периоды, когда я жил в Квартире, Палатке или Хижине. Это были трудные времена, и я не люблю их вспоминать. Самыми неприятными – к счастью, временными – были такие обиталища, как Помойка, Коробки и Тюрьма, но о них я не вспоминаю вовсе.

Неодушевленным предметам и животным я даю простые и понятные имена без каких-либо ухищрений. Например, Собака или Пудель. Сразу понятно, о ком идет речь. Это хорошие, правильные, удобные имена.

Мой брат, у которого синдрома Аспергера нет, однажды завел собаку и назвал ее Кис-Кис. Я бы никогда так не сделал. Как-то он приехал ко мне в гости, и мы повели Кис-Кис на прогулку. Она свалилась в яму с гудроном. Это был урок им обоим. Я бы ни за что не назвал свою собаку Кис-Кис или Кошкой, и она никогда бы не влезла в гудрон.

Но брат упорно продолжает давать своим питомцам странные имена. Сейчас, например, у него две собаки. Одну он назвал Бентли. Полагаю, потому что ему очень понравился автомобиль «Бентли», который он увидел у меня. Но в том-то и дело, что мой «Бентли» – машина, к тому же старая. Называть так собаку просто неправильно. Второй он дал имя еще хуже – Коровка. Не понимаю, почему он так делает – казалось бы, он мой брат, у нас с ним одни гены. Иногда мне кажется, он поступает так нарочно, чтобы меня позлить.

По-моему, людям, которые выбирают такие имена, не свойственно логическое мышление. Возможно, именно о них говорят: «Ах, он такой чувствительный, такой эмоциональный!» Или, может быть, у них какая-то задержка в развитии. Полагаю, к такому выводу пришел бы любой, кто побеседовал со мной и моим братом и ознакомился с нашими принципами выбора имен. Мой брат, конечно же, с этим бы поспорил.

По-моему, заторможенным развитием отличаются и люди, которые называют свою собаку, скажем, «Будвайзер». Собака – не бутылка пива, как бы того ни хотелось ее хозяину-алкоголику. А если вы путаете собаку с пивной бутылкой, это признак серьезного душевного расстройства.

В отличие от большинства людей, мой брат сам выбрал себе имя. При рождении его назвали Кристофер Рихтер Робисон, но он настолько не любил наших родителей, что сменил имя на Огюстен Ксон Берроуз, когда ему исполнилось восемнадцать. Я не зову его Огюстеном и никогда не звал Крисом. А из Сопелки и Прохвоста он давно вырос. Наш младший кузен Боб называл его по среднему имени, произнося его как «Зон», но меня и такой вариант не устраивает. За неимением лучшего я просто называю его «мой брат».

Например, у Денниса, его партнера, я спрашиваю: «Где мой брат?»

У своего сына я спрашиваю: «Где твой дядя?»

А к брату обращаюсь просто: «Эй!»

Иногда я использую альтернативные имена, которые отражают функцию или позицию человека, а не внешность. К примеру, у моей жены две сестры и, конечно, у нее были мать и отец (сейчас они уже умерли). Иногда их семья собиралась вместе, и бывало, что мне приходилось кого-нибудь с ними знакомить.

В такой ситуации я указывал на отца или мать жены и говорил: «Это Звено номер ноль». Если с ними была Энни, младшая из сестер, я говорил: «Это Энни, Звено номер три». Если присутствовала и старшая сестра, я представлял ее как «Элен, Звено номер один». А про свою жену я говорил: «Это Марта, Звено номер два».

Такие обозначения сразу поясняют относительную позицию родственника в общей схеме, что мне кажется совершенно разумным. Однако, большинство людей подобные функциональные имена, опять же, считает странными.

Когда я был маленьким, взрослые рассказывали мне, как что называется. Большая горячая штука называлась «кухонная плита». Собака – «пудель». Соседский ребенок – «малыш Робби» или «Джефф». Я не мог контролировать эти имена, не мог их выбирать, и мне это не нравилось. С какой стати взрослые вторгаются в сокровенный ход моих мыслей? Став постарше, я получил право самому давать имена. У меня стали появляться собственные вещи, которые я мог называть, как мне хотелось. Например, мне подарили игрушечный трактор, и я назвал его Силач. Но никто не считался с моим выбором. Отец говорил об игрушке просто «твой трактор». А некоторые просто смеялись над придуманными мной именами, что меня ужасно обижало или злило.

Но я был настойчив. Я тщательно взвешивал и оценивал каждое имя, которым мне представляли нового человека или предмет, и решал, принимаю я это имя или нет. Если оно мне не нравилось, я выбирал

свой вариант. Иногда из-за этого возникали сложности, поскольку другие дети не понимали, что я не обязательно буду звать их так, как зовут все. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, почему одному мальчишке не нравилось, что я называл его Слизняком. Хотя он действительно был противный, и имя отлично ему подходило.

В моем отношении к именам есть и свои минусы. Например, когда мы с Мишкой развелись, и я женился во второй раз, она потеряла свое имя. Она не хочет больше называться Мишкой, потому что это напоминает ей о счастливых временах, когда мы были вместе. А у меня не осталось для нее другого имени, так что я зову ее просто «Эй!»

Чем ближе мне человек, тем выше вероятность, что я буду называть его по-своему, а не так, как называют все. Если коллегу по работе зовут Бобби или Пол, он так и останется Бобби или Полом. Но мать никогда не будет «мамочкой» или «Маргарет» – только «моей матерью». (Я перестал называть своих родителей Рабыней и Тупицей, когда ушел из дома в шестнадцать лет.)

Иногда, к удивлению окружающих, я признаю существующие правила имен и названий. Мы принимаем как данность, что жители Америки называются американцами, а жители Канады – канадцами. Как же назвать людей, которые живут в городе Монтегю? Соответственно, монтегюнцы. Однажды я знакомил своего друга-адвоката и его жену с какими-то людьми и сказал: «Это Джордж и его жена Барбара. Они адвокаты-монтегюнцы». Мне это показалось совершенно разумным, но у Джорджа было такое лицо, словно я смертельно его оскорбил.

По моим наблюдениям, когда люди с кем-то знакомятся, в первые же минуты разговора они неизбежно задают два вопроса: «Где вы живете?» и «Чем вы занимаетесь?» Моя фраза отвечала на оба вопроса сразу и прекрасно сэкономила всем силы и время. На что тут обижаться?

Для меня это было загадкой. Кем же еще будет житель города Монтегю, если не монтегюнцем?

Возможно, Джорджу было трудно смириться с мыслью, что он – монтегюнец. Может быть, он не знал, что означает быть монтегюнцем, и вообще, хорошо это или плохо. Или, может быть, люди стремятся принадлежать только к крупным категориям. Никто не обидится, если сказать: «Боб – американец» или «Боб очень высокий». Но слова «Боб – монтегюнец» вызывают ту же реакцию, как если бы я сказал: «Боб – еврей» или «Боб – голубой».

Последнее – еще один пример трудностей, которые я испытываю при общении. В некоторых случаях представить человека фразой «он еврей» или «он голубой» так же оскорбительно, как сказать «он угонщик машин». Но бывают ситуации, когда эти фразы вызывают веселье или даже звучат как комплимент. Мне очень сложно понять эту разницу.

Если вам не нравится, где вы живете, выход только один: переезжайте. Уверен, если бы я сказал: «Это Джордж, адвокат из Нью-Йорка», он бы самодовольно кивнул. В конце концов, всем известно, что в большом городе все самое лучшее – еда, бродвейские шоу, адвокаты, девушки. Но Джордж – не ньюйоркец. Он монтегюнец. Ему следует или радостно принять этот факт, или сменить место жительства. У него нет никакого права на меня злиться. Не я поселил его в Монтегю.

После той истории я задумался, что это означает – принадлежать к какой-либо категории. Если вы скажете, что вы американец, люди сделают о вас определенные предсказуемые выводы, исходящие из их знаний об Америке. Но что, если вы причислите себя к категории, о которой никто не знает? За пределами города Монтегю мало кому известно, что такое монтегюнец. И я попытался создать мысленный образ типичного монтегюнца. Даже расспрашивал прохожих на улице.

Попробуйте сами – кого вы представляете, когда слышите слово «монтегюнец»? Может быть, ваш монтегюнец – плотный и приземистый, с насупленным лбом? Он сутулится при ходьбе, а в правой руке держит дубинку вроде бейсбольной биты? У него волосатая спина? Он выглядит так, словно может поднять ваш пикап одной левой? Или же ваш монтегюнец – высокий, худощавый и утонченный? Одет изысканно, но небрежно, носит белую рубашку, спортивный пиджак из жеваной ткани и очки в тонкой металлической оправе? Всегда носит с собой книгу и курит трубку?

Если вы похожи на меня, монтегюнец у вас будет такой, как в первом случае. Полагаю, мне бы самому не понравилось, чтобы меня представляли таким, но, опять же, я там и не живу. А в этом вопросе двух мнений быть не может: если вы живете в Монтегю, вы – монтегюнец.

Я много лет прожил среди монтегюнцев, поэтому знаю, каково это. Я был чикопийцем из города Чикопи, известного в западной части Массачусетса как ворота в Монтегю. Потом я переехал, и, как по волшебству, дубинка исчезла из моей руки, а лоб разгладился.

Так что, несмотря на мои успехи в усвоении правил вежливости, иногда у меня все еще случаются проблемы с именами, которые я даю предметам и людям. Уверен, многие другие обладатели синдрома Аспергера скажут, что им это хорошо знакомо.

Как называются люди с синдромом Аспергера? Мы – аспергианцы.

Глава 26

Алгоритм знакомства

Мое умение выбирать людей, с которыми я могу построить отношения, всегда было слабее, чем способность выбирать какую-либо технику. Приведите меня на парковку и попросите отыскать машину, которая никогда не знала ремонта – я найду ее безошибочно. Вам требуется помощь в выборе трактора или усилителя для стереоустановки? Я тот, кто вам нужен.

Когда дело касается людей, мои навыки ограничены. Кроме того, чтобы отношения сложились, человек должен выбрать меня в ответ, но захочет ли он это сделать? Теперь мне говорят, что я выгляжу вполне прилично, однако, раньше мне случалось быть грязным, заросшим, толстым, вонючим и просто запущенным. Вероятно, в те времена я упустил много шансов познакомиться с замечательными людьми. Теперь этого уже не узнать.

Выбирая новых знакомых, я всегда страшился отказа. Я всячески старался не показывать свой интерес к девушке – из боязни, что она посмеется надо мной. Я слишком хорошо помню, как девчонки хихикали и показывали на меня пальцем в те редкие разы, когда я бывал на школьных танцах. Я выбрал Мишку, когда мы оба были юны, и она ответила мне взаимностью. Несколько лет мы были очень счастливы, но это не продлилось долго. По мере взросления мы, казалось, стали развиваться в разных направлениях, и наши отношения распались. Мне пришлось вернуться в предыдущую стадию и вновь выбирать или позволить себе быть выбранным, чтобы найти долгие счастливые отношения.

Моя следующая подруга, Марта, сама меня выбрала – по крайней мере, дала знать, что не отвергнет мои проявления симпатии. Еще до того, как мы оба узнали о синдроме Аспергера, я заметил, что она внимательно ко мне присматривается и наблюдает. Она выяснила, что я успокаиваюсь, когда она гладит меня по руке или массирует шею. Еще она почесывала мне голову и растирала уши. Это меня умиротворяло, и я меньше нервничал.

Мне нравилось, что она так внимательна и добра ко мне. Похоже было, что я никогда ей не надоедал. Очевидно, мы хорошо подходили друг другу. Со временем я начал убеждаться в правильности своего выбора. Думаю, и она тоже – ведь она осталась со мной.

Теперь, когда мы вместе, моя жизнь прекрасна как никогда. В ней есть радость и покой, которых я не знал раньше. Мне не тягостно возвращаться домой, как было в конце первого брака. У меня есть дом, где мне хорошо и уютно. Такого чувства у меня не было с тех пор, как в детстве я гостил в Джорджии у бабушки с дедом.

Но всегда остается вопрос, с которым сталкиваются многие мужчины. Действительно ли Марта – наилучший вариант для меня? В мире миллионы женщин, поэтому логично предположить, что среди них есть те, кто подходит мне столь же хорошо или даже лучше.

Достаточно ли того, что я имею, чтобы прекратить поиски? Думаю, да. Но как насчет ее сестер?

Марта – средняя из трех сестер. Я называю ее Средним Звеном или Звеном Номер Два. Поскольку Звенья Один, Два и Три созданы из одного генетического материала и различаются лишь воспитанием и навыками, напрашивается вопрос – выбрал ли я лучшую? Уверен, кто угодно согласится – если в наличии есть три варианта, только дурак не захочет выбрать лучшее. Все три сестры похожи внешне, выглядят опрятно и ухоженно. Они напоминают хорошо подобранный комплект, разве что Первое Звено немного меньше ростом. У младшей есть преимущество юности, у старшей – больше жизненного опыта. Среднее Звено, доставшееся мне, вполне может представлять собой золотую середину.

К сожалению, когда выбираешь из трех сестер, познакомиться с другими двумя обычно можно только через первую. И, поскольку выбор уже сделан, изменить свое решение вряд ли получится. По крайней мере, так было в моем случае. Это сложная задача, хорошего ответа на нее просто нет. Если только вы не уверены слепо, что та, с кем вы познакомились первой, и есть лучшая.

Поскольку мне сложно слепо верить во что бы то ни было, для уверенности я задаю Звену Номер Два вопрос:

– Как ты считаешь, я выбрал лучшую из сестер?

Часто ее ответы туманны и неудовлетворительны.

– Смотря для чего она тебе нужна.

Или:

– Смотря кого спросить.

Казалось бы, она захочет убедить своего партнера и скажет что-нибудь вроде: «Конечно, я лучшая из сестер». Меня тревожит, что она так не делает. Даже спустя все эти годы, я не знаю, почему она так отвечает – то ли из симпатии к Первому и Третьему Звеньям, то ли ей не хватает уверенности в себе, то ли она действительно не знает. Два из трех вариантов внушают мне беспокойство. Хотел бы я знать точную причину.

Самое сложное заключается в следующем: если одна или обе из оставшихся сестер тоже выйдут замуж, вероятно, их мужья также будут считать, что каждому из них досталась лучшая. Значит ли это, что один из нас ошибается? Меня, как логически мыслящего человека, такая неразбериха пугает.

Ситуацию с сестрами можно сравнить с покупкой автомобиля. Скажем, трое из нас приходят в автосалон, где продаются машины марки «Мини». Один из нас выбирает красный «купер» с кожаными сиденьями. Другой берет желтый «купер» с откидным верхом. Третий – двухдверный закрытый «купер». Мы не спорим друг с другом, и стороннему наблюдателю может показаться, будто каждый из нас уверен, что приобрел лучший автомобиль – в зависимости от того, для чего он ему нужен, как сказала бы Звено Номер Два. В конце концов, и на спортивные машины, и на грузовики есть свои покупатели.

Однако, столь же вероятно, что двое из нас ошиблись с выбором, а третий выбрал автомобиль, по качеству намного превосходящий два других. Только через некоторое время, проехав пятьдесят тысяч миль, мы сможем понять, кто же выиграл.

Так же и с сестрами, но есть одно важное отличие. Машину выбираю я сам, в одностороннем порядке. При выборе же сестры нужно, чтобы она тоже выбрала меня в ответ. Это сильно усложняет весь процесс. На самом деле, усложняет настолько, что моих социальных навыков недостаточно, чтобы с этим справиться. Поэтому я позволил, чтобы выбрали меня, вместо того, чтобы выбирать самому – и вполне доволен результатом.

На самом деле, я более чем доволен. Я счастлив, как никогда раньше. Но иногда все же задаю себе вопрос... Мог бы я быть еще счастливее? Но чтобы выяснить это, придется начать все с самого начала, и тогда я рискую остаться вообще без подружки, что было бы куда хуже. Поэтому я не развиваю эту мысль.

Проблема выбора из трех сестер отчетливо выявляет две характерные аспергианские черты, которые мне свойственны: логичность и прямота. Любой мужчина, который женится на одной из двух (трех, четырех) сестер, задумывается, лучшую ли он выбрал. Но мало кто признается, что испытывает подобные сомнения. Некоторые настолько лицемерны, что будут отрицать даже сам факт сомнений. Другие уходят от ответа и отмалчиваются, надеясь, что, если об этом не думать, подобные мысли развеются сами собой. Но мне несвойственно подавлять свои мысли, поэтому я задаю вопрос вслух. Иногда те, кому я его задаю, оскорбляются. С чего бы это?

В конце концов, нет ничего странного в том, чтобы сомневаться, выбрали ли мы лучший автомобиль. Люди открыто обсуждают и сравнивают модели бензопил. Все мы хотим жить в лучшем районе города. Если нам предоставляется выбор, почему бы не стремиться выбрать лучшую сестру?

Некоторые на это отвечают: «Мне нет дела до лучшей сестры. Мне нужна лучшая девушка в мире, и точка!» Но это совершенно иная задача. Выбирать из сестер – это все равно что говорить: «Мне нужна бензопила, и я выбрал марку «Штиль». Но какую мне взять – фермерскую, в пять лошадиных сил, или домашнюю, в четыре?» Если выбирать «лучшую девушку в мире», поле поиска расширится многократно – от разных моделей в пределах одной марки до всех моделей всех марок. Принять решение станет гораздо сложнее.

По сути дела, мы выбираем семью.

На этом этапе мудрый человек присмотрится к Нулевым звеньям – обоим родителям, если есть возможность. Поведение, воспитание и внешность обладателей исходного генетического материала могут рассказать вам, чего ожидать от вашей спутницы лет двадцать пять спустя. Я считаю, нынешний заоблачный процент разводов во многом связан именно с тем, что люди не умеют выбирать из множества семей, а в рамках семьи не умеют выбирать среди братьев или сестер.

Меня удивляет, что другие не пользуются в этом вопросе таким же аналитическим подходом. Люди тщательно и вдумчиво подходят к выбору автомобиля или посудомоечной машины. Более того, в журналах публикуются отзывы потребителей о той или иной продукции. Но когда речь заходит о выборе спутника жизни, ничего такого не предлагается, а когда я завожу об этом речь, собеседники начинают возмущаться. Видимо, им не по душе моя аспергианская прямота.

Почему-то мои соображения на этот счет часто истолковываются неверно: люди начинают думать, что я не люблю свою жену, или что мне вообще ни в чем не угодишь. Мне говорят: «Ты слишком скептически ко всему относишься». Это не так. Я люблю свою жену – больше, чем могу выразить словами. В меньшей степени я люблю свою машину и свою бензопилу. Но предпочитаю знать, что обрел все это в результате осознанного выбора, а не слепого случая.

Вероятно, людей ошеломляет мой взвешенный и продуманный подход к вопросу, который другие решают, полагаясь на интуицию или эмоции.

Глава 27

Семейная жизнь

Впервые я услышал выражение «взбеситься» применительно к человеку, когда мне было десять лет. Бабушка сообщила мне, что дядя Боб разводится. «Твоя тетя Марша теперь на таблетках, и просто взбесилась!» – шепотом сказала бабушка Кэролин, словно чего-то боялась.

Прадедушка Данди рассказывал мне, что взбеситься могут дикие животные и собаки, но от тети Марши я такого не ожидал. Данди всегда держал старую двустволку под сиденьем своего автомобиля, на случай, если ему встретится бешеное животное. «А вдруг она примчится сюда? Данди ее застрелит?» – я не решался спросить об этом вслух, потому что был уверен: все кроме меня знают, что делать со взбесившимся человеком. И, судя по тому, что дед многозначительно кивнул бабушке, о таблетках тоже всем было все понятно. На всякий случай я решил больше никогда не принимать никаких лекарств.

Тетю Маршу я не видел долгое время, а когда наконец с ней встретился, она, видимо, уже успокоилась, потому что на людей не кидалась. Может быть, это было ненастоящее бешенство. У собак так бывает. То они рычат и бросаются, а десять минут спустя виляют хвостом как ни в чем не бывало.

Через пару лет дядя Боб решил жениться снова. На свадьбе я, в типично аспергианской манере, задал первый вопрос, пришедший мне в голову: «Дядя Боб, а сколько раз тебе нужно жениться, чтобы уже насовсем?» Не помню, что он мне ответил, но помню результат: на свою следующую свадьбу он меня не позвал. Тетя Рельда стала его третьей женой и наконец-то последней.

Когда мой отец женился во второй раз, он тоже меня не приглашал. Наверное, тоже боялся, что я что-нибудь скажу. В любом случае, с новой женой он благополучно прожил двадцать лет. Брак продлился до его смерти – он подцепил какую-то кожную инфекцию, и печень, изношенная многолетним алкоголизмом и непроверенными лекарствами, не выдержала.

Мне и самому пришлось жениться дважды, чтобы наконец пустить корни. Я много размышлял о том, почему мой второй брак оказался успешнее первого, и ради блага других аспергианцев, имеющих проблемы в отношениях, я расскажу, что делает моя жена, чтобы сохранить наш союз:

Во-первых, она очень внимательно за мной наблюдает. Она научилась определять, когда я расстроен, обеспокоен или встревожен. Некоторые говорят, что я никогда не улыбаюсь, и по моему лицу ничего не понять, но жене удается вызывать у меня улыбку, и она умеет читать мою бедную мимику. К тому же, она знает, что сказать или сделать, чтобы мне стало легче. Или наоборот, чтобы задеть меня за живое (так иногда бывает, когда она злится).

Она всегда проявляет ко мне интерес и, похоже, верит в меня безоговорочно. Когда я рассказываю ей о своих планах, она всегда

думает, что у меня это получится. Я убежден, что ее уверенность во мне повышает мои шансы на успех. И когда я чего-то добиваюсь, то прихожу домой и сообщаю ей об этом.

- Я всегда знала, что ты справишься, - говорит она. - Поэтому я и вышла за тебя.

Не представляю, как она могла «всегда знать», что у меня получится дело, за которое я никогда раньше не брался (если только оно не совсем уж тривиальное). Но так она говорит.

У меня никогда не было подруги, которая считала бы, что я обязательно потерплю неудачу, но, полагаю, такие существуют. Уверен, мой вариант гораздо лучше.

Во-вторых, она наблюдает за окружающими меня людьми и объясняет то, что я упускаю из виду. Даже сейчас я пропускаю многие нюансы, типичные для беседы «нормальных» людей. Юмор и сарказм часто проходит мимо меня. Бывает, что человек говорит мне что-то и ждет, что я рассмеюсь, а я стою и молчу. Бывает, меня хотят как-то задеть, а я совершенно не замечаю издевки. Жена аккуратно указывает на подобные тонкости, и я стараюсь учиться на своих ошибках. С каждым годом промахов становится все меньше и меньше.

В-третьих, она терпелива, когда я снова и снова задаю одни и те же вопросы. Например, в полдень я обычно звоню ей и спрашиваю:

- Эй! Тебе нравится твой друг?

- Да, ты мне нравишься, - отвечает она.

Час спустя я как будто забываю о разговоре, потому что звоню снова и спрашиваю:

- Эй! Тебе нравится твой друг?

- Да, ты мне все еще нравишься, - говорит она.

Так может повторяться четыре-пять раз за день. На пятый раз она может сказать: «Нет, ты мне больше не нравишься». Но я уже знаю, что она просто дразнит меня. На самом деле, я ей нравлюсь. Поэтому мне хорошо и спокойно.

Я понятия не имею, почему спрашиваю одно и то же несколько раз. Но если заставить меня прекратить, я становлюсь очень нервным.

В-четвертых, она меня гладит. Моя детская попытка погладить девочку Чакки не увенчалась успехом, и этих неприятных воспоминаний хватило, чтобы отучить меня гладить других людей. К счастью, у Марты не было подобного негативного опыта. И хотя у меня не очень получается проявлять ласку, я научился ее принимать.

Когда мы с Мартой только познакомились, я был очень дерганым и нервным. Я все время болтал ногой, раскачивался или делал еще что-нибудь. У меня было много таких «отклонений». Конечно, теперь мы знаем, что такое поведение нормально для человека с синдромом Аспергера, но тогда окружающие считали это странным, а потому считал странным и я.

Однажды она вдруг решила погладить меня по руке, и я тут же перестал раскачиваться и ерзать. Результат настолько ее впечатлил, что она стала делать это и дальше. Вскоре я и сам понял, как сильно это мне помогает. Мне очень нравится, когда меня гладят и чешут.

- Погладь меня, - прошу я, когда сажусь рядом с ней.

Или говорю, наклоня голову набок:

- Почеши меня за ухом.

Я видел, как собаки так делают, когда хотят, чтобы их почесали. Марта потирает мне уши и чешет голову. Иногда она массирует мне лоб или плечи. И чешет мне спину.

- Чеши легонько, кончиками ногтей, - говорю я.

Легкое почесывание острыми ногтями приятнее всего. Поначалу я беспокоился, что от частой ласки у меня выпадут волосы или отвиснут уши, как у спаниеля. Но ничего такого не случилось. Зато я становился спокойнее. По-моему, и Марту это тоже успокаивает. Психологи проводили исследования и доказали, что человеку становится лучше, когда он гладит животных - у него замедляется пульс и понижается давление. Интересно, почему до сих пор не исследовали, насколько человеку помогает, когда он гладит другого человека. Нормальные люди даже не понимают, как это здорово.

Когда Марта стала регулярно меня гладить, я принялся наблюдать за кошками и собаками и кое-что заметил: у тех животных, которых много гладят и чешут, самый густой мех. Так что от почесывания шерсть не выпадает, в этом я убедился. И кошку с обвисшими от ласки ушами вы тоже не встретите. Если и бывают вислоухие собаки и кошки, то они таковы от природы.

И последнее - мы спим в обнимку.

Когда я был маленьким, я любил прятаться в тесном пространстве. Теперь я так не делаю, но мне по-прежнему трудно успокоиться лежа в кровати в одиночку. Если я ложусь один, то обкладываю себя горой подушек. Но гораздо лучше, когда жена ложится рядом и прижимается ко мне.

Каждую ночь, когда мы ложимся спать, она кладет на меня руку или ногу или прижимается всем телом и лежит так, пока я не засну.

Если она так не делает, я жалуюсь.

- Ну же, - говорю я. - Положи лапу на своего друга.

- Можешь меня погладить?

- Почеши меня за ухом.

Я всегда успокаиваюсь и расслабляюсь, когда со мной лежат бок о бок и гладят. Сейчас я впервые за долгие годы засыпаю быстро, и мне редко снятся кошмары.

Если я просыпаюсь, Марта снова кладет на меня лапу, а я на нее - и снова засыпаю. Иногда, проснувшись среди ночи, я обнаруживаю, что мы откатились на разные стороны кровати и лежим спиной друг к другу. Тогда я подвигаюсь ближе, чтобы наши спины соприкасались, и переплетаю свои ноги с ее ногами. В полусне она делает то же самое, и тогда я опять засыпаю в тепле и покое.

Мне спокойнее спится в обнимку. Не знаю, почему - ведь из нас двоих я больше и сильнее. С детства я понял, что лежать под кучей подушек приятнее, чем просто на кровати. Но спать в обнимку - еще лучше. На самом деле, это лучше всего на свете.

Я обожаю семейную жизнь.

Глава 28

Возвращение с победой

В детстве я никогда не блистал достижениями в спорте и никогда не был болельщиком. В любую команду меня звали последним, а выгоняли первым, так что теплых чувств к школьным соревнованиям я не питал. Поклонником спорта я стал гораздо позже и пришел к этому довольно-таки окольным путем.

В 2003 году моему сыну пора было переходить в старшие классы. Поскольку мы с Мишкой развелись и я женился снова, Медвежонок половину времени жил у меня с Мартой в Чикопи, а половину – со своей матерью в Саут-Хэдли. Мы всегда устраивали так, чтобы он ходил в одну и ту же школу, и пока что он учился в Саут-Хэдли. Но школа оказалась не очень хорошей, и мы стали искать другие варианты. Частные заведения, как выяснилось, были слишком дороги. В интернете нашлись рейтинги школьных округов, и лучшими из ближайших к нам считались Лонгмедоу, Уилбрахам и... Амхерст. Саут-Хэдли и Чикопи дружно занимали последние строки.

Не без внутреннего трепета мы со Вторым Звеном решили съездить в Амхерст, где я рос тридцать лет назад. Хотя моя семья жила в крошечном городке Шутсбери, он принадлежал к школьному округу Амхерста, поэтому там я ходил в школу, там же проводил время и там же познакомился с матерью Медвежонка.

Я позвонил Джиму Ламли, местному агенту по недвижимости, который когда-то помог моим родителям с жильем. У него был «лендровер», и он обращался ко мне за помощью каждый раз, как его машина ломалась. Он занес мне список подходящих домов прямо на работу, и мы договорились тем же вечером их посмотреть.

И пока мы разъезжали по Амхерсту и осматривали дома, я начал ощущать, что мое место – здесь.

Это правда, что в Амхерсте прошла едва ли не худшая пора моей жизни. Другие дети издевались надо мной. Школьная система пыталась меня выдавить. Полиция мечтала засадить в тюрьму. А мои родители опустили на самое дно. Все это происходило здесь, в Амхерсте.

Даже в худшие свои аспергианские дни я знал, что обладаю многими качествами, чтобы быть популярным. Я был умен. У меня было доброе сердце. Я умел смешить людей. Я даже выглядел почти нормально, хотя и смахивал на «ботаника». Но странности моего поведения заслоняли эти качества от других, заставляя меня замыкаться и стыдиться себя. До недавнего времени, где бы я ни жил, я всегда нес с собой бремя синдрома Аспергера.

Только когда мы со Вторым Звеном и Медвежоном покинули Чикопи, я оставил этот груз позади.

Так зачем же мне было возвращаться в Амхерст? Потому что у меня наконец появилась возможность превратить поражение в успех. Я отправлялся сюда, вооружившись новыми знаниями о синдроме

Аспергера, и это давало мне шанс начать жизнь заново. Новый я, в новом доме, в новом городе.

Джек пойдет в школу в Амхерсте, как и я когда-то. Но, в отличие от меня, он ее закончит.

Переезд прошел весьма благополучно. Все люди, отравлявшие мне жизнь в юности, исчезли. Учителя, которые мечтали от меня отделаться, давно ушли на пенсию. А большинство из нынешних полицейских еще даже не родились, когда я уехал отсюда в 70-х.

Что еще важнее, знакомые, с которыми я не виделся тридцать лет, приняли меня с распростертыми объятиями. «Почему они так себя ведут?» – удивлялся я. Но потом понял. Они были рады меня видеть, потому что теперь я не делал ничего, что могло бы их оттолкнуть. Я научился быть дружелюбным.

Это оказалось так просто, но мне понадобилось поразительно много времени, чтобы освоить это умение.

Мой друг, Пол Заградник, бросил школу в том же году, что и я, и теперь жил в полумиле от нас. За эти тридцать лет он стал признанным скульптором по металлу и разработчиком проектов застройки. Дом его стоял в небольшом тупичке длиной в четверть мили. А Горди, патлатый парень, работавший на свалке металлолома, жил в прекрасном доме через дорогу. Работал он все там же, но теперь возглавлял всю фабрику утилизации, занимавшую двадцать акров. Все мы проделали долгий путь.

Мой брат, как и я, при первой же возможности покинул дом. Он старался держаться подальше от Амхерста и работал рекламщиком в Бостоне, Нью-Йорке, Чикаго и Сан-Франциско. Я едва видел его за все эти годы. Когда он написал свою первую книгу, «Магазин на диване», то решил снова восстановить связь с семьей. Я помог ему купить домик в Нортхэмптоне, и он начал приезжать сюда по выходным. Он завязал с выпивкой и наркотиками, познакомился с Деннисом. Жизнь его пошла на лад.

Как только он услышал, что я переезжаю в Амхерст, он сказал: «А поблизости там места не найдется? Мы с Деннисом могли бы построить дом рядом с вами!» Так и сделали. Мы стали жить бок о бок в маленьком тупичке. У брата дом похож на игрушку – весь чуть ли не в рюшечках, мой – по-аспергиански функционален. Уверен, что мой дом спроектирован лучше, но брату до этого нет дела. Зато у него красивее. Даже притом, что в первый же год у него прорвало водопровод, и накануне Рождества он оказался по щиколотку в воде.

Когда брат выгуливает своих французских бульдогов (с неподобающими именами) и проходит мимо моего дома, Медвежонок заряжает во дворе самодельную бомбочку и приветствует его дымом и грохотом. Зимой, когда выпадает снег, я расчищаю нашу улицу на старом отцовском тракторе. А когда в доме брата выходит из строя водопровод, я спасаю его мебель на своем «лендровере» с прицепом и сушу у себя в гараже.

Кто бы мог подумать, что так случится? За те годы, что я не виделся с братом, он написал еще одну книгу – «Бегом с ножницами», где я фигурировал как одно из действующих лиц. Книга имела успех и помогла мне принять самого себя и начать гордиться тем, кто я есть.

Кроме того, она снова нас сблизила, и теперь мы вместе живем в городе, где когда-то все началось.

Оказавшись персонажем книги, я понял кое-что о самом себе. Большую часть жизни собственная история казалась мне постыдной. История ребенка, с которым жестоко обращались, который, как мне всегда казалось, страдал дефектом личности. Неудачник, не окончивший даже школу – это позор, и не важно, каких успехов я добился позже. Я годами врал о своем возрасте, образовании, происхождении, потому что правда была слишком ужасна. Благодаря книге, написанной моим братом, и тому, как потрясающе ее приняли читатели, мое отношение к себе изменилось. Я наконец-то обрел свободу.

Когда мы переехали в Амхерст, куда бы я ни пошел, я видел знакомые лица. И знакомые места. Но они больше не вызывали тяжелых ассоциаций, связанных с детством.

– Тебе обязательно надо сходить на баскетбольный матч в Массачусетском университете, – однажды сказали мне Пол и Горди.

Я ни разу в жизни не был на университетских играх, но после некоторых колебаний согласился.

– Перед игрой будет прием в зале наверху. Пойдем с нами, – сказал Пол.

Когда я вошел в зал, там уже собралось не меньше сотни человек. Тридцать лет назад такая толпа напугала бы меня до ужаса, я потерял бы дар речи. Я забился бы в угол, как затравленный зверь, и мечтал лишь о возможности сбежать.

Но теперь, благодаря моим знаниям о синдроме Аспергера и моей новой уверенности, ничего такого не случилось. Я не испугался и не стал прятаться. Более того, произошло нечто замечательное: оказалось, что я нравлюсь людям. Ко мне подходили, пожимали руку и всячески показывали, как рады меня видеть. Понадобилось всего-то немного познаний о том, что говорить и как себя вести – и мир переменялся.

Это было невероятно! Я обнаружил, что обрастаю друзьями и знакомыми, куда бы ни пошел. К моему удивлению, люди хотели быть ближе ко мне. Например, мой приятель Дэйв сказал: «Давай сядем рядом во время матча!» Самое обычное предложение, но я никогда раньше не слышал такого в свой адрес. Когда раздавался свисток судьи, Дэйв наклонялся ко мне и объяснял, что происходит в игре. Хотя я не разбирался в баскетболе, смотреть матч было интересно. Как и наблюдать за окружающими. Все они понимали в игре больше меня, но мое невежество их не тревожило.

Мало того, что я легко заводил новые знакомства – но и при общении не происходило ничего плохого. Никто не обзывал меня «мартышкой», как в детстве. Никто не угрожал мне. Никто не выгонял. В прошлый раз, когда я был в Амхерсте, никто не хотел брать меня в свою команду. Теперь, казалось, все только об этом и мечтали.

Даже мое вечное ощущение «самозванца» начало проходить. На вечеринке в доме тренера ко мне подсел один из сотрудников спортивного отделения.

– Знаете, я тоже так и не окончил школу, – сказал он.

Я не знал, что на это ответить. Интересно, как он узнал, что я бросил учебу? Потом я догадался, что он, должно быть, заранее расспросил кого-нибудь обо мне.

– Вы такая же неотъемлемая часть этого университета, как и любой выпускник, – продолжил он. – Вам всегда будут здесь рады.

Я был тронут почти до слез.

С тех пор я начал посещать все матчи. Хотя я так и не был «настоящим» студентом, большую часть своего образования я получил в этих стенах. И было приятно вернуться и оказаться среди друзей – я почувствовал, что вернулся домой.

Я понял, что мне необязательно все знать. Всегда можно спросить у других, и они ответят. Необязательно все подмечать. Друзья позаботятся обо мне и разъяснят необходимое. Внезапно меня осенило: «Это ведь и есть жизнь нормальных людей».

Я вступил в Спортивную ассоциацию университета и начал финансово поддерживать университет. Мой университет. Дела у команды пошли в гору. При моем участии команда наняла нового тренера и впервые за долгое время начала выигрывать. Мое прошлое наконец-то осталось позади. Что бы ни случилось дальше с баскетбольной командой, будет она проигрывать или побеждать, я в любом случае победил.

Глава 29

Моя жизнь как поезд

Я всегда любил поезда.

Однажды, когда Медвежонку было лет шесть, мы с ним отправились на грузовой двор «Конрейл» в Вест-Спрингфилде. Мы въехали на территорию депо, и под колесами захрустел серый гравий, покрывавший все вокруг, включая пространство между рельсами. Когда я был маленьким, отец возил меня смотреть на поезда, и вот тридцать лет спустя я привез сюда своего сына. В пять лет отец разрешал мне водить поезд в железнодорожном музее Филадельфии. Скоро я тоже повезу туда Медвежонка.

Видимо, любовь к поездам – это у нас семейное. Когда отец был ребенком и жил в Чикамоге, в штате Джорджия, дед водил его смотреть на паровозы, проезжавшие мимо их аптеки. И вот, более полувека спустя, мы делаем то же самое здесь, в Массачусетсе.

Медвежонок выглядывал в окно машины, изучая ряды товарных вагонов. Он был упитанным ребенком, и сейчас подпрыгивал и ерзал на сиденье всем своим пухлым тельцем. На голове у него была синяя полосатая кондукторская шапочка. Будь он собакой, он бы вилял хвостом от восторга.

Мы ехали сорок пять минут ради того, чтобы посмотреть на поезда, и теперь жаждали зрелища. Преодолев несколько рядов рельс, мы припарковались рядом с будкой смотрителя – старой деревянной развалиной, которая посерела от времени и почти сливалась с гравием вокруг. Диспетчер посмотрел на нас сквозь мутные стекла, и мы помахали ему рукой. Над ржавой печной трубой курился маслянистый дым. Все вокруг было тусклым и грязным, покрытым многолетним слоем копоти от дизельных моторов локомотивов, которые в то время ходили двадцать четыре часа в сутки каждый день в году.

Этот грузовой двор был построен еще во времена паровозов, пятьдесят лет назад, поэтому под слоем копоти от моторов скрывался еще толстый слой угольной пыли. Медвежонок любил чистоту и, к счастью, об этих слоях не знал. Повзрослев, он приобрел такую же навязчивую привычку постоянно мыть руки, как его дед и дядя. Но даже в детстве он терпеть не мог пачкаться. Так что я старался уберечь его от грязи.

– Смотри, папа, «эфки»! – закричал Медвежонок, показывая на два длинных серебристых локомотива FP-40, видневшихся на дальней стороне депо. Он заметил пассажирский поезд «Амтрак», который выделялся среди товарных составов, заполнявших двор. Нечасто увидишь, как амтраковский поезд без дела стоит посреди закопченного и усыпанного мусором грузового депо.

Мы пошли посмотреть на него поближе. Когда я собрался перейти очередные пути, где тихо ржавело полсотни старых товарных вагонов, Медвежонок крикнул: «Стой!» В свои шесть лет он уже знал, что перед тем как пересечь рельсы, нужно остановиться и внимательно посмотреть по сторонам. Убедившись, что вагоны и не думают

двигаться с места, мы быстро перескочили через рельсы. Под ногами у нас валялись пустые ампулы из-под кокаина, брошенные наркоманами, которые забредали сюда по ночам.

- Смотри, Медвежонок. Тот, кто принимает наркотики - дуреет и попадает под поезд, - сказал я.

- А почему тогда на рельсах не валяются куски людей? - спросил он.

- Может быть, их дальше поездом растащило.

Как только мы дошли до локомотивов FP-40, Медвежонок потерял к наркоманам всякий интерес. Локомотивы тихо рокотали на холостом ходу и время от времени шипели, сбрасывая лишний воздух через предохранительные клапаны.

Почему мы пришли сюда? Потому что аспергианцы стремятся узнать как можно больше о том, что их интересует, а транспорт всегда был одной из моих любимых тем. Когда я учился читать, то больше всего любил статьи в энциклопедии о поездах, кораблях и самолетах. А моими любимыми книгами долгое время были «Все о поездах» и «Автомобильная техника».

Пока мы ходили вокруг поездов, Медвежонок заметил небольшую горку песка под колесами одного из локомотивов. Он спросил, что это.

- Высыпалось из песочницы в двигателе, - сказал я. Медвежонок недоверчиво посмотрел на меня. Он привык, что я все время его разыгрываю. Дома у него была песочница, которую мы соорудили вместе. Но поездам, по его мнению, песочницы были не нужны. Он наморщил нос.

Мы подошли поближе.

- Смотри, Медвежонок, это труба, по которой высыпается песок из коробки в моторе, где он хранится. Когда колеса скользят, машинист нажимает на кнопку и подсыпает в колеса песок. При движении поезд разбрасывает его перед собой, чтобы улучшить сцепление.

Меня радовало, что я с раннего детства знакомлю Медвежонка с практическим применением техники - это пригодится ему в будущем. Особенно знания в таком вопросе, как сцепление. Я добавил: «В некоторых машинах тоже используется песок». Медвежонок с умным видом кивал, впитывая информацию. Позже я случайно подглядел, как он объясняет другим детям в школе, что такое сцепление.

В такие моменты я чрезвычайно им гордился. Настоящий юный инженер.

Медвежонок рос, а вместе с ним росли и моторы. «Конрейл» отказался от старых локомотивов «Дженерал Моторс» с двигателями на постоянном токе и перешел на новые модели - на переменном токе. Во время следующих наших визитов я объяснял Медвежонку преимущества новых моделей и один раз даже показал ему изнутри кабину локомотива со сложными панелями управления. Большие новые локомотивы производили сильное впечатление, особенно когда тянули тяжелый груз. Полюбовавшись на поезда в депо, мы решили посмотреть на них в действии, на железной дороге. И я знал для этого подходящее место.

Одним весенним днем мы поехали в Миддлфилд, где Беркширское шоссе пересекалось с железнодорожной веткой, ведущей на Олбани, штат Нью-Йорк. Мы свернули с магистрали и поехали по грунтовой

дороге в горы, пока не миновали мост над железной дорогой. Вскоре мы свернули на лесную просеку, которая милую спустя вывела нас к рельсам.

Воздух был свежим и чистым, а небо сияло такой синевой, какой никогда не увидишь в городе. По откосу скалы струился небольшой водопад. Сама железная дорога проходила через тоннель, пробитый в горе. Рельсы огибали склон и спускались футов на сто вниз – к Вестфилд-ривер. Рядом с двумя линиями путей шла служебная дорожка. Мы вышли на нее и стали ждать поезда.

– Смотри, пап! – Медвежонок бросал камушки и смотрел, как они падают в воду далеко внизу. Он огляделся, не покажется ли какой-нибудь зверь. – Как думаешь, мы увидим тут кабана? – с надеждой спросил он. – Ты достанешь ружье, а я его застрелю. А мама обдерет с него шкуру и мы его съедим. Давай найдем кабана, пап! – Медвежонок даже подпрыгивал на месте, так его взволновала мысль поймать кабана на обед.

Но кабанов нам не попало.

Довольно скоро мы услышали шум приближающегося поезда. С каждой минутой грохот становился все сильнее, и земля начинала дрожать под ногами. Мы с Медвежоном отодвинулись подальше от путей. Рельсы загудели, и вскоре из-за поворота показались огни локомотива. Даже за несколько сотен футов было видно, с каким трудом он тянет состав вверх по крутому склону. Когда поезд поравнялся с нами, он двигался в темпе быстрого шага – это все, на что хватало пятнадцати тысяч лошадиных сил на таком подъеме. Передний локомотив тяжело протащился мимо, а мы стояли на гравийной дорожке и смотрели на него.

– Песочные трубы, пап! – воскликнул Медвежонок, когда мимо него проплыл второй из пяти локомотивов. Конечно, песочные трубы сыпали песок под колеса, чтобы обеспечить поезду сцепление. Медвежонок был горд, что заметил эту деталь. Он помахал рукой, и машинист дал гудок в ответ.

Мимо нас прошли пять локомотивов, а затем сто тридцать три вагона – Медвежонок их все пересчитал. И вдруг снова наступила тишина. Постояв немного, мы повернулись и стали спускаться обратно.

– Как здесь можно попасть под поезд? – спросил Медвежонок. – Его же издали слышно! Только глухой не заметит.

В этот момент без всякого предупреждения позади нас вылетел поезд. Он мчался по вторым рельсам вниз, в противоположную сторону. Почти бесшумно. Он шел так быстро, что перепуганный машинист дал гудок, только когда пронесся мимо нас футов пятьдесят. Мы отскочили подальше от локомотива, и я показал Медвежонок, как дрожит и колеблется воздух вокруг его моторов.

– Это динамические тормоза, – объяснил я. – Они используют электромоторы на колесах в качестве генераторов, а от них работают большие батареи на верхушках локомотивов. Так что моторы работают как тормоза, преобразуя энергию поезда в тепло. Локомотивы движутся бесшумно, потому что моторы работают на холостом ходу.

Медвежонок покивал, переваривая услышанное. Состав все еще беззвучно скользил мимо нас, набирая скорость.

Больше Медвежонок не спрашивал, как люди могут угодить под поезд.

По дороге к нашему «лендроверу» мы подобрали два ржавых железнодорожных костыля – пополнение нашей внушительной коллекции дорожных сувениров. Я уже давно собираю такие трофеи – с тех пор как подбирал телеграфные изоляторы, гуляя с Мишкой пятнадцать лет назад. А теперь Медвежонок продолжал нашу традицию.

«Неужели не все отцы водят детей смотреть на поезда?» – удивлялся я. Похоже, не все – судя по шокированным взглядам, которые бросали на нас другие родители. Мамаши восклицали: «Как можно брать ребенка в железнодорожное депо? Это же опасно!» Однако, мы оба живы и здоровы. Мы прекрасно понимали, сколько весят локомотивы и вагоны. Я показывал Медвежонку, как от поезда может отлететь какая-нибудь деталь, и когда мимо нас проходил поезд, мы всегда держались на расстоянии футов в десять, чтобы нас не задело какой-нибудь железкой.

Возможно, наши с Медвежонком поездки в депо были связаны с любимой книжкой моего детства – «Паровозик, который верил в себя». У книги была желтая обложка, и на ней – ярко-голубой паровоз, который ехал через всю страницу. Когда мне было два года, я мог слушать эту историю бесконечно.

– Чух-чух! – говорил я, когда хотел, чтобы мне почитали про паровозик.

И мама читала мне книжку снова и снова. Я пыхтел и воображал себя маленьким паровозиком. Чем громче я пыхтел, тем сильнее убеждал себя в этом. (Несколько лет спустя я легко мог представить себя парой автомобильных дворников. Но пока у меня был «паровозный» этап.)

В книге паровозу нужно было подняться всего лишь на крутой холм. Но для меня, двухлетнего, это была настоящая гора – самая огромная в мире. И паровозик пыхтел, медленно карабкаясь по склону:

«Я-смо-гу, я-смо-гу, я-смо-гу, я-смо-гу!»

И я повторял за ним эти слова и подпрыгивал, таща поезд в гору. Сегодня я знаю, что мотать головой, раскачиваться взад-вперед или подпрыгивать на месте (я так делаю до сих пор) – это привычка, свойственная многим людям с аутизмом или синдромом Аспергера. Но для меня все началось именно тогда – когда я считал себя паровозиком, который тянет вагоны в гору. Раскачиваясь и подпрыгивая.

В итоге мы с паровозиком добирались до вершины. И спускаясь по другому склону, я счастливо улыбался и повторял: «Я-смог, я-смог, я-смог, я-смог!»

Так или иначе, я не забыл эту присказку, даже когда стал старше. Она придавала мне уверенности в себе. Но хотя я твердил, что у меня все получится, вокруг раздавались другие голоса, иногда очень громкие и настойчивые. Их было трудно заглушить.

«От тебя нет никакого прока».

«Ты даже школу не смог закончить, куда тебе еще за что-то браться».

«Ты конченный придурок».

«Эта хрень никогда не будет работать».

«У тебя ничего не выйдет».

«Таких, как ты, в тюрьму надо сажать».

Уверен, многие дети слышат подобные голоса, когда растут и стараются преодолеть трудности жизни. Некоторые сдаются и ломаются. Я знаю, потому что вижу этих детей каждый день. Вы тоже можете увидеть их без труда – они спят на помойках любого города. Когда мне было семнадцать, я тоже ночевал на помойке. Мне не понравилось. И я дал себе слово никогда не допустить подобного вновья.

Все плохое, что происходило в моей жизни, только придавало мне решимости преодолеть препятствия. И пока что у меня это вполне получается.

Но голоса не замолкли. Сменились люди, сменились слова, но их смысл остался прежним.

«Что ты такой нервный и взвинченный? Тебе нужны антидепрессанты».

«Расслабься ты, Джон. Садись с нами и выпей!»

«Знаешь, хороший косяк отлично расслабляет, попробуй. Может, не будешь все время дергаться».

Не знаю, почему, но я никогда не поддаюсь этим голосам. Во многих случаях было проще сдать, чем бороться дальше, но я не сдавался. Я никогда не прибегал к антидепрессантам, алкоголю, наркотикам или чему-то подобному. Я только упорнее работал. Я всегда считал, что лучше буду заниматься решением проблемы, чем приму таблетку и забуду, что проблема у меня есть.

Уверен, антидепрессанты, алкоголь и наркотики пользуются спросом. У других, но не у меня.

Когда-то в детстве я повторял вслед за паровозиком: «Я-смо-гу, я-смо-гу, я-смо-гу». С возрастом мой словарный запас расширился, как и границы моего мира. Теперь я говорю себе не только «я смогу», но и «я уже делал это раньше». Правда, и негативные голоса стали хитрее и изощреннее. Но теперь, когда я слышу их, то говорю себе:

«Те гитары получились, получится и эта».

«Я справился с предыдущей работой, справлюсь и с этой».

«Я уверен, что поднимусь на эту гору».

«Я знаю, что переберусь через эту реку».

И, за редкими исключениями, у меня действительно все получается.

Эпилог

Когда группа KISS ездила на гастроли, в конце мы всегда выходили и исполняли еще одну песню на бис. Вот и в книге «Смотри мне в глаза» настало время заключительного номера – и я хочу рассказать о том, как примирился с родителями во время работы над этой книгой.

Здоровье моего отца было подорвано уже давно – он страдал псориазом, артритом, диабетом, у него было слабое сердце. Но в конце лета 2004 года его укусил паук, и это стало последней каплей. Это был коричневый паук-отшельник – они живут в поленницах, в сараях, на чердаках, иногда заползают в обувь, но редко нападают сами, если их не тревожить. Мы думаем, что отец спугнул паука, когда рубил дрова. Так или иначе, через пару дней после укуса палец сильно распух, начал болеть, и моя мачеха, Джуди, повезла отца в больницу.

До того дня я даже не слышал о коричневом пауке-отшельнике, поэтому, придя домой, стал искать информацию. Оказалось, что размером он не больше монеты в четверть доллара, и многие люди даже не сразу замечают его укус. Однако, яд его может быть опаснее яда гремучей змеи. Палец у моего отца почернел, и в нем появилась дырка до самой кости.

Укус коричневого паука-отшельника – редкость для Новой Англии. Из четырехсот случаев, зафиксированных в базе данных, только девять приходится на Массачусетс. Большая же часть укусов произошла на юге США. И надо было так случиться, что мой отец с его расшатанным здоровьем оказался одним из тех девяти.

Палец выглядел страшно и уже начал источать приторный запах гангрены. Я считал, что нужно сразу его ампутировать, чтобы спасти отца, но врач настаивал, что палец еще не омертвел и его можно вылечить. Отец держался на капельницах с антибиотиками, но страдал от сильной боли. Я гадал, сколько его продержат в больнице. Он и так бывал там нередко.

Когда отец не лежал в больнице, то вместе с Джуди жил в доме, построенном еще в 70-е. За двадцать лет жизни в нем они приобрели его в свою собственность, расширили и надстроили. В гостиной был сводчатый потолок и дровяная печь в углу. Дрова они сами кололи на своей земле. Иногда на веранду забредали медведи и еноты, а в особенно холодные зимы снега наметало выше моего роста.

Джуди с отцом переехали сюда после того как поженились, для обоих это был второй брак. Отец никогда не был особо общителен – возможно, он сам был немного аспергианцем – поэтому жизнь в лесу его устраивала. Он проводил целые дни на природе, обходя свои владения. Отец вырос на ферме в Джорджии и всегда хотел иметь собственный трактор. Тем летом он приобрел новенький «Джон Дир 4510» с кабиной и фронтальным погрузчиком. Сейчас отец был слишком слаб, чтобы сесть за руль, но смотрел на него в окно и надеялся, что поправится.

Я жил примерно в часе езды, но отец редко звонил мне. С уверенностью рассчитывать на его звонок я мог только в свой день рождения и на Рождество. После того как появился на свет

Медвежонок, отец стал звонить и в его день рождения. В других случаях, если я хотел поговорить с ним, мне всегда приходилось звонить самому. И даже тогда он брал трубку примерно через раз. Хотя он неизменно радовался, когда мы приезжали к нему в гости. Я до сих пор не знаю, почему он сам не звонил чаще.

К ноябрю отца выписали из больницы. Он был еще слаб, но надеялся пойти на поправку. Большую часть времени он вынужден был проводить в постели, но на обед в День благодарения моя мачеха привезла его к нам на машине. Мы собрались все вместе – я, моя жена, Медвежонок, отец и Джуди, а также мой брат и его друг Деннис. Приехала даже сестра Марты, Третье Звено, и ее муж, Третье Звено-Б. На фотографиях, что я сделал в тот день, у всех нас счастливые лица.

В канун Нового года, в девять вечера, раздался еще один звонок. «Твой отец бродил вокруг дома и упал со ступенек гаража. Я уже вызвала “скорую”, они едут», – сказала Джуди. Голос у нее был испуганный.

Падение оказалось скверным – отец сломал спину и бедро. Повезло, что его не парализовало. Он выдержал операцию, и его заковали в гипс, чтобы обеспечить неподвижность. Он снова страдал от боли. После двух недель в больнице его отправили в пансионат на реабилитацию и сказали, что выпишут только тогда, когда он сможет сам подняться на два лестничных пролета и пройти двести футов. Отец был решительно настроен встать на ноги. Но ему приходилось нелегко. В конце января мы поехали его навестить. Живот у него раздулся, как баскетбольный мяч. Джуди объяснила, что из-за проблем с печенью жидкость не выводится из организма. Марте стало дурно, потому что за год до этого ее мать умерла от рака, и ее живот выглядел так же. Похоже, дела были совсем плохи.

Двадцать пятого февраля отца выписали домой. Он уже мог подниматься по лестнице и передвигаться с помощью ходунков. До выздоровления было далеко, но казалось, будто ему стало лучше.

Когда мы снова навестили его через неделю, он едва мог сидеть. Живот раздулся еще больше, а в паху был словно грейпфрут. Ему явно следовало находиться в больнице, а не дома. Когда ему понадобилось в туалет, мы с Джуди помогли ему подняться, и он медленно-медленно преодолел пять футов, опираясь на ходунки. «Джон Элдер, держи меня крепче», – говорил он. – «Я так боюсь упасть». В тот момент он снова был похож на испуганного ребенка. Теперь я почти не верил, что он поправится.

Прошло несколько дней. Вздутие живота усиливалось – печень была абсолютно изношена годами алкоголизма и обилием лекарств, которые он принимал от псориаза и артрита.

В понедельник вечером позвонила Джуди и сказала, что отца снова увезли в больницу. Каким-то образом я почувствовал, что эта госпитализация будет не такой, как предыдущие. Я понял, что отец умирает. Я взял Марту и Медвежонка, и мы поехали в больницу. По дороге я пытался вспомнить хоть какие-то хорошие моменты из своего детства, связанные с отцом, и не мог. На меня накатила злость.

Когда мы приехали, он был очень слаб, но сознание оставалось ясным. Похоже, он был рад нас видеть. Какое-то время я сидел около него в раздумьях – если спросить его о хороших воспоминаниях,

объединявших нас, тем самым я признаю его скорую смерть. Наконец я все же решился.

- Скажи, ты помнишь что-нибудь хорошее о нас с тобой, когда я был маленьким? - спросил я.

Я ждал ответа, холодея от мысли, что хороших воспоминаний может и не быть. Что мне делать тогда?

Но он заговорил.

- Когда тебе было пять, мы ходили в музей в Филадельфии. У них была игрушечная железная дорога с поездами, которая занимала целый зал, и ты обожал ее рассматривать, - он повернулся к моему сыну и сказал: - Однажды твой папа спросил смотрителя, можно ли поуправлять поездом. И смотритель разрешил. Твой папа сел за пульт и провел по залу все поезда, улыбаясь до ушей.

Я совсем забыл о тех поездах, но когда отец рассказал о них Медвежонку, я вспомнил все так ясно, словно это было вчера. Я добавил:

- А после того, как я поводил игрушечные поезда, твой дедушка показал мне другую часть музея, где стояли два настоящих локомотива.

- Болдуиновские, - вставил отец. - Они были сделаны филиладельфийской компанией «Болдуин Локомотив».

Я был поражен, что он это помнит. Несколько лет назад я читал историю компании «Болдуин», но даже не представлял, что отец о ней знал.

Он продолжал рассказывать, и события, о которых я забыл почти на полвека, вдруг возникли в памяти отчетливо и ясно. Я вспомнил весну, когда учился ездить на двухколесном велосипеде по булыжным дорожкам вокруг Храма Знаний в Питтсбурге. Мне так и не понадобились маленькие тренировочные колеса. Я пересел из детской педальной машины на трехколесный велосипед, а потом - сразу на настоящий двухколесный, и ни разу не свалился и ни во что не врезался. Тогда я был очень горд собой.

Отец сказал:

- Я купил тебе велосипед марки «Роллфаст», такой же, как у меня в детстве. Твой был с красным багажником и ножным тормозом.

У самого отца тогда был черный «Рейли», с тремя скоростями. Когда я вырос из «Роллфаста», он отдал «Рейли» мне. К тому времени сам он почти не катался.

Отец все говорил, а я с трудом сдерживал слезы.

- А помнишь парк Валли-Фордж? - спросил он.

И я вспомнил - как бежал по полям национального парка Валли-Фордж, запуская воздушного змея, которого отец для меня сделал. Светило солнце, мы оба бежали в его лучах, а мать смотрела на нас, сидя в тени. А потом я запутался ногой в бечевке и упал. У меня до сих пор остался шрам на лодыжке.

Значит, хорошие времена все же были. Когда мы стали собираться домой, отец заметил, что мне грустно. Он улыбнулся, потрепал меня по голове и сказал, чтобы я не тревожился. Он сказал, что еще поправится, но в глубине души я знал: это не так. Мне хотелось снова стать маленьким.

С тех пор я навещал его почти каждый день. Он все больше слабел и однажды сказал:

- Джон Элдер, я умираю.

- Я знаю, - сказал я. - Грустно. Как думаешь, куда ты потом попадешь?

- Это тайна. Никто не знает заранее.

- Тебе страшно?

- Да нет, не очень.

Джуди решила, что во вторник перевезет его обратно в Бакленд, чтобы он мог умереть дома.

Отец спросил: «Ты справишься?» Я ответил, что буду, конечно, тосковать, но выдержу. «Присмотришь за Джуди? Она так заботилась обо мне». Я пообещал, что присмотрю. Он попросил, чтобы я помог Джуди управиться с домом. Я обещал и это. Потом отец спросил о своем тракторе, и я предложил подогнать его под окна, чтобы отец мог взглянуть на него в последний раз. Он был рад такой идее.

Я просидел в палате еще часа два, беседуя с ним, моей матерью и Джуди. Потом отец утомился, и я пошел домой, пообещав, что вечером еще вернусь. На душе было тягостно. По пути я зашел к брату и сказал ему, что конец близок.

Придя домой, я разрыдался и все спрашивал себя, почему умирающие всегда просят меня присмотреть за своими близкими и имуществом. Прадедушка Данди просил приглядеть за фермой. Дедушка Джек - позаботиться о Кэролин и о полях и деревьях, которые сажал Данди. С тех пор прошло больше двадцати лет, и уже ничего не осталось. Бабушка Кэролин умерла, дом сгорел, деревья и поля тоже давно нет. Но, думаю, я сделал все, что мог. Я каждый месяц ездил в Лоренсвилль, с тех пор как умер мой дед и пока бабушка не переехала. Джуди как-то сказала, что тяжело быть старшим ребенком в семье. Она это знала по себе.

В понедельник я пошел на работу. Через несколько часов позвонила Джуди:

- Твоего отца перевезут домой сегодня. Ему хуже, нельзя ждать до вторника.

Пора было подогнать трактор. Я собрал инструменты, лопаты и трос. Кто знает, насколько его замело после таких снегопадов. По пути я заехал в школу и забрал Медвежонок. Будем вытаскивать трактор вместе.

В Амхерсте уже наступила весна, но в Бакленде погода была еще зимняя. Снег в поле лежал по пояс, а трактор стоял футах в ста от отцовского дома, рядом с сараем. Ковш полностью замело, передние колеса тоже ушли под снег. И все же день стоял солнечный, и трактор завелся сразу. Я дал газу, трактор затрясся, но не двинулся с места. Я попробовал поднять ковш, но он примерз к земле. Я принялся дергать его и раскачивать - и наконец он с лязгом оторвался от земли. В нем была глыба льда толщиной с фут.

- Давай откопаем его, пап! - сказал Медвежонок

Мы откапывали колеса, пока трактор не освободился от снега. Потом мы расчистили площадку спереди, чтобы было куда ехать. Я снова дал газу, но трактор не шелохнулся.

Мы продолжали копать, взмокнув от усилий, хотя на улице стоял мороз. Когда мы откопали тяговые крюки сзади, оказалось, что и они вмерзли в землю. Мы попинали их ногами, но это не помогло. Наконец, дернув гидравлический рычаг в кабине, я их высвободил. Теперь трактор сдвинулся. На целый фут.

- Пап, смотри! Переднюю шину спустило! - крикнул Медвежонок. И он не ошибся.

- Черт, и как же мы выведем трактор на трех колесах на подъездную дорожку? Тут еще снежный нанос в семь футов.

- Вытянем его лебедкой, - предложил Медвежонок.

У нашего «лендровера» спереди была хорошая лебедка. Увязая в снегу, Медвежонок добрался до автомобиля, стоявшего на дорожке, завел его и развернул носом к полю.

- Держи, пап, - Медвежонок протащил трос по снегу, чтобы я мог прицепить трактор.

Сын вернулся по сугробам к «лендроверу» и завел лебедку. Я сел в трактор и перевел его в полноприводный режим. Преодолев огромный нанос, трактор выкатился прямо на дорожку.

Как только трактор оказался на ровном месте, Медвежонок первым заметил проблему.

- Смотри! Передняя шина совсем слетела!

И действительно, пока мы тащили трактор, покрышку сорвало с колеса. На ее месте был голый стальной обод.

Мы вытащили покрышку из-под снега и надели ее на колесо с помощью двух больших ломов. За полчаса мы поставили трактор на все четыре колеса. Затем снова взялись за расчистку - нужно было освободить место для нескольких машин и «скорой». Трактор отлично справлялся с уборкой снега, и мне было жаль, что отец так и не увидит его в деле.

Звук работающего двигателя, запах топлива, бурная деятельность - все это отвлекало нас от мрачных мыслей. Я показал Медвежонку, как управлять ковшом, и он стал помогать мне с уборкой. В тот день я его сфотографировал - улыбаясь до ушей, он поднимает полный ковш снега и сваливает его на склон холма. Мы закончили расчистку, а потом поставили трактор у самого крыльца и стали ждать.

Приехала машина «скорой помощи», и два санитары вынесли отца на носилках через задние дверцы. Он улыбнулся, увидев меня, а потом посмотрел на трактор. Говорить у него почти не было сил. Я спросил, не хочет ли он поближе к трактору. Он покачал головой и сказал, что замерз, но улыбнулся снова. Мы с Медвежонком помогли занести его внутрь и уложить на кровать. Наконец он был дома. Некоторое время я стоял у постели и держал его за руку.

Пришел мой брат - он принес старые фотоальбомы, чтобы показать отцу. Но у того никак не получалось сосредоточиться. Он сказал, что посмотрит их позже.

Я обнял отца и сказал, что люблю его. Он еле слышно ответил: «Я тебя тоже». Тогда я видел его в последний раз. Он тихо скончался на следующий день в половине третьего, когда я был на работе. Стоял солнечный день, зима шла к концу. Узнав новость, я сразу поехал домой. Все закончилось. На следующий день у трактора снова спустило шину.

Вместо отца у меня остались только воспоминания. Долгие годы я мог помнить о нем лишь страшное и тягостное. Но теперь события и истории, которые были потеряны для меня на тридцать лет, снова ожили. Надеюсь, они останутся со мной.

С ними вернулись и другие воспоминания. Сейчас, когда мне пятьдесят, я чувствую, как покалывает босые ноги белый гравий на дорожке перед дедовским домом, и слышу стрекот сверчков. Чувствую характерный запах джорджийской глины и табака из трубки моего прадеда. Вот я тяну на себя дверь с тонкой сеткой от насекомых – она открывается со скрипом – и ощущаю прохладу черно-белых плиток под ногами.

Именно эти воспоминания – последний подарок моего отца – сделали эту книгу возможной.

Хотя некоторые воспоминания стали яркими и отчетливыми, другие оставались фрагментарными. Поэтому, желая получить больше ответов, я обратился к своей матери. Мы долгое время не общались, но снова начали разговаривать, когда я начал работу над книгой.

Поначалу матери сложно было принять, что мои воспоминания могут отличаться от ее собственных и при этом оставаться верными. Она говорила: «Тебя не было с нами в той поездке!» А я отвечал: «Да нет же, был. Я помню, как прятался за задним сиденьем и смотрел на небо!» Мы оба кое-что вспомнили из тех разговоров. Мать задело многое из того, что я о ней написал. После наших бесед я понял, что некоторые штрихи в ее портрете были неверны и исправил их. В других случаях оказалось, что мы по-разному помнили одни и те же события или иначе их толковали, и в итоге она приняла мою точку зрения. Думаю, написание этой автобиографии позволило мне лучше понять ее – какой она была, и как психическое расстройство повлияло на нее. Я знаю, что и она стала лучше понимать меня.

Большую часть своей жизни мать мечтала стать известным писателем. Она опубликовала несколько сборников стихов, но серьезная работа над мемуарами оказалась ей не по силам. У нее был талант и было что рассказать, но мешали обстоятельства жизни. Душевная болезнь обогатила ее уникальным опытом, но мешала запечатлеть его на бумаге. Потом у нее случился удар, ее частично парализовало, и ей стало физически трудно писать и не удавалось сосредоточиться. Но она не сдается, и я уверен, что однажды ее книга появится на полках магазинов, вместе с ее открытками и стихами.

Без сомнения, дар рассказчика, который, по мнению других, есть у моего брата и у меня, мы унаследовали от матери. При всех своих недостатках, наши родители были очень умными, тонко мыслящими и талантливыми людьми.

Очень жаль, что отец не дожил до выхода моей книги. Надеюсь, он бы гордился, если бы прочел ее. Думаю, так бы оно и было – и так же считает его брат, мой дядя Боб. Боюсь, отцовский портрет получился более резким, чем мог бы, потому что я не успел получить от него объяснения. Возможно, тогда бы я смягчил краски некоторых своих описаний.

Я многое понял, работая над книгой, и теперь думаю, что родители делали все возможное, с учетом обстоятельств. У них обоих было крайне тяжелое детство, и это отразилось на мне и брате. Но

причиненный вред не вечен и не обязан передаваться по наследству. Сейчас у меня все хорошо, и у брата тоже. Медвежонка никогда не били, и он не сталкивался со всем тем, что пережили мы с братом. Надеюсь, он и не узнает наиболее мрачных сторон жизни.

Я уже упоминал, как Медвежонок рассказывал соседскому малышу Джеймсу о драконах, живущих в канализации. Он делает собственные фейерверки, а в математике и программировании разбирается гораздо лучше меня. И пусть отрицает сколько угодно, но он во многом похож на своего отца.

Надеюсь, что дедом я стану не прямо сейчас, а по прошествии нескольких лет, но я с нетерпением жду того дня, когда Медвежонок поведет собственного сына в железнодорожное депо – смотреть на локомотивы.